

АЛЕКСАНДР
ПРОХАНОВ

Желтоход

РОМАН-
ТРИЛЛЕР

Александр Проханов

Теплоход

«Алгоритм»

2010

Проханов А. А.

Теплоход / А. А. Проханов — «Алгоритм», 2010

Главные действующие лица романа-триллера Александра Проханова «Теплоход» – российская элита, легко узнаваемая за ироничными псевдонимами. На теплоходе «Иосиф Бродский» избранное общество отмечает свадьбу угольного магната Франца Малютки и светской львицы Луизы Кипчак. Во всех каютах телеканал, специализирующийся на реалити-шоу интимной жизни, установил видеокамеры. Канун президентских выборов. Действующий президент отказывается идти на «третий срок», и его ближайший помощник готовит переворот...

© Проханов А. А., 2010

© Алгоритм, 2010

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвертая	28
Глава пятая	39
Глава шестая	50
Глава седьмая	60
Глава восьмая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Александр Андреевич Проханов

Теплоход

*Вот, Я посылаю пред тобою Ангела хранить тебя на пути и
ввести тебя в то место, которое Я приготовил.*
Исход 23:20

Часть первая

«НИ СТРАНЫ, НИ ПОГОСТА...»

Глава первая

Глава Администрации Президента Василий Федорович Есаул – на коричневом твердом лбу морщины, как полоски от гриля. Черная, без пробора волна волос, осыпанная металлической сединой. Прямой целеустремленный нос с чуткими ноздрями охотника. Угрюмый блеск умных карих глаз с волчьим золотым огоньком. Густые кустистые брови, которым не давал срастись небольшой прогал переносицы, излучавший потаенное свечение.

Собеседник, посол Соединенных Штатов Америки в Москве Александр Киршбоу, – полнеющее холеное тело. Женственные мягкие губы с блуждающей ироничной улыбкой. Нежный обволакивающий взгляд зеленых русалочьих глаз. Волнистые светлые волосы, из-под которых прозрачно светились перламутровые плоские уши. Белые мясистые руки с одиноким перстнем, напоминавшим глаз теленка, взятый в золотую оправу.

Местом их встречи служила резиденция посла «Спасохаус», где в небольшой уютной гостиной был накрыт стол на двоих. За окнами чудесно зеленел сад старинной московской усадьбы, цвели розы, солнечно брызгала и переливалась вода. Среди оконных, чисто вымытых стекол было вставлено одно – малиново-алое, полное сочных рубиновых лучей, которые ложились на паркет, словно в этом месте было пролито вино. Служители в белых камзолах, приносившие на подносах серебряные супницы и фарфоровые соусницы, попадали в лучи, пропитывались сочным вишневым цветом, и казалось, за их белыми туфлями по дубовому паркету тянутся мокрые красные отпечатки.

– Люблю сухое московское лето, жаркое, солнечное и слегка сумасшедшее, – произнес Киршбоу, наслаждаясь звуками русской речи, которой владел в совершенстве. – Впрочем, и зима в Москве великолепна, особенно крещенский мороз, смесь янтаря и лазури, малинового солнца и зеленого неба.

– Я знаю, Александр, вы работаете без выходных. Отказались от отпуска и не поехали в свой любимый Нью-Джерси. – Есаул старался быть любезным, для чего прикрыл настороженные недремлющие глаза, наблюдая за послом с помощью потаенного лобного ока, источавшего прозрачный луч. – Почему бы вам не оставить на пару днейков свой посольский кабинет и не поехать в какое-нибудь замечательное подмосковное место? Например, в Завидово. Там живет престарелый егерь, фольклорный человек. Он расскажет, как охотились в этих местах Брежнев и Громыко, Кастро и Хонеккер. Это он привязывал в кустах пойманного заранее кабана, чтобы престарелый Леонид Ильич мог застрелить зверя из карабина, подаренного ему президентом Никсоном. Хотите повторить этот выстрел?

– Василий Федорович, я не охотник до кровавых забав. Предпочитаю чтение Достоевского или посещение московских коллекционеров и антикваров, у которых иногда приобретаю

изделия русской старины. – Отказ Киршбоу сопровождался легкой усмешкой, в которой Есаул усмотрел тщательно скрытую издевку над своим брутальным предложением.

– Ну что вы, Александр! Вы говорите о невинном подмосковном сафари, как если бы речь шла о кровавой оргии в Багдаде и Басре, где бурый песчаник так пропитался кровью, что стал краснее кремлевских стен. – Есаул не остался в долгу, помещая посла в круг эмоций, заведомо тому неприятных.

– Ваш Президент, Василий Федорович, недавно пролетел над многострадальным Грозным. Мне передавали, что он был так потрясен, что сравнил несчастный город с луной.

Киршбоу улыбался женственными губами, с ласковым превосходством над собеседником. И только перстень с оправленным в золото зраком жертвенного тельца говорил о принадлежности Киршбоу к касте жестокосердных жрецов.

– Нельзя шить одной нитью ваше нападение на Ирак и нашу самооборону в Чечне, – с раздражением, уступая в изящном состязании, произнес Есаул.

– Искусство дипломатии в том, чтобы уметь шивать и разрезать. Дипломаты – это закройщики, который шьют миру новый костюм. И как знать, где пройдет жесткий шов, а где мягкий вырез. – Неумолимость и угроза прозвучали в этих негромких словах. – Впрочем, вы правы, Василий Федорович, даже в самых неотложных трудах необходимо отыскивать возможность для отдыха. Я получил приглашение от господина Малютки и его очаровательной невесты Луизы Кипчак принять участие в их свадебном путешествии на теплоходе из Москвы в Санкт-Петербург. Отдых на воде среди изысканной российской элиты – о чем еще может мечтать иностранец, друг России, неумолимо познающий загадочную русскую душу?

– Вы правы, Александр, это будет великолепная свадьба богатых и очаровательных русских. Франц Малютка – самый крупный и успешный углепромышленник России, который не скрывает своих политических амбиций. Луиза Кипчак подарит ему не только славу несравненной обольстительницы и светской львицы, но и родословную самого либерального строителя новой России, чья могила в Петербурге стала местом поклонения демократов. За ваше странствие по водам! – Есаул поднял бокал с белым шабли, метнув на посла угрюмый молниеносный взгляд.

Их беседа изобиловала необязательными любезностями и едва заметными колкостями, которыми они перчили коричневый, с лужицей незапекшейся крови стейк, занимавший большую часть тарелки. Разглагольствования двигались по плавной спирали, медленно приближаясь к центру, где помещалась сердцевина еще незатронутых тем. Так мякоть персика содержит каменную косточку, которую предстоит извлечь, расколоть щипцами, чтобы ощутить на губах пряную горечь истины. Приближалось время пудинга – гастрономического изделия с прозрачными цветами из студня. Ложечкой можно было вычерпывать их дрожащие лепестки, проглатывая кусочки холодного студня. Малиновое стекло лило на пол винно-красный свет, будто вино из кувшина. Есаул опасливо наблюдал прилив алого света, подбиравшегося к столу.

– Василий Федорович, я собирался высказать вам точку зрения Госдепартамента и лично госсекретаря на проблемы, которые в последнее время активно обсуждаются в российской печати и в политическом сообществе. – Киршбоу не переставал мягко, чарующе улыбаться, но эластичная интонация его лишь скрывала металлическую сущность высказываний, как пластиковая изоляция обволакивает жилу электрического провода.

– Завершается второй срок пребывания в должности Президента Порфирия Антоновича Мухина, когда ему придется окончательно сложить с себя полномочия. Я понимаю озабоченность Кремля преемственностью власти. Но такая преемственность не может достигаться любой ценой. Было бы неразумно менять для этой цели конституцию, закладывая в нее «третий президентский срок». Или превращать Россию из президентской республики в парламентскую с одной только целью переместить Порфирия Антоновича из президентского кресла в кресло всесильного премьера. И уж поверьте, совсем неразумно объединять Россию и Беларусь в одно

государство, делая Президентом этого нового образования Порфирия Антоновича. Мы считаем, что ваш Президент должен уйти, оставляя неприкосновенным основной закон страны. Тем более что Порфирий Антонович неоднократно публично отрицал всякую возможность переизбрания на третий срок. Откуда же тогда, Василий Федорович, эта странная дискуссия в СМИ? Быть может, окружение Президента старается его удержать и тем самым сохранить свои привилегии?

Киришбоу взирал на Есаула женственными глазами, насмешливо наблюдая, как тот бледнеет и по стиснутым скулам пробегает ненавидящая дрожь.

Эта дрожь напоминала тусклую поверхность закипающего свинца, и всей воли и дипломатического такта не хватало Есаулу, чтобы унять это закипание. Пухлый, как младенец, американец с потаенными пороками на пунцовых губах, в центре Москвы, в чудесной русской усадьбе, диктовал условия ему, потомственному казаку, всесильному распорядителю Кремля, – как вассалу, слуге, подневольному исполнителю чужой победившей власти. Эта власть незримо присутствовала в светлом воздухе уютной гостиной. Наполняла взрывной энергией летучие молекулы и пылинки вокруг его головы. Была готова взорвать заряженные частицы и испепелить Есаула. Пунцовое пятно на полу медленно приближалось к столу, и в его бестелесном скольжении таилась угрожающая мощь.

Он был пленником в собственном доме, в собственной столице, в собственной стране. Было невозможно восстать, сбросить иго – за ним надзирали, следили, окружали всевидящими частицами. Как крохотные разведывательные спутники, частицы считывали его мысли и чувства, фотографировали его перемещения, доносили о каждой встрече. Сопутствовали ему на заседаниях правительства, в секретных штабах, на закрытых экономических форумах. Проникали в банки, министерства, ракетные шахты и подводные лодки. Страна, проигравшая холодную войну, была расчленена, обессилена. Ее наводнили бессчетные корпускулы, парализующую силу которых испытывал на себе каждый русский. И только он, Есаул, сопротивлялся наркотическому воздействию ядовитых молекул. Сжигал их своей неистовой ненавистью, отчего все темней становились коричневые ожоги на лбу, потаенней светились звериные огоньки на дне непокорных глаз.

– Дорогой Александр, мне казалось, что Америка, как никто, заинтересована в сохранении Президента Порфирия. Он проявил себя как искренний друг и предсказуемый партнер. Он – украшение «восьмерки», ее петербургская жемчужина. Полностью разделяет американскую концепцию «международного терроризма», наполняя ее кавказским содержанием. Он содействовал открытию ваших баз в регионах Средней Азии и предоставил воздушные коридоры для их обеспечения. В китайско-американских разногласиях, становящихся центральным мировым сюжетом, он неявно, но эффективно поддерживает вашу страну, всячески препятствуя проникновению в Казахстан и Киргизию китайского влияния. Согласитесь, немаловажным для Америки является сохранение стабильности в самой России, в чем весьма преуспел Президент Порфирий, остановив распространение экономического и социального хаоса. Избави нас Бог от повторения русского бунта, от которого зашатаются стены мира. Президент религиозно верит в устои либеральной экономики, готов конвертировать русскую нефть в американское развитие. Все это вместе, дорогой Александр, перевешивает незначительные отступления от либеральных процедур, которые сопровождают продление президентских полномочий на третий срок.

Этот любезный тон стоил Есаулу немало усилий, отчего сузились и тонко задышали его чуткие ноздри, седина на черных сплошных волосах заблестела, как сыпучие звериные искры, а тайное око в костяной переносице окуталось облачком невидимой плазмы.

– Никто не посмеет отрицать заслуги Президента Порфирия перед Россией и мировым сообществом, Василий Федорович.

Киришбоу чуть изменил положение руки, отчего «телячий глаз» в золотой оправе метнул разящий луч в переносицу Есаула. Тот едва не вскрикнул, испытав колющую боль в мозгу, будто под череп проникла узкая слепящая молния.

– Однако во время его правления случались и перегибы, о которых можно пожалеть. Я имею в виду отмену губернаторских выборов, что знаменует откат от демократии в сторону централизма. Произошла неумеренная концентрация СМИ в руках государства, что резко сузило возможность отдельных групп и партий влиять на общественное мнение. Политические преследования, лишь слегка заgrimированные в юридические оболочки, привели к изгнанию из страны виднейших предпринимателей и политиков, некоторые же, самые непокорные, томятся в тюрьме. Вы прибегаете на Кавказе к политике «голой силы», что дает основания мировой общественности обвинять вас в геноциде чеченского народа. Вы упорно содействуете Ирану в его ядерных программах, зная, сколь болезненно это воспринимается в Соединенных Штатах. К тому же общий политический вектор Президента Порфирия завуалированно направлен на реставрацию российского влияния в бывших республиках СССР, что равносильно восстановлению, пусть в новой форме, прежней империи. И, наконец, как ни больно мне это констатировать, в тяжелый для Америки момент, когда мы проверяли искренность наших друзей, Президент Порфирий отказался поддержать наши усилия в Ираке.

Слова посла, при всей их уравновешенной мягкости, производили впечатление отточенного ножа.

Есаул испытал острую неприязнь к Киришбоу. Вся его казачья плоть и душа возопили мучительной антисемитской памятью о кровавой гульбе еврейских комиссаров по тихому Дону, на откосах которого висели красно-синие гроздьи расстрелянных казаков. Он свел свои кустистые брови, стиснув глазницу во лбу. Провел невидимой шашкой по Киришбоу от темени до пояса, разваливая пополам, так что лезвие рассекло стол надвое, перемальвая звонкий хрусталь и фарфор. И тут же салфеткой прикрыл взмокший лоб, пугаясь этой лютой вспышки.

– Дорогой Александр, в прошлый раз мы говорили о росте фашистских настроений в русском народе, что приводит к участвующимся убийствам эмигрантов и иноверцев, осквернению синагог и еврейских кладбищ. У молодежи самой модной прической стала бритая голова, в которой кроме цитат из «Майн кампф», крутятся подстрекательства коммунистического радикала Лимонова. «Лимоновская революция», в отличие от «оранжевой» или «революции роз», будет кровавой. Господин Куприянов, которого вы прочтите вместо Президента Порфирия, хоть и хорош собой, и умеет аппетитно высказываться, но не справится с назревающим русским бунтом. Углубит раскол элит, ввергнет Россию в хаос. Неужели американцы хотят, чтобы от Тихого океана до Балтики ревели и извергались вулканы русского бунта?

– Бунта не будет, Василий Федорович. Русский народ израсходовал энергию бунта и теперь не горит, а тлеет. Россия больше не угрожает миру революцией и войной. Она угрожает миру своим гниением, которое может стать источником неприятных эпидемий. Президент Порфирий оказался неудачливым врачом, и его методы лечения не привели к исцелению умирающей России. Госдепартамент считает, что надо возвращаться к прежней черте, от которой были сделаны неверные шаги. Новое руководство страны должно привлечь к ответу тех, кто ответственен за подавление свобод, разорение крупнейшей нефтяной компании ЮКОС и незаконный арест ее владельца, за кровавые преступления в Чечне и незаконный вывоз ядерных технологий в Иран и Северную Корею. Это будет началом оздоровления России, которое осуществит новый Президент господин Куприянов.

Киришбоу смотрел на Есаула внимательно, ласково, словно любовался. Так энтомолог рассматривает изумрудного жука, прежде чем вонзить отточенную булавку в его металлическую спину и перенести в стеклянную коробку. В коллекции низвергнутых врагов Америки уже красовались жуки разноцветные, пятнисто-алые, воронено-синие, огненно-желтые. Когда-то непокорный и горделивый Милошевич, низвергнутый Садам Хусейн, несговорчивый и вла-

столюбивый Норвега. Все, кто сражался, грозил восстанием, сжигал американские флаги, а потом ослабел и сдался, – были помещены в коллекцию. Есаул под цепенящим взглядом зеленых, водянисто-солнечных глаз испытал космический ужас. Словно из разъятых миров прыгнуло отточенное острие, вонзило в лопатки голубую сталь, и он, как пронзенный жук, корчится на игле, бессильно перебирая лапками. И кто-то огромный, внимательный смотрел на него из небес зелеными глазами иудея.

– Александр, вы хотите сказать, что после прихода к власти Куприянова, меня и моих товарищей отправят в Гаагский трибунал? – Есаул улыбнулся длинной волчьей улыбкой, обнажив крепко посаженные белые зубы. Скосил глаза на пурпурное пятно, неотвратимо приближавшееся к столу. Край белой скатерти уже коснулся багряной полосы, пропитался красным, словно его приложили к открытой ране. – Вы хотите сказать, что и на Президента Порфирия наденут наручники и повезут в Гаагу?

– Президенту Порфирию не грозит путешествие в Гаагу, – с легкой укоризной произнес Киршбоу, сочувствуя не понимающему логику политических процедур собеседнику. – Во время визита в Москву госсекретаря с Президентом Порфирием была достигнута договоренность. Президент после ухода из Кремля получает полную неприкосновенность и сохраняет в мировом сообществе репутацию безупречного политика. Взамен соглашается на контроль американских экспертов за разболтанным, пришедшим в негодность ядерным комплексом России.

У Есаула под сердцем словно взорвалась ручная граната, – брызги боли, страха и ненависти. Президент Порфирий, друг и соратник, основатель «тайного ордена», магистр «незримого братства», предал своих товарищей. Отдал в руки врагов, с которыми они вели тайную войну, преступая закон, совершая злодеяния, медленно, по крохам собирая растерзанное государство. Оказался ничтожным изменником, трусливым предателем, жалким честолюбцем. Госсекретарь, черная обезьянка с верткими ножками и пахнущим мускусом животом, в имперских залах Кремля, среди православных святынь и царских надгробий вершит судьбу Государства Российского. Ничтожный человек с плешивой головкой и белесым хохолком свиристеля предал великую идею, бежит к врагу, отдавая товарищей в плен, на позор и мучения.

Сквозь малиновое стекло бесшумно, как из открытой артерии, плескало алым. Скатерть хлопала и нестерпимо горела. Рука Есаула, сжимавшая серебряную ложку, была вся в крови, и казалось, вместо пудинга он поддевает из розетки ломтики трепещущей плоти.

– Неужели, господин посол, вы забыли, как благодаря моим неимоверным усилиям удалось скрыть от мировой общественности факт потопления нашего подводного крейсера «Курск» вашей субмариной «Лос-Анджелес»? Благодаря моим стараниям, в угоду интересам НАСА, мы досрочно свели с орбиты шедевр русской космонавтики, станцию «Мир», и утопили ее в океане? Благодаря моему лоббированию ваши нефтяные компании получают долю в разработке сибирской нефти, и мы строим незамерзающий Мурманский порт, откуда нефть танкерами пойдет в США? И после этого вы хотите привлечь меня к ответственности?

– Василий Федорович, я не сказал ничего подобного. Только то, что политика – это искусство сшивать и разрезать. Где провести надрез, какая часть ткани останется по одну сторону разреза, а какая по другую, решает политическое руководство Америки. Хочу только заметить – русские генералы и разведчики, «силовики», как вы их называете, не слишком искушены в интригах. В моменты кризисов они неизменно проигрывают, уступая либеральным интеллигентам, у которых нет танков, но есть утонченные технологии победы. Так было во время ГКЧП, когда «срезали» неуклюжих генералов армии и КГБ. Так было при Президенте Ельцине, когда устранили неповоротливых Коржакова, Барсукова и Сосковца. Так может случиться и теперь, если «силовики», к которым принадлежите и вы, Василий Федорович, в момент передачи власти станут вести себя необдуманно.

Это была угроза. Железной волей веяло от мягкотелого, ласкового человека. Есаул ощутил эту волю, как приближение стального сердечника, готового ударить в переносицу и пога-

силь чувствительное потаенное око. Перед ним сидел враг, всемогущий, библейский, не щадящий никого на земле, как не щадил он исчезнувшие народы, встававшие на пути предводителя Иисуса Навина, как не щадил донские станицы, расстреливая из орудий белые курени, выгоняя на откос рыдающих баб и детей. Враг восседал в центре Москвы в ампириной усадьбе, как владыка. Его агенты и соглядатаи наводнили Кремль, захватили газеты и студии, овладели финансами, контролировали центры влияния. Он подбирается к тайному бункеру, ключи от которого передал ему в руки предатель. И скоро последних защитников, босых и раздетых, выведут из катакомб, расставят на откосе и направят им в грудь брызжущий смертью свинец.

Пышная корона лучей, пропущенных сквозь алый светофильтр, коснулась лица Есаула, и он замер, обезумев от огненной маски. Все было красным, пылающим, бесшумно бушевало, накрывало с головой пурпурным приливом.

Киришбоу стал расплываться, менять очертания, перетекал в другие обличья. Как в плавленной печи, разлетался на слепящие брызги и вновь собирался в дикие фантастические образы.

Был бизоном с пламенеющим загривком, взрывающим копытами багровую землю саванны, – в горбе под лопаткой хлестала черная рана, поливала степь жаркой жижей. Превратился в почтовый экспресс, несущийся к Западному побережью среди вечерних холмов, – блестели рельсы, клубился малиновый дым, за поездом на красных конях гнались медноликие всадники, качались пернатые уборы, светились винтовки, блестели вагоны. Преобразился в линкор, разорванный страшным ударом, который погружался в воду залива, красную, кипящую, как варенье, – фонтаны огня, туманные струи грохочущих скорострельных орудий, в завесе огня, разрубленный на куски, скользит самолет с японскими кругами на крыльях. Плавно оформился в жемчужную медузу гигантского взрыва, с нежными пышными кромками, под которыми свивался голубой жгут атомной плазмы, – земля, коричневоржавая, цвета запекшейся крови, с мертвой коростой в одночасье погибшего города. Стал белоснежной капсулой с надписью «Аполлон», нашедшей в солнечном Космосе другое белоснежное чудо с надписью «Союз». Они нежно сближались, как фантастические небесные бабочки, трепетали серебряными крыльями, касались друг друга чуткими хоботками и усиками. И та, что звалась «Аполлон», вонзила в другую молниеносное жало, впрыснуло под белый хитин струйку смертельного яда. Теперь он являл собой американскую винтовку М-16, чей вороненый ствол отражал зарю Гиндукуша – на полированном цевье светомузыка вечерних хребтов, розовое зеркало ледника, облако, похожее на распустившийся мак.

Последняя метаморфоза вскрыла алые лепестки обезумевшего рассудка, и Есаул, ахнув от боли, закачался под сосновой балкой, не доставая ногами земли. Руки, скрученные веревкой, были приторочены к кривой жерди, чьи концы были вмурованы в саманные стены. Двор, окруженный глинобитной оградой, заливал слепящий жар. Из-за купола глинобитной постройки с осколком голубого изразца слышались стуки цепов, на солнце, прозрачная, легкая как пух, летела мякина. На земле чернела высыхающая лужа крови, окруженная по краям изумрудным ожерельем застывших мух. Рядом с лужей, с мутно-жемчужными немигающими глазами стояла на обрубке шеи баранья голова с загнутыми рогами. Петух налетел на курицу и топтал ее, прижимая к земле. Курица освободилась, побежала, распушив рябые коричневые перья. Петух победно вытянул шею, золотую, с голубым отливом, открыл для крика костяной крепкий клюв, но издал лишь сиплый скрипящий хрип. Есаул почувствовал, как содрогается от рези пах и под тканью изорванных брюк, по затекшим ногам побежала горячая струйка. Достигла черных опущенных пальцев и, блестя, стеклянным ручейком пролилась на сухую землю. Тотчас впиталась, оставив сырое пятно. Из калитки выбежал круглолицый афганский мальчик в малиновой шапочке и синей долгополой рубахе. Увидел, как мочится подвешенный человек, поднял камень и кинул. Промахнулся – камень слабо стукнул за спиной, ударив в сухую стену.

Есаул висел под сосновой перекладиной в афганском кишлаке, и в его помраченном рас­судке роились видения. Подвешенный к балке, он слушал, как сверху начинают звучать гро­моподобные слова.

– Василий Федорович. – Это был дружелюбный голос Киршбоу, встающего из-за стола. – Я все думаю, что бы я мог подарить молодоженам – несравненной Луизе Кипчак и господину Малютке? На теплоходе, я знаю, будет церемония вручения подарков.

– Это и для меня большая проблема. – Есаул поднялся, выпадая из красного бреда, кото­рый схлынул бесшумным водопадом. – Я ведь тоже получил приглашение на свадебный теп­лоход. Господин Малютка – угольный магнат. Может, подарить ему кусок каменного угля в золотой оправе? – Есаул, борясь с помрачением, отступал подальше от рубиновых лучей, чья колдовская сила все еще опьяняла его. – Луиза – автор и ведущая самой пикантной эроти­ческой программы на телевидении. Может быть, ей подарить Камасутру – на пергаменте, с рисунками древнего индийского мастера?

– Что-нибудь придумаем, – засмеялся Киршбоу. – А сейчас, Василий Федорович, мне не терпится показать вам подарок, который я сделал себе самому.

– Что за подарок? – к Есаулу уже вернулась прежняя ясность мыслей.

– Чудесная русская икона семнадцатого века, кажется из Тобольска. Ваш министр куль­туры, милейший человек, помог мне приобрести эту икону и решить все формальности для вывоза ее из страны.

– Наш министр – действительно милейший человек, с одной лишь маленькой слабостью. Его хобби – вывозить культурные ценности из России.

Эти слова со смехом произнес Есаул, следуя за Киршбоу в соседнее помещение, в рабо­чий кабинет посла, где на стене в строгой раме висел портрет американского Президента, узко­лобого властелина планеты.

На диване, прислоненная к кожаной спинке, стояла икона – старинный Спас. Грубые чер­ные доски в щербинах и метинах, покрытые древним нагаром, несмываемой копотью лампад и свечей, глубинным смоляным теплом бесчисленных молений, вздыханий и поцелуев, пре­вратили икону в чудесное хранилище русской красоты и боли. Быть может, последний царь в предсмертной тобольской ссылке вместе с цесаревичем и исстрадавшейся в предчувствиях царицей стоял перед этим образом на коленях. Огромные немигающие очи с подглазьями. Сурово сдвинутые, немилосердные брови. Чуть краснеющие сжатые губы, окруженные лег­кими пучками волос. Спас взирал угрюмо и строго, среди изысканных безделушек кабинета, телефонами и компьютерами, словно расталкивал их, не подпуская к себе близко, создавая вокруг бестелесное поле отчуждения.

– Ну, как вам икона? – Киршбоу восхищенно смотрел на образ, потирая полные руки, подсвечивая пленную икону перстнем с телячьим глазом. – В моем загородном доме в Нью-Джерси она займет самое почетное место.

Есаул чувствовал утонченную пытку, приготовленную для него американцем. Мучение было облечено в непринужденную форму дружеского общения. Он и сам был пленный, скован невидимой цепью, как узник Гуантанамо, на глазах которого осквернились святыни. Унижае­мый в своей сокровенной сердцевине, Есаул мог только бледнеть, мучительно улыбался, не в силах скрыть пробегавшую по скулам судорогу.

– Вы, Александр, настоящий знаток России. Нам повезло с послом, а вам повезло с нашим министром культуры.

Есаул делал вид, что любит Спасом, радуется удачному приобретению. Старался выдержать невыносимую пытку.

Спас взирал на него с укоризной. Офицер, правитель страны, кому судьба вменила защи­щать и спасать Россию, он был бессилён сберечь родную святыню, чудотворный образ, увози­мый в плен оккупантами и разорителями Родины. Русский Бог смотрел на него с осуждением и

угрюмым презрением. И это казалось проклятьем, отлучением от благодати и святости, сбросом во тьму.

Есаул поворачивался спиной к послу, делая вид, что любит икону и выбирает лучшее место для обозрения. Сам же, побледнев от страдания, каялся перед образом. Просил не винить за то, что не в силах убить ненавистного еврея, сорвать со стены портрет дегенерата, разорвать флаг врага. Незримо, верующей страстной душой, припадал к закопченным доскам, касаясь губами не божественных уст, не смуглого, в треугольных морщинах лба, а только синих и красных цветов, окружавших голову Бога. Умолял научить, что делать ему, захваченному в тенета предательства, обманутому Президентом Порфирием, окруженному врагами страны.

Умоляюще смотрел на грозный божественный лик. И вдруг из глубин строгих немигающих глаз, из пунцовых, как лесная малина, губ, хлынула чистая влага, сверкающий слезный поток. Оросил икону, заструился по черному дереву, на котором просияли цветы, зажглась позолота, прочертились священные письмена. Образ беззвучно рыдал – о России, о несчастном народе и о нем, Есауле, погруженном в пучину несчастий, не умеющем пробиться к высшей лазури, к спасительной дивной истине, в которой нет места злодеяниям, а чистые души цветут, как цветы несказанного Рая.

Есаул был потрясен. Отступил от плачущего образа. Киршбоу, не заметивший чуда, проводил его до дверей «Спасохауса».

Глава вторая

Следующая встреча была в Кремле, в кабинете Президента Порфирия. Кабинет сиял великолепием и имперским величием, был изукрашен теплым малахитом, светящейся яшмой, туманным сердоликом, бело-розовым и снежно-голубым мрамором. Позолотой сиял камин, ампириная, драгоценная мебель, часы с Афиной Палладой. Хрустали канделябров и лучезарная люстра переливались нежными радугами. Кабинет был выполнен по рисункам знаменитого Глазунова, знатока петербургских дворцов и аристократических подмосковных усадеб. Являл собой чудо вкуса, возвышенной красоты и вдохновения. Был переделан из кремлевского кабинета Сталина, чьи аскетические дубовые панели, тяжеловесный диван, продавленные кресла и светильники в матовых абажурах канули в Лету вместе с грозным хозяином.

Президент Порфирий сидел за широким столом карельской березы, положив на зеленое сукно хрупкие белые руки. Сукно было пустым, без бумаг, с крохотной визитной карточкой, на которой жеманной вязью было выведено чье-то женское имя. На периферии стола, аккуратно расставленные, не менявшие своих мест все годы правления, покоились фетиши Президента. Хрустальный шар, поглощавший солнечный свет, в чьей глубине переливалась ослепительная косматая радуга. Янтарные, искусно выточенные Бранденбургские ворота. Кисть дамской руки с волнистыми чудными пальцами, отлитая из серебра. Небольшое блюдо из венецианского стекла, зелено-голубое, цвета морской волны, на дне которого лежала изящная, из белой платины наяда. Президент светло смотрел на Есаула водянистыми, чуть выпуклыми глазами. Улыбался застенчивой милой улыбкой.

– Вася, ты не заметил, что наш премьер поразительно похож на мэра Лужкова и юмориста Жванецкого? Та же степень облысения, те же плутоватые глазки, та же глубинная алчность. Я ему говорю: «Зачем государственные накопления России хранить в банках Америки? Давайте переведем часть в Гонконг?» А он блесит своими пуговками и посмеивается: «А вы в случае «оранжевой революции» собираетесь переехать в Америку или в Китай?»... Приходил на прием губернатор Русак. Таких Русаков на Брайтон-Бич поискать. Выклянчивает деньги на сельское хозяйство. Знаю я это хозяйство – сафари-парк, горнолыжный курорт и Диснейленд на землях, где рожь выращивали... Является вчера Добровольский, старая лиса, пережившая двух генсеков и двух президентов: «Умоляю, Порфирий Антонович, помилуйте нашего незадачливого узника-олигарха. В сибирской колонии он подвергается издевательствам уголовников, которые бурят ему задницу в поисках нефти. Помилование произведет самое благоприятное впечатление в бизнес-сообществе». А я-то знаю, что он меня ненавидит, настраивает бизнес против меня... «Мидовец» малахольный приводит ко мне африканца на вручение верительных грамот: «Порфирий Антонович, эта страна находится в зоне «национальных интересов» России». Какие интересы? Обезьяна с дипломом Оксфорда, зараженная СПИДом. Во всей стране две русские бабы, вышедшие за африканских студентов и нарожавшие кучу чернокожих мартышек... А тут еще пресс-секретарь затрахал своим «пиаром»: «Порфирий Антонович, вам необходимо совершить полет на стратегическом бомбардировщике к полюсу. Это вновь подымет ваш пошатнувшийся рейтинг». Да они же летающие гробы, эти «стратеги»! Хотите похоронить меня на Северном полюсе?.. А сегодня подкатывается твой любимец Яким: «Порфирий Антонович, движение «Нейшн» объявляет конкурс на лучший стих о Президенте России. На проведение конкурса нужно сто тысяч долларов». А он не знает, твой молодчик Яким, что в народе его шайку именуют – антифашистское движение «Гитлерюгенд»?.. Устал, надоело!.. Брошу все и уеду в Альпы кататься на лыжах!..

Все это он произносил томно, женственно. В окружении красивых безделушек и дорогого убранства напоминал капризного изнеженного маркиза, каких любил рисовать художник

Бенуа. Есаул мысленно уложил его на мягкое канапе, где тот поместил свое маленькое изящное тело, подперев миловидную голову, вытянув ноги в панталонах и белых чулках.

Это сравнение мучило Есаула, рождало ощущение хрупкости, ненадежности, мнимости. Будто убранство кабинета – пышная геральдика и золоченые гербы, изящные изгибы и дорогие виньетки были изделием искусного гастронома, изготовившего праздничный торт. Разрежут на сочные ломти созданный из крема камин, подденут ножом марципаны и трюфели украшений, извлекут ванильную, пропитанную вином мякоть, и вновь обнажатся жесткие дубовые стены, тяжеловесная рабочая мебель, зеленая настольная лампа. Хозяин кабинета, во френче, с прокуренными усами, снимет телефонную трубку и тихо скажет: «Слушаю тебя, Лаврентий».

– Понимаю, ты устал. На то оно и есть – бремя власти. Сталин, который здесь когда-то работал, тоже уставал. Но до смерти нес свое бремя.

Есаулу показалось, что Сталин слышит его слова. Присутствует рядом, вот-вот прорвет бутафорию разукрашенных стен, шагнет в кабинет и встанет, сурово поглядывая на измельчавших политиков, промотавших великое наследство.

– Сталин не только сам утомился, но и всех остальных утомил. Поэтому, говорят, Никита его и убил. Чтобы дать отдохнуть народу. – Президент Порфирий потянулся за столом, так что нежно хрустнули сахарные хрящики. Было видно, что мысли его реют над сверкающими альпийскими склонами, по которым он несется по извилистой трассе, подымая чудесный солнечный вихрь.

– Народ, отдыхая, полстраны потерял. Еще поотдыхаем немного, и России конец.

Есаула мучило это нарочитое легкомыслие, которым Президент исключал всякое серьезное обсуждение, угадывая в соратнике глубинное клокочущее раздражение.

– Конец, не конец России, – пусть уж без меня разбираются. Я свое дело сделал. Второй срок доматываю, можно сказать, сверхурочно. – Он легонько зевнул, похлопывая ладошкой по бледно-розовым губам.

Есаул увидел, как правее камина вздулась обитая парчой голубая стена. Сквозь лучистый шелк, продирая его с легким треском, в кабинет ступил Сталин. Остановился у стены – зеленоватый френч с костяными пуговицами, военные брюки, свободно заправленные в сапоги, густые рыжеватые волосы с желтоватой сединой на висках, небольшой крепкий кулак, сжимающий вишневую трубку, медленно подносящий ее к тяжелым вислым усам.

– Все эти министры, долги Парижскому клубу, от замороженных чеченцы, тонущие лодки, бунтующие пенсионеры, – хлебнул этого пойла, и хватит. Пусть кто-нибудь другой. Может, ты, Вася? Станешь членом «восьмерки». – Президент Порфирий шаловливо взглянул на друга, радуясь тому, что шуткой своей причиняет Есаулу страдание.

– Я был у посла Киришбоу. Надменный иудей дал понять, что Госдеп и эта черненькая болонка возражают против продления твоего президентства на третий срок. Надеюсь, мы сможем дать достойный ответ наглецам? Быть может, на время закроем воздушный коридор для их баз в Средней Азии? Пусть гоняют свои «Геркулесы» через Пакистан.

– Это решение Госдепа, мой друг, подкрепляется всей мощью американской цивилизации, которая, увы, давно оттеснила нас на периферию мировой политики. – Президент Порфирий стал серьезен, лицо его заострилось, он стал странно похож на креветку с оттопыренными губами и выпуклыми водянистыми глазками. На лбу, под белесой лысиной, образовалась морщинка. – Иногда мы можем позволить себе изображать великую державу, и американцы из великодушия позволяют нам это. Но наш подводный атомный флот давно ржавеет у пирсов. Мы лишились системы дальнего ракетного обнаружения. На прошлой неделе упал последний разведывательный спутник, и у нас больше нет космической группировки. Наши деньги лежат в их кошельке, а их агентура рыщет по нашим министерствам и телестудиям. Придется подчиниться, мой друг.

Сталин отошел от стены, стоял у камина, насупил брови и слушал. Одновременно втягивал воздух в трубку, раздувая в вишневой чашечке малиновый уголь. Выдыхал синий дым. Есаул чувствовал дуновение забытого, старомодного табака. То был дым бывшего, испепеленного отечества.

– У тебя всегда была воля к власти. Ты был воплощением нищезанятия. Твоя воля привлекала народ. Люди, устав от безволия, обожали тебя не за результаты власти, а за волю к ней. Ты был воплощением русской державной воли, а она сильнее дивизий и ракетных лодок.

– Воля к власти уступила место воле к свободе, мой друг. Властью искушал Христа Сатана. Свободу Христос проповедовал с кровли храма. – Президент Порфирий легко воспроизвел интонацию задумчивого богослова. Затуманил взор, прозревая глубинные сущности бытия. – Я решил уйти, мой друг.

– Но ведь все полетит к черту! Вся громадная государственная работа! Все, к чему ты нас призывал! Недостроенное здание рухнет!

– Но так ли мы строили? Все ли камни клали на место? – Теперь Президент был исполнен мягкой печали, сознавая тщету земных устроений, когда затеянное вопреки Божьему промыслу дело, подобно столпу Вавилонскому, обречено на крушение. – Не на песке ли мы строили?

– Ты говорил, что мы восстановим порушенную державу! Соберем утерянные пространства! Встанем железной пятой на западных и восточных границах! Накажем жалких карликов в Прибалтике и на Кавказе! Ты позвал нас на великое дело, и мы поверили тебе и пришли!

– Ты говоришь – «порушенная держава». – Президент Порфирий меланхолично, со скупым видом посмотрел в окно, где золотились мятые купола Успенского собора, и в узорных крестах путалась летучая стая галок. – Но элита не думает о мифической державе, а с радостью предается утехам на Лазурном берегу и Сейшелах. Ты говоришь – «утерянные пространства». Но эти пространства все более и более желтеют, одеваясь в цвет китайской империи. «Народ» и «великое строительство»? Но народ, как таковой, исчез, пьет, словно перед концом света, вешается на каждом суку, кидается в первую попавшуюся прорубь. «Железная пята на границах»? Генералы все воры, продают противнику танки и оружейные установки, и я жду, когда же они, наконец, продадут Бен Ладану атомную бомбу. В культуре навсегда засели гомосексуалисты, в науке царят экстрасенсы, промышленность производит игральные автоматы и рулетки для казино. Извини, но я не хочу, чтобы во время моего третьего срока взорвались разом все канализационные трубы России и меня забрызгало дерьмом в моем кабинете. Уж лучше я буду в это время купаться на коралловом рифе. А ты, если хочешь, восстанавливай на здоровье русскую канализацию!

Президент Порфирий счастливо засмеялся, обнажив белые зубки молодого хорька.

Сталин устало слушал, грыз мундштук, выпуская из усов кольца синего дыма. Одно колечко, не размыкаясь, перелетело кабинет и встало над головой Президента Порфирия, как прозрачный нимб, отмечая его загадочным символом.

Есаул чувствовал, как взбухает под лобной костью сокровенный глаз, протачивая непрозрачную материю всевидящим зрением. Сидящий перед ним изящный человек, которого он почитал другом, идейным вождем, «магистром тайного ордена», был предатель. Весь лучился предательством, как ночной болотный цветок. Его тонкие кости, хрупкие жилы, утонченные сосуды были пропитаны вероломством. Контуры его были размыты, словно яды выступали наружу, и вокруг шла реакция едва заметного тления.

Есаул подумал, что это предательство коренится в природе госбезопасности, из которой вышел Президент Порфирий, – той лукавой вероломной структуры, откуда выползли черви обмана, личинки гниения, гусеницы ненасытной алчности, источившие великое государство. Президент Порфирий был из того клубка – крохотный червячок, проскользнувший в тектонические разломы эпохи. Теперь он вырос, нагулял плоть, с блестящей головкой, в сочных золо-

тых колечках, с перламутровым отливом на скользких боках, но все тот же червь КГБ, пропитанный трупным ядом изглоданного государства.

– Я знаю, черная леди Госдепа обещала тебе индульгенцию за все грехи твоего правления. Ты подпишешь договор о контроле над русскими ядерными объектами. Пустишь американских морпехов к ракетным шахтам и ядерным станциям. И за это тебе гарантируют безопасность, членство в «клубе бывших президентов», сохранность вкладов в офшорных банках Кипра и Каймановых островов, которые, как мне известно, приближаются к тридцати миллиардам долларов. А о нас ты подумал? Отдашь нас в руки «гаагского правосудия»?

– Ты зря упрекаешь меня офшорными банками, – с тихой укоризной возразил Президент Порфирий. – Ведь и вы получили свое. Не стану перечислять вашу недвижимость в Англии и Испании, ваши виллы на Рублево-Успенском, пакеты акций в «Газпроме», участие в торговле оружием, доли в нефтяных компаниях, включая и тех, что были отобраны у дурных олигархов. Я позвал вас во власть, когда вы были всеми забытые, обшарпанные отставные полковники ГРУ, а теперь вы одни из самых богатых людей России. Вам не на что роптать.

Печальная улыбка и грустное выражение влажных выпуклых глаз искусно скрывали веселое превосходство и беспощадность намерений. В этой небольшой, освещенной солнцем голове, словно выточенной из горного хрусталя, уже созрело решение. Оно будет высказано в форме деликатного признания, за которым последует молниеносное действие. Так наносят удар кинжалом, завернутым в струящийся шелк. Глаза еще любуются чудесной благоухающей тканью, а сердце уже дрожит, пробитое клинком.

– После того как я уйду из Кремля, вы можете выбирать. Либо остаться со следующим Президентом, коим станет господин Куприянов. Либо продолжить свой бизнес в качестве частных лиц. Или, если угодно, уехать за границу и жить как рантье, в свое удовольствие. Ты должен понять, Василий, я – не ваш заложник. Не хочу, чтобы во время третьего срока террористы захватили Калининскую АЭС и диктовали мне условия. Или восстал обезумевший народ, и мне пришлось бросать на него войска или тайно бежать из Кремля.

Есаул опустил коричневые веки, чтобы собеседник не угадал в глубине сумрачных глаз бешеные искры ненависти. Но во лбу, выдавливаясь меж бровей, как выпуклое яйцо, взбухало потаенное око. Раскаленные лучи вырывались из костной глазницы и пронзали предателя. Тот начинал двоиться, терял очертания, оплывал, как воск. Ввергался в череду превращений, словно вращалось кармическое колесо сансары, и обнаруживались сущности прежних жизней Президента Порфирия.

Маленький злобный хищник, похожий на красноглазую крысу, вскакивал на спину ленивого динозавра, грыз сочное, брызгающее мясо. Нарядный полосатый жучок, похожий на драгоценную брошь, вылезал из туловища гигантского гниющего кита, чья туша взбухла на отмели. Евнух в гареме султана, среди изразцов и узоров, с тучным животом, бабьей грудью, поливал из ковша обнаженную девочку, ее смуглые плечи, острые грудки, стыдливо сжатые ноги, улыбался вожаденной улыбкой, вел пленницу в опочивальню султана. Сухой перезревший стручок на ветке африканской акации, под которой дремал утомленный лев, растворился, семена просыпались на спящего зверя. Мать Евы Браун с любовными стонами обнимала мужчину, кусала его усы, раздирала ногтями лопатки любовника, чувствуя, как вторгается в нее горячая лава, клокочет в дрожащем лоне. Старый слепой налим в гниющем омуте с заржавелым крючком в губе и обломком медной блесны. Зеленая невесомая тля, ползущая по волосатой руке Каина, когда тот с топором подкрадывался к спящему Авелю. Папа Сикст, шестипалый, в тяжелой серебряной парче, искушаемый страшным соблазном, с нимбом над головой, похожим на колечко табачного дыма. Зеленоглазая стрекоза с голубым изогнутым телом, пожирающая крылатого муравья на опушке леса под Суздаlem. Истошно кричащая нянька, на глазах которой убийцы ножами режут царевича у царских палат в Угличе. Танцовщица «Фоли Берже»,

поправляющая кружева на гибкой ноге, позирующая художнику Дега. Крохотная вошка, при- таившаяся в душевной шерсти верблюда, вяло бредущего через красные пески пустыни Регистан.

Колесо сансары крутилось, как огромная карусель, пронося перед глазами Есаула странные образы – бывшие воплощения Президента Порфирия.

Есаул прыгнул на карусель, и его понесло в иное пространство и время.

Он снова висел под сосновой балкой во дворе афганского кишлака, подвешенный на жесткой веревке. В гончарной стене голубел изразец. За стеной раздавался перезвон колокольчиков – в кишлак входил караван, над изгородью плыли губастые верблюжьи головы. Его голое тело пузырилось, обожженное солнцем. На ребре, как от удара копья, кровенела рана, которую сосали мухи. Под голыми ступнями темнела высыхающая лужа мочи. Голова гудела от ушибов, от солнечного перегрева, от безумных мыслей. Сквозь слезы, сквозь колючее, проникавшее под ресницы солнце, из пыльного света и горячечного бреда возникало видение – ангел великанских размеров. Его сияющие, выточенные из драгоценного камня ноги. Пылающее, цвета пурпура покрывало. Уходящая в раскаленную высь голова, в которой нестерпимо сверкали глаза, шевелились громогласные губы. Ангел воздел могучую руку, наставил на него указующий перст. В гуле небес звучало вещее предсказанье: «Это ты!», и у Есаула закладывало уши от слов, подобных изверженью вулкана.

– Ты думаешь, мне легко далось это решение? – Президент Порфирий покинул кресло и ходил по кабинету, вернув Есаула из галлюциногенного мира. – Я провел в раздумьях не одну бессонную ночь. Попытка попасть на Афон, спросить совета у афонских старцев, но разыгралась буря и не пустила меня на остров. Хотел испросить благословения у святого старца, отца Николая Гурьянова, что жил на псковском острове Залит, но и там, когда я поплыл на катере, случился непроглядный туман, и остров скрылся из глаз. Я понял, что надо смириться. Мы с тобой делали, что могли, но нельзя победить фатум истории. Русское царство пало теперь раз и навсегда. Мы переносим свою историю на небо, где жизнью вечной живут наши праведники, полководцы, великие духовидцы и созидатели. Там продолжится небесная история России, а здесь, на земле, будет конец и распад. Нельзя связывать себя с распадом и разложением.

Президент Порфирий энергично ходил, изображая трагическое волнение. Есаул чувствовал его лицедейство. Было странно, что он не замечает стоящего у камина Сталина.

– Ты позвал нас для великого дела, – глухо произнес Есаул, с трудом возвращаясь из мира галлюцинаций. – Мы, твои соратники, пришли в Кремль не за деньгами, не ради акций «Газпрома» или доли в «Сибнефти». Мы пришли ради русской идеи, как мы ее понимали, и как ты ее нам изложил. Теперь ты нас предал. Думаешь, мы с этим смирились?

– Я вас не предал, мой друг. Просто завершилась история, и я умываю руки. И не надо грозить. ГКЧП невозможен. Если дернетесь, вас сметут. – Холодная беспощадность звучала в словах Президента Порфирия.

Сдерживая трясение в скулах, пробежавший по телу озноб, Есаул почувствовал, что может убить Президента. Сжать коричневой костяной пятерней его голое цыплячье горло, чтобы хрустнул и провалился в глубину кадычок. Опустить железный кулак на белесое беззащитное темечко, чтобы хрустнула скорлупка, и вытекли водянистые рыбки глазки.

– Ты втянул нас в дело, в которое никогда не верил! Уедешь в Альпы и будешь кататься на лыжах, а меня в наручниках спецрейсом доставят в Гаагу. Потому что я своими руками, выполняя твои тайные поручения, наводил порядок в разоренной Ельциным России. Я создавал чеченский батальон «Восток», направляя его на «зачистки», после которых «без вести пропало» триста чеченцев и перестали действовать пятнадцать отрядов отъявленных боевиков. Я лично руководил операцией по захвату Масхадова, а потом приказал его расстрелять в подвале и подбросить в бункер, чтобы он на суде не разгласил тайну ваших с ним переговоров. Я придумал институт «специпредставителей Президента», положивших предел оголтелому сепаратизму татар, якутов, башкир, ингушей. Я убедил тебя отказаться от выборов губернаторов, этих алч-

ных и продажных бояр, торгующих из-под полы территориями. Я приструнил беспардонных телевизионных шавок, закрыв сначала ядовитые «Итоги», а потом и «Свободу слова». Я инициировал разорение ЮКОСа и арест его руководителей, а когда шел суд, лично вызвал судью и потребовал жесткого приговора. Я организовал устранение американца Хлебникова, этого проныры, который переселился в Москву и затеял издание «Форбса» с одной только целью – разноухать реквизиты твоих офшорных фирм. Это я задумал монетизацию льгот, чтобы стряхнуть непосильное бюджетное бремя, которым пользовались воры и прохвосты. Я продавливал финансирование армии и флота, выбивая деньги у твоих петербургских выкормышей. Я взял на себя «выстрел» в Беслане, который положил начало ужасному штурму и привел к гибели трехсот детей. Я создал для тебя идеологию новой империи, убедил принять текст и мелодию нового гимна. Я все это сделал ради благополучия Родины, и с этим ты передаешь меня в гаагское судилище, где готовы судить патриотов любой из стран мира, выступающих против оккупации. И это называется «умыть руки»?

Есаул испытал одуряющую немощь. Силы истаяли в мышцах, ноги не держали. Рассудок, охваченный паникой, был вместилищем хаотичных мыслей, среди которых одна побуждала убить, другая – бежать и скрыться, третья – изнемочь и рухнуть прямо тут, посреди роскошного кабинета. Обморочно, шатаясь, он двинулся туда, где у окна находился Президент Порфирий.

На его пути возник Сталин. Остановил его могучей силой, невидимым магнетизмом, от которого у Есаула оцепенели ноги, и он замер, натолкнувшись на прозрачную стену. Сталин медленно поднял усталые веки, и глаза, полные глубинного света и таинственных переливов, устремились на Есаула. В них была божественная пронизательность, достигавшая таких глубин в душе Есаула, до которых не погружался он сам. Сталин поднес к губам трубку. Сделал долгий, глубокий вдох. Отвел трубку в сторону. Направил в Есаула струю металлического, горячего дыма. Струя вонзилась в переносицу, проникла в глубинный глаз. Сквозь потаенное око омыла разум, наполнив дух холодным разумением и незыблемой волей. Окатила сердце, превратив в железный шар. Распространилась во все углы недвижимого тела, пропитав стальной уверенностью, прозорливостью, негасимой страстью, где были неразличимы ненависть и любовь, а дышала мессианская вера и молитвенное служение. Казалось, Сталин с серебристо-синей струей табачного дыма переселился в Есаула, обрел в нем новое существование. Есаул ощутил присутствие в себе громадной воли, тяжкого бремени, огненного небывалого счастья.

Отошел, изумляясь своему чудесному преображению.

Президент Порфирий шагнул от окна, начиная говорить: «Видишь ли, Василий, есть только видимость власти...» В своем движении по кабинету натолкнулся на Сталина. Замер, не понимая, какая безымянная сила удерживает его на месте. Сталин поднес к губам трубку. Сделал короткий вдох, за которым последовал слабый выдох. Клуб дыма окутал лицо Президента Порфирия. Тот замахал руками, стал смешно и тонко чихать, как чихает кошка, которой шутник хозяин выпускает в нос дым сигареты.

– Откуда эта аллергия! – говорил он, обмахиваясь батистовым платком. – Надо скорее в Альпы, на чистый воздух хребтов. Впрочем, мой альпийский отпуск будет недолог. Я приглашен в свадебное путешествие Луизы Кипчак и ее жениха Франца Малютки. Говорят, на теплоходе они проплывут из Москвы в Петербург. Ты же знаешь, Луиза Кипчак – моя духовная дочь. Я чту память о ее покойном отце, который был для меня благодетелем. Кстати, Вася, и тебе не мешает поехать. Там будет Куприянов, который, кажется, уже готовит инаугурационную речь. На воде, среди непринужденных бесед, вы сможете выяснить отношения.

– Ты прав, я подумаю, – отозвался Есаул. Он был спокоен и тверд. Еще не знал, как ответит на предательство, но уже провидел возмездие, которое сияло, как прозрачный кристалл льда под негаснущем полярным солнцем.

Они стояли у открытого окна, любясь Кремлем. В полупрозрачных резных крестах на куполах соборов, кустистых и нарядных, как золотые заросли, летали вороны и галки. Будто чайники кружились в водовороты синего воздуха, ныряли, пропадая в лучах.

Эти многочисленные обитатели кремлевских бойниц и башен доставляли массу хлопот хранителям кремлевских соборов. Птицы, упиваясь сиянием золота, склевывали с куполов драгоценные частицы, уносили в свои деревянные, из прутьев и веток, гнезда, выкладывали золотом неприхотливые жилища, превращая их в царские чертоги. После них на куполах оставались белесые метины, седые потеки, что сказывалось на торжественном благолепии храмов. Поэтому комендант Кремля, с разрешения Президента Порфирия, раз в неделю устраивал избиение назойливых птиц.

Вот и сейчас десяток стрелков Кремлевского полка в парадных мундирах, с ружьями, в разных концах площади были заняты отстрелом птиц. Вскидывали стволы. Грохали выстрелы, брызгали желтые струи огня. Подстреленные птицы рушились из синевы, срезанные дробью. Грай испуганно носился над Кремлем, метался среди крестов, а из него меткие выстрелы вырывали то одну, то другую птицу. Кремль сиял, белоснежно сверкал, окропленный вороньей кровью.

– Ловко стреляют! – Президент Порфирий восхищенно следил за потехой, отмечал возгласами каждое удачное попадание. – Я сам выбирал стрелков. Среди них есть снайперы, прошедшие Чечню. Есть Герой России, застреливший Гелаева. Когда я был в гостях у Президента Буша на его ранчо в Техасе, мы забавлялись тем, что стреляли из пневматических ружей в больших голубых лягушек в искусственном водоеме. Когда он приедет в Москву, я дам ему ружье, и он примет участие в нашей забаве.

Близко, под окном грохнул выстрел. Из пустоты, ударяясь о жестяной карниз, рухнула подстреленная ворона. Трепетала на листе железа – ком окровавленных перьев, перебитая белая кость, липкая гуща. Из раскрытого клюва вырывалось жуткое шипенье. В голове, умирая, светился ненавистью и болью огненный птичий глаз. Президент Порфирий отшатнулся. Затворил окно, глядя сквозь стекло на изуродованную птицу. Это был знак свыше. Посланная с неба черная метка, обрызганная рубиновым соком.

Есаул оглянулся. Сталина в кабинете не было. Только таяло у камина сиреневое облачко дыма.

Глава третья

Наступила суббота. Есаул, пребывая в тяжелом раздумье, отправился в Рублевско-Успенский оазис, где на даче у генерального прокурора Грустинова собирался «узкий государев круг». Союз приближенных соратников, «рыцарский орден», имевший обыкновение в конце недели, вдали от людных приемных, рабочих кабинетов, нервных встреч и телефонных звонков, встречаться на природе и свободно обмениваться мнениями по поводу важнейших государственных дел. Глядя сквозь сетчатую шторку «Мерседеса» на мелькание красных сосен, дымчатых хвойных крон, на верноподданных постовых, элегантно отдававших честь, Есаул пытался совместить множество элементов, из которых мучительно возникал сложный проект – ответ на трагедию, вызванную предательством Президента Порфирия. Но замыслу не хватало гравитации, отсутствовал скрепляющий принцип. Собранные элементы складывались в стройную фигуру, которая мгновение держалась в сознании, переливаясь драгоценными гранями, а потом начинала рассыпаться, рушилась, как огромное кристаллическое здание, пронзенное «Боингом», превращалась в дым.

Усадьба прокурора Грустинова помещалась в чудесном уголке на берегу Москвы-реки. Включала в себя участок заповедного леса, главной ценностью которого был пятисотлетний дуб. Он поражал грандиозностью, каменистым, в буграх и дуплах стволом, черными, как застывшая лава, ветвями и необъятной кроной, полной желудей, соек, сизоворонок, малиновок, дятлов, дроздов и белок. Этот дуб был внесен в каталог ЮНЕСКО под названием «Бога-тырский», ибо, по преданию, под ним отдыхал Илья Муромец после того, как скрутил и посадил в мешок Соловья-разбойника, свившего гнездо в ветвях того же дуба. Другое предание связывало заповедный дуб с Кудея ром-разбой ни ком и несметной казнью, зарытой в корнях. Третье предание утверждало, что под этим дубом лишилась невинности греческая царевна Софья Палеолог, когда ее привезли венчаться в Москву с великим князем Иваном Третьим. Было много других преданий, что и заставило прокурора Грустинова включить священное дерево в территорию своего участка, дабы уберечь национальную святыню от бездумных посягателей.

Есаул застал соратников сидящими за дощатым столом, в продуваемом ветром бунгало. Они поедали вкусное мясо громадного кабана, туша которого вращалась на вертеле среди дыма и багровых углей. Искусные повара махали опахалами, раздувая угли, опрыскивали вспыхивающее пламя водой, мягко вращали тушу, насаженную на железный шкворень. Другие длинными ножами отрезали ломти смуглого благоухающего мяса, несли на тарелках к столу. Царственный дуб бросал на зеленый газон просторную круглую тень, был полон голубого дыма, вспыхивал в черной листве колючим солнцем. Появление Есаула не нарушило трапезы, лишь внесло в нее оживление.

– Садись, Вася, закажи любую часть кабана, по вкусу, – усаживал гостя прокурор Грустинов, возбужденный сладким дымом жаровни и зрелищем могучего, рассеченного надвое зверя...

Прокурор был тучен, носил за спиной, на животе, на груди комья жирного мяса. Крохотные синие глазки шаловливо блестели среди складок розового лица. – А мы тут, знаешь, состязаемся, кто лучше предание про дуб расскажет. Я их запишу, отнесу в краеведческий музей, чтобы детки знали. Ну, кто у нас на очереди?

Взгляд его упал на спикера Государственной думы Грязнова. Серое железистое лицо, ямы щек, вислые, неопределенного цвета усы, сдавленные виски, – казалось, голова Грязнова побывала в слесарных тисках, где ее обрабатывали грубым напильником. Чмокая, он поедал кабаньей мозг, извлеченный из звериного черепа, отрезал аккуратные ломтики от складчатой массы, подносил на вилке к усам.

– Ну что вам сказать, господа? Предание таково. Иван Грозный охотился в этих местах. Раз, на охоте, проезжая мимо дуба, застал под ним своего сына Ивана, который задрал юбку молодой монашке и воткнул ей свой... ну как это по-татарски? – ялдак! А эта монашка была любимой наложницей Грозного царя. Тот сделал вид, что ничего не заметил. Вернулся в Москву, велел выстругать посох из ветки этого дуба, оковать железом. Когда сын Иван вошел в его палаты, царь вскочил и гневно крикнул: «Умри от дуба сего!» И убил сына. Вот такое, стало быть, предание. – Грязнов обвел собравшихся мутными глазами, в которых на мгновение расступился донный ил, и проглянуло осмысленное выражение. После чего с прежней старательностью стал поедать кабаний мозг.

– Кто следующий? – воззвал прокурор Грустинов, чиркая в блокноте маленькой золотой ручкой. – Даешь предания!

Следующим был министр экономики и развития Круцефикс. Небольшой, с неуверенными жестами, волосяным комочком бородки, волнистой шелковой шевелюрой, он отличался болезненной женственностью, которая проявлялась в странном жеманстве, с каким он поглядывал на свою тарелку. На тарелке красовался выпученный запеченный кабаний глаз – желтоватый белок, черный зрак, окруженный белесыми человеческими ресницами. Круцефикс прилаживался ножичком, норовя отрезать кусок глаза. Не решался, бессильно опускал руки.

– Предание, как оно бытует в окрестных деревнях, следующее. Петр Первый проезжал в карете мимо сего дуба. Залюбовался на могучее дерево и воскликнул: «Срубить его на постройку российского флота, коим будем теснить шведа на Балтике!» А из дупла голос: «Не руби, царь, заветное дерево. Где же нам тогда хороводы водить?» Царь заглянул в дупло, а там сидит пастушка, красная девица, ох как собой хороша. Царь ценил красоту, тут же красавицу на траве под дубом оприходовал. Пастушка через положенное время родила сына, которому царь дал имя – Дубровский и произвел в дворяне. Быть может, герой пушкинской повести – прямой царский потомок? – Круцефикс болезненно улыбался, оглядывая товарищей. Снова взял ножик, зажмурившись, разрезал надвое кабаний глаз, и тот распался, как крутое яйцо.

– Отличное предание. – Прокурор колыхал розовым жиром щек, делал пометки в блокноте. – Следующий!

Был черед говорить телевизионному магнату Попичу. Маленький, большеголовый и нервный, он во всем усматривал тайный подвох. Это делало его надменным, заставляло держать голову с хохолком высоко поднятой, произносить слова с пренебрежением к собеседнику. Высоко поднятыми были и его каблуки, что придавало некоторую неустойчивость походке, а значит, и характеру, подверженному вспышкам неоправданного раздражения. Он отложил нож, которым резал изогнутый кабаний язык, похожий на ятаган. Язык был шершавый, с желобом, в котором, казалось, еще держался предсмертный звериный рык.

– Предание? Вечно ты со своими прокурорскими выдумками! Ну, хорошо, слушайте. Ехала Екатерина Великая из Петербурга в Крым. Проезжала мимо дуба, и напала на нее похоть. А она, надо вам сказать, не умела ждать. Если приспичит, подавай мужика. Потемкина не было рядом, он вперед ускакал строить вдоль дороги деревни. Разумовский ждал ее в Запорожской Сечи с казаками. А был только кучер кареты. Она говорит ему: «Давай развязывай кушак, иди ко мне в карету». – «Барыня императрица, нездоров я. С утра карету поднимал, кила выпала». – «Ступай, говорю, а не то велю в Сибирь сослать». Нечего делать, кучер вошел к ней в карету, и она так разохотилась, что пошли они по третьему и по четвертому кругу, покуда кучер не помер. Императрица привела кринолин в порядок и сказала: «Дал дуба». С тех пор это крылатое выражение привилось в народе.

– Ну, ты даешь, Попич, – хохотал прокурор, водя золотой ручечкой. – Ну-ка давайте дальше по кругу!

На приглашение откликнулся министр обороны Дезодорантов, щегольского вида, с бровями вразлет, с легкой асимметрией аристократического лица. Одна рука у него была короче

другой, талию стягивал корсет, рядом стояла тросточка – спутник хромоты. Баловень успеха, сластена, искусный танцор и ценитель классической музыки, он всегда во время артиллерийских стрельб затыкал уши разноцветной ваткой, чтобы не повредить чуткий к бельканто слух. Сейчас он исследовал огромный, белесого цвета кабаньей семенник, лежащий перед ним на тарелке. Гурман и эстет, он не торопился разрушать ножом уникальное произведение природы.

– Предание, мои друзья, таково, – с легким грассе произнес он. – Стало быть, наш великий поэт Александр Сергеевич Пушкин прогуливался в дубраве, сочиняя одну из своих изумительных сказок. Приближаясь к дубу, он заметил дремлющую под ним барышню-крестьянку. Дивной красоты молодые, дышащие во сне ланиты. На целомудренной вые золотая цепочка. Поэт был по-африкански горяч. Осторожно снял с барышни золотую цепочку, повесил на сучок. Желая разбудить красавицу, тихо мяукнул. На его нежное «мяу» барышня откликнулась своим. Поэт овладел ею во сне. Вот так в «Руслане и Людмиле» появилась в зашифрованном виде эта любовная история: «Дуб зеленый, златая цепь на дубе том, и днем и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом...» – Дезодорантов мило улыбнулся и погрузил нож в перевитый жилами семенник.

– Ну ладно, теперь моя очередь. – Прокурор Грустинов отложил золотую ручку, взглянул на тарелку, где в черной крови круглилось огромное, как валун, кабанье сердце. В нем запеклась рваная рана – след тесака, прервавшего звериную жизнь. – Значит, так. Один деревенский силач по имени Иван, лежа под дубом, поднял на своем члене двухпудовую гирию. Это и был русский богатырь Иван Поддубный. – Прокурор захохотал, схватил кабанье сердце крепкими пальцами и стал поедать, роняя на тарелку кровавые капли.

Есаул слушал их дурацкие речи, простительные после недельных трудов, когда они стоически и верно несли непосильный груз государства, в служении которому поклялись. Им доверил свою тайную мечту о возрождении великой России Президент Порфирий. Наполнил их жизни грандиозными деяниями, смертельным риском. Возвысил над алчной и бездарной толпой чиновников, поручив «государево дело». Вероломно бросил среди незавершенных начинаний. Есаул, охваченный смятением, старался отыскать одно-единственное, среди множества ложных, решение, которое положит предел предательству. Выстраивал одну за другой великолепные конструкции, сияющие небоскребы, отточенные филигранные башни. Но прилетал очередной «Боинг», протыкал драгоценный кристалл, и конструкция осыпалась множеством пыльных осколков.

Как всегда в моменты высшей опасности, он доверялся не логике, не причинно-следственной обусловленности, а своей звериной интуиции. Закрывал суровые, с волчьей искрой глаза, разверзал потаенное око во лбу, начинавшее заглядывать в сокровенную глубину явлений. Вот и теперь, под смех соратников и стеклянный звон рюмок, чувствовал, как в костной глазнице накаляется, накапливает энергию рубиновый лазер, посылает в пространство пучки лучей, и те, облетев неведомые миры, приносили загадочные отражения.

Есаул грезил, вылавливая образы из таинственных океанов, надеясь среди случайного улова обнаружить драгоценный сосуд.

Между тем восседавшие в застолье обсуждали события минувшей недели, занимавшие их политические умы.

– Все-таки не понимаю намерений Аркадия Трофимовича Куприянова, – рассуждал прокурор Грустинов, отирая расшитым полотенцем жирные блестящие губы. – Ведь знает, стервец, что на крючке. Его партийная кличка «Аркаша – два процента» имеет подтверждение в наших оперативных материалах. Он, стервец, находясь в правительстве, аккуратненько отрезал себе дольку от любой правительственной программы. Строим детский кардиологический центр – два процентика от детишек себе. Строим скоростную железную дорогу – два процентика не достроили, потому что Аркаша слизнул. Финансируем сельское хозяйство – пяток крупных хозяйств разорилось, а у Аркаши на счетах еще десять миллионов. Если падают вертолеты,

сходят с рельсов поезда, взрываются подстанции – это значит, Аркаша богатеет. Неужели дурачок не понимает, что прокуратуре известны все его счета на Кипре, все виллы на Лазурном берегу, все подмосковные дачи. А все равно, стервец, лезет в президенты. Надо его хорошенько пугнуть! Хоть бы дачкой в Троице-Лыково!

Теперь на тарелке прокурора вместо съеденного кабаньего сердца лежала нога зверя, жареная, в румяной корке, с коричневым копытом, в котором запеклась смуглая кровь. Прокурор посматривал на эту ногу, прицеливаясь, с какой бы стороны за нее ухватиться.

– Чему удивляешься? – нервно, с возмущением воскликнул экспансивный Попич. – Если он идет в Президенты, значит, получил агреман американцев. Что ты с ним сделаешь? Посадишь, как Ходорковского? Да он после этого точно в Президенты пройдет. Наш народец сердобольный, любит мучеников. Аркаша из «Матросской Тишины» прямо в Кремль прыгнет. Нет, дорогой мой, тут надо действовать тоньше. У меня в «Останкине» есть пленочка, можно сказать заветная. На ней Аркадий Трофимович во время фуршета снят. Такой импозантный, красавец, осанка царственная, в руке бокал с шампанским в золотых пузырьках. А ширинка расстегнута. Мой оператор Шмультрихтер, замечательный мастер, эту ширинку снимал и слева, и справа, и наездом, и почти что внутрь заглянул. Показать по центральному телевидению – вся страна хохотать будет. После такого Президентами не становятся, а идут в программу «Аншлаг»!

Попич с хохочущими глазами надменно оглядывал товарищей, демонстрируя свое над ними превосходство, понимание тонких технологий, важность политического театра, а не топорных методов прокуратуры. На его тарелке, где еще недавно красовался язык зверя, теперь завивался спиралькой симпатичный кабаньих хвостик. Попич взял его опасно, словно это был зажаренный червячок. Сунул в рот и хрустнул, прислушиваясь к нежному звуку и чудесному вкусовому ощущению.

– Куприянов – неблагодарная скотина, вот и все! – спикер Госдумы Грязнов сурово топорчил посыпанные железной пудрой усы. – Когда он был премьером, стелился перед Президентом. Меня умолял обеспечить в Думе его утверждение, клялся в вечной дружбе. Мы его дутые бюджеты протаскивали, от коммунистов отбивали, а он, скот, теперь подножку Президенту ставит. За такие дела молотком убивают или топят в бочке с дерьмом. Я подготовил законопроект, по которому запрещается финансирование выборных кампаний из зарубежных фондов. Пусть-ка теперь Аркашка не на американские денежки, на свои, наворованные избирается. Да он лучше удавится, чем копейку из кармана вынет. Конечно, этот угольный жулик Франц Малютка его поддерживает, на шахтерские деньги его кампанию финансирует. Ну да наши люди в ФСБ покажут, как Малютка отмывает денежки в зарубежных банках. Одна минутка, и нет Малютки. – Спикер выругался, похожий на рассерженного слесаря, весь в седой окалине, железных опилках, проволочный, жестяной. Еще не успел расправиться с кабаньими мозгами, похожими на складчатый пластилин, а на тарелке у него появилось зажаренное свиное ухо, розово-золотое, треугольное, ломкое на вид, с непогасшим, сладко дымящим угольком.

– Все-таки Аркадий Трофимович – опытный экономист и управленец, – осторожно заметил Круцефикс, испытывавший тайную симпатию к Куприянову. – При нем наблюдался заметный экономический рост. У него отличные отношения с Добровольским, а значит, с крупным бизнесом. Может, попробовать отговорить его от безумной затеи? Пообещать ему снова роль премьера? – Но тут же, под суровыми взглядами товарищей, Круцефикс поспешил отказаться от сентиментальной затеи. – Нет, едва ли он остановится, если за ним американцы. Как нехорошо, как нечестно! А мы так ему доверяли! – Круцефикс, поглотивший запеченный кабаньих глаз, теперь осматривал новое лакомство – изогнутое желтоватое ребро, окруженное нежным, благоухающим мясом.

– Если уж, господа, говорить о настоящем пиаре, то расстегнутая ширинка Куприянова должна быть дополнена стратосферным, туго застегнутым костюмом нашего Президента. –

Изящный в словах и жестах, слегка грассируя, министр обороны Дезодорантов вынул моноколь и, играя солнечным зеркальцем, навел на присутствующих. – Я предлагаю поближе к выборам провести воздушный парад над Москвой, как во времена Сталина. Я подыму в воздух весь военно-воздушный флот России. Гигантская эскадра ракетноносцев, бомбардировщиков, истребителей, штурмовиков с ревом пройдет над Красной площадью. В головном «стратеге» будет находиться наш замечательный Президент, и народ увидит, кто истинный хозяин страны, держатель русской земли и русского неба. – Он уронил моноколь, повисший на золотой цепочке. Кабаний семенник, перевитый упругой жилой, был съеден. Его сменила грудинка, смуглая сочная мышца в прожилках мраморного жира.

Есаул рассеянно слушал наивные речи сотоварищей, не оставляя мучительных попыток сочетать воедино множество разрозненных мыслей. Его мыслительный процесс напоминал усилия алхимика, который собрал в реторту десятки элементов – подвергал их нагреву, пропускал по змеевику булькающие растворы и газы, наблюдал, как вскипают разноцветные смеси, выпадают искрящиеся осадки. Но не было среди них драгоценного кристалла, волшебного философского камня, способного претворять обыденные чувства и мысли в бесценное золото откровения.

Служитель в облачении тирольского охотника – замшевая безрукавка, кожаный ягдташ, шляпка с фазаньим пером – положил перед ним на тарелку кабаний пупок – жилистый пузырь, наполненный шипящим соком. В этом мускулистом отростке таилась скрытая мощь. Пуповина соединяла зверя с племенной стихией, свирепой энергией косматых существ, с яростью звериных боев и гонов. Съесть кабаний пупок означало соединить себя с бесконечной жизнью земли, с языческим первородством, прозорливостью первобытной души.

Тем временем из-за Москвы-реки, из лугов, из полуденного горячего блеска поднималась пышная туча. Ее края состояли из белоснежных пухлых шаров, раздувавшихся один из другого. В сердцевине копилась тьма, фиолетовая чернота, в которой, как в люльке, дремала гроза. Луга блестели от солнца, от бессчетных цветов, мотыльков, разноцветных шмелей и мух, стеклянных стрекоз, а в туче собиралась студеная водяная сила, готовая погасить разноцветье луга. У края тучи, у белой сияющей кромки, парила семья ястребов, реяла в невесомых потоках.

– Василий, отчего ты не пьешь, не ешь? – окликнул его министр обороны Дезодорантов, озорно, по-гусарски вскинув золотистую бровь. – Солдат перед походом должен набить желудок.

Есаул не отозвался на замечание друга. Трапеза на дощатом столе, залитые жиром и кровью доски, падающие в фарфоровое блюдо кости напоминали поедание жертвенного животного – языческий пир под священным дубом, в стволе которого жил языческий бог, могучий Перун. Ему приносилась жертва, ему в угоду проливалась звериная кровь, ему посвящались возлияния и звоны кубков. Божество внимало, спрятавшись в гигантский ствол, в черную сочную крону. Обнаруживало себя в мерном движении тучи, которая выкатывала в синеве громады белых шаров.

– Вася, присоединяйся к компании. – Прокурор поднял хрустальный стакан с водкой. – Тебе лучший кусок принесли. Ты у нас – пуп земли. Выпьем за нашего Президента!

Все потянули стаканы со сверкающей водкой. В момент, когда хрустали страстно ударились друг о друга, Есаул произнес:

– Президент Порфирий нас предал. Он отказывается идти на третий срок. В сговоре с американцами уступает свое место Куприянову. Нас ждут огромные потрясения. Может быть, гибель.

Все замерли с протянутыми руками, в которых сверкали радужные хрустальные вспышки. Напоминали скульптурную группу, фонтан застывших фигур, в руках которых влажно переливалось стеклянное солнце. Фигуры распались, не выпитые стаканы стукнули о доски стола.

– Ты с ума сошел, Вася! – трезвел прокурор Грустинов, выкатывая из жирных складок маленькие умные глазки, похожий на сердитого носорога. – Дурацкие это шутки!

– Я не шучу, – сказал Есаул. – В аппарате уже приготовлен текст, в котором Президент Порфирий объясняет народу, почему он не может остаться на третий срок. Уже состоялись две закрытые встречи Президента и Куприянова, где согласованы посты в будущем правительстве. Управделами Президента получило указание перестроить интерьер Ново-Огарева по эскизам Куприянова, на его вкус и манер. А главное, во время моей встречи с американским послом Киришбоу тот сообщил мнение на этот счет Госдепартаменту. Президент Порфирий должен уйти, ему гарантируется иммунитет и участие в парapolитических организациях мира. Нам же иммунитет не обещан, а, напротив, с нас будут спрашивать за издержки восьмилетнего правления, и, возможно, будут спрашивать в Гааге.

Настала тишина столь глубокая, что были слышны тихие голоса поваров у жаровни, поскрипывание шкворня, на котором вращался кабан, шипенье падающего в огонь жира. Туча воздвигала в небе свои бело-синие башни. В ее глубине, в фиолетовой тьме что-то слабо дрожало и вспыхивало. Так в животе беременной великанши бьется слепой младенец. Часть далекого луга была в сверканье, переливалась зноем и блеском, очаровывала струящимся разноцветьем. А другая была в тени, замерла, словно на нее наступила громадная темная стопа. Дуб, окруженный теплой тенью, еще стеклянно сверкал, но в его могучей кроне наступило безмолвие, утихли дрозды и малиновки, перестали скакать дятлы и белки.

– Но тогда, если все это правда, надо бежать! Продавать недвижимое, переводить деньги в «Бэнк оф Нью-Йорк», жечь документы и немедленно уезжать! – панически воскликнул спикер Госдумы Грязнов, глядя на дворец с готическими шпилями, ампирическими колоннами и мусульманскими минаретами – свидетельство архитектурных пристрастий прокурора Грустинова. Там стояли автомобили, прогуливались ленивые шоферы, и можно было вскочить в «Мерседес» и мчаться в «Шереметьево» на ближайший рейс в Лондон. – Надо сваливать отсюда немедленно!

– Это абсурд, – остановил товарища крайне взволнованный Круцефикс. – Зачем бежать? Надо договориться с Куприяновым. Аркадий – разумный, взвешенный человек. Мы с ним работали. Он меня ценит. Не так-то много способных экономистов и управленцев, готовых работать в правительстве. Это не то, что сажать в тюрьму олигархов или отдавать приказы с лица земли очередной чеченский аул.

Круцефикс язвительно взглянул на Есаула, чуть отсаживаясь от него. Провел между ним и собой черту, помещая себя в безопасную зону, куда не было хода Есаулу.

– Друзья, умоляю, не надо впадать в панику! – Министр обороны был бледен как полотно. Он силился сохранить единство «священного ордена», который стремительно распадался. – Надо упрашивать Президента остаться. Надо организовать общественность. Обратимся к Патриарху. Пусть граждане пишут письма. Все партии, все сословия, деловое сообщество, армия, губернаторы. Пусть направят делегации. Помните, когда Иван Грозный затворился в Александровской слободе и грозил отречься от царства, народ шел к нему из Москвы, полз на коленях, умолял вернуться?

– Чушь! Не те времена! – Прокурор Грустинов затравленно мигал звериными глазками. – Все эти твои сословия сдадут нас первыми. Повяжут и приведут к Куприянову. «Вот, мол, батюшка, главные виновники всех несчастий. Их бери, а нас пощади!» Надо немедленно вводить чрезвычайное положение. Президент уходит, и ради бога! Пусть случится какой-нибудь взрыв, Московский университет взлетит на небо или самолет с чеченцами врежется в Кремль. Под этим соусом – чрезвычайное положение. Мы остаемся у власти как Временный Национальный совет, до выборов. А потом президентом делаем Есаула!

– Еще один ГКЧП? Танец маленьких лебедей? Увольте! У вас не получится «оранжевой революции». Вы не владеете технологиями! Современные революции совершаются с помощью

СМИ, а не танков. У меня, например, в телевизионном архиве есть компромат на Президента Порфирия, который очень понравится Аркадию Трофимовичу Куприянову. Почтище «девочек прокурора Скуратова». Как Президент Порфирий развлекается со своей маленькой пони Типпи. Да и на других есть компромат. – Попич торжествующе посмотрел на собравшихся, презрительно улыбаясь, давая понять, кто из всех самый влиятельный, грозный, незаменимый.

– Вы все будете уничтожены, – тихо произнес Есаул, не глядя на соратников. – Одних из нас просто убьют, других с позором препроводят в тюрьму, доставив самолетами из Англии или Швейцарии. По моим сведениям, в «Матросской Тишине» уже приготовлены свежие камеры.

Опять воцарилась тишина. Померкло солнце. Туча огромно и фиолетово встала над головами, с расплавленной кромкой, из-за которой пышно излетали лучи. Луг, и зеленый газон усадьбы, и крона дуба были в тени. Темная стопа нависла над застольем и была готова расплющить. Ветер упал с высоты в дуб, шумно распушил листву, и, казалось, в крону свалился невидимый камень, утонул в черной глубине.

Есаул томился, не в силах синтезировать распадавшийся мир. Уповал на тучу, похожую на брюхатую великаншу, в чьем огромном животе содрогался младенец. Тайной языческой молитвой взывал к дубу, в чьем громадном стволе таился Перун. Взирает на кабаньих пупок, вместилище звериных энергий. Ждал откровения, в котором обнаружится истинное устройство мира, сойдутся все лучи, все частицы, все разрозненные элементы.

Воздух чуть слышно потрескивал, пронизанный электричеством. Молекулы слабо светились, словно крохотные шаровые молнии. Ударялись в лицо Есаула, бесшумно взрывались, вонзая микроскопические иголки. Потаенное око страдало в костяной глазнице, было повернуто внутрь, переполненное видениями.

«Спарка» Су-25 летит над пустыней Регистан – красное безбрежное пекло с круглыми куполами барханов. Бусины каравана – зыбкая вереница верблюдов, волнистая строчка следов. Самолет в боевом развороте пикирует на караван – рыжие взрывы бомб, красно-белая пыль. Распластанные верблюды плоско лежат на песке, раненый зверь, выбрасывая длинные ноги, безумно бежит по пустыне. Стекланный удар в самолет, срезанная плоскость крыла, убитый окровавленный летчик. Толчок катапульты, отлетающий крест самолета, паренье в прохладном воздухе под пузырящимся белым шатром. Паденье в горячий песок, в стороне догорают обломки машины, черная копоть в небе. Он бредет по пустыне, удаляясь от страшного места, оставляя на склонах барханов отпечатки следов. Отдаленный вой двигателя кружит в пустыне, приближается, пропадает. На склоне, выбрасывая струи песка, возникает «тойота», пулемет над крышей кабины, в открытом кузове моджахеды в приплюснутых шапках, в развевающихся долгополых хламидах. Он лежит за барханом, отстреливаясь из пистолета, посылает выстрелы в кромку песка, откуда стучит пулемет, окружает песчаными вспышками. Удар под ребро, гаснущее бледное небо, медленное возвращение в явь. Он лежит на железном дне, под кузовом трясется дорога, сверху, из неба, смотрят на него смуглые черноусые лица, огненно-черные ненавидящие глаза. Он висит под сосновой балкой во дворе афганского дома, в глинобитной стене мерцает голубой изразец. Курица стряхивает с себя петуха, бежит по сухой земле. Над изгородью проплывают головы горбоносых верблюдов, гулко звенит бубенец. Мальчик в розовой шапочке запустил в него камнем, промахнулся, стук камня о стену. Высыхающая лужа мочи под его босыми ногами. Мухи прилипли к ране, к запекшимся горьким губам. В его воспаленных глазах, в помутившемся разуме возникает виденье. Из бледного неба, огромный, лучистый, появляется ангел. Исполин – слепящее светом лицо, пылающие белые крылья, растворенные громогласные губы, откуда несутся слова пророчества о его богоизбранности, о его великой судьбе.

– Василий. – Голос прокурора заставил его очнуться. – Ты самый из нас продвинутый. Ты несомненный лидер. Найди какой-нибудь выход. Как скажешь, так и поступим.

– Пока что у меня нет решения. – Есаул смотрел, как над дубом несется фиолетовый сгусток, в котором что-то беззвучно мерцает, и листва шипит и трепещет, будто с дуба сдирали громадную рубаху. – Пока что сделаем следующее. Через пару недель из Москвы в Петербург отплывает свадебный теплоход, на котором будут светская львица Луиза Кипчак и ее жених, угольный миллиардер Франц Малютка. Туда приглашен Куприянов. Там же окажется Президент Порфирий. Мы все должны присутствовать на борту теплохода. Зачем? Я и сам не знаю. Но делайте, как я сказал.

– Конечно, – торопливо произнес прокурор. – Ведь ты у нас лидер.

По крыше бунгало жестко хлестнуло. Под навес занесло холодную горсть капель, обрызгало сидящих. Издалека по лугу приближался туманный столп, ширился, густел, соединял небо и землю. Обрушился на бунгало слепым, дымным грохотом, водяной тьмой, холодом, гулом. Трава вокруг пузырилась и блестела, будто в ней скакали тусклые стеклянные рыбы. Дуб ревел в водопаде. Залитая жаровня погасла. Повара, сгибаясь, укладывали в траву недожаренного кабана, натягивали балахон из пленки. Слуги с зонтиками, мокрые, в прилипших одеждах, подбегали к бунгало. Все, кто сидел в застолье, вскакивали, слепо ныряли под перепончатые укрытия, бежали по газону, а за ними гнались водяные всадники, хлестали с седел нагайками, секли саблями, вонзали стеклянные пики.

Есаул остался сидеть, глядя, как холодные струи вгоняют гвозди в доски стола, стучат по обедкам, бутылкам водки. Жутко сверкнуло и ахнуло над головой, слепя и сметая. Расплавленная жила опустилась с неба, коснулась дуба, пролилась по стволу в корни, раскалывая надвое гигантское дерево. Блистающий колун развалил бугристый ствол, тот распался, и среди белых волокон, как в гробнице, обнаружилось темное тело – круглая голова, покатые плечи, сложенные на груди великаны руки. Бог Перун лежал в саркофаге, окруженный древесной плотью. Через него перескакивали волшебные стеклянные рыбины. Над ним проносилась черная магма неба. Вокруг разметалась растерзанная взрывом крона.

Есаул, оглушенный, испытывал небывалое счастье, словно его коснулся огненный перст небес. Взял с тарелки кабаньих пупок, вонзил зубы в жилистую горькую мышцу. Вышел наружу, охваченный водопадом. Стоял под ливнем среди белых древесных осколков и ворохов черной листвы. Жевал жертвенный отросток, соединился пуповиной зверя с магическими силами мира. Взирает на поверженный дуб, на разбросанных по траве опаленных белок и дятлов.

Глава четвертая

Еще одна встреча, задуманная Есаулом как акт стратегической разведки, состоялась в закрытом, элитном клубе «Джентльмен», что соседствовал с роскошным казино «Золотой век». В советские времена в доме с античным фасадом располагался Дворец культуры, теперь же здание было перестроено, приобрело вид экзотического храма с золочеными колоннами, было усыпано разбегавшимися по фасаду огненными змеями. Неоновая танцовщица то исчезала, пропадая в фонтанах огня, то появлялась, кружась вокруг блистающего шеста. Весь окрестный квартал переливался, мерцал, был завешан электрическими гирляндами, уставлен тропическими иллюминированными пальмами. В дразнящем, возбуждающем зареве, черные, в перламутровых отливах, проскальзывали дорогие автомобили, отражая в стеклах вспышки самоцветов. Останавливались перед входом, где их встречал огромного роста полуголый зулус в набедренной повязке, с плюмажем. Охрана окружала тяжеловесный автомобиль. На асфальт опускалась волевая стопа богатого джентльмена, на минуту открывалось надменное лицо. Очередной посетитель нырял в зеркальные двери казино, сопровождаемый поклонами африканского вождя.

Именно сюда, в разрастающийся посреди Москвы Лас-Вегас, приехал поздним вечером Есаул, чтобы повидаться со своим главным соперником, претендентом на президентское кресло Аркадием Трофимовичем Куприяновым и его спонсором, угольным магнатом Францем Егоровичем Малюткой, чья счастливая свадьба с Луизой Кипчак обыгрывалась во всех гламурных журналах и светских телевизионных программах.

Они сидели втроем в небольшом ресторанном зале, не торопясь заказывать ужин. Одна стена ресторана состояла из сплошного звуконепроницаемого стекла, за которым переливалось великолепное пространство казино. Противоположная стена была также стеклянная, за ней располагался вольер с живыми павлинами. Горделивые птицы возносили надменные головы на тонких шеях, распускали громадные веера изумрудно-золотых, фиолетово-синих хвостов, трясли изящными хохолками, напоминая горящие бенгальские огни. Немногочисленные гости, сидящие за столиками, могли любоваться одновременно живыми павлинами, поражающими драгоценным оперением, и павлинами электрическими, рассыпавшими в зале казино магические ворохи искусственных бриллиантов, сапфиров и изумрудов.

– Продолжайте, Франц, мне так интересно. История вашей любви заслуживает того, чтобы превратиться в телесериал. – Есаул, изображая наивысшее внимание, обволакивал Малютку своим восхищением, в котором присутствовали симпатия, мужская зависть, благоволение. – Вы – баловень, любимчик Гименя. Мало кто пережил столь бурный, ошеломляющий роман.

Франц Малютка расцветал от этой дружеской лестии, был польщен признаниями могущественного человека, отношения с которым еще недавно казались небезупречными, но теперь приобретали род дружбы. Он возвышался над столом, как скала, одетая в дорогой английский костюм, под которым напрягалась могучая мускулатура. Из ворота рубахи вздымалась короткая, в розовых жилах шея, на которую была насажена маленькая сверхплотная голова, – твердые скулы, расплющенный нос, низкий лоб и кудрявый черноволосый чубчик. Он выглядел свирепо и благодушно, был жесток и сентиментален, казался настороженным и в то же время мягко расслабленным.

– Так где же вы познакомились со своей будущей женой?

– Да вот, Аркаша во всем виноват, – кивал Малютка на Куприянова, который снисходительно улыбался, поощряя откровения друга. Статный, плечистый, он напоминал безукоризненный манекен, на котором великолепно сидел дорогой костюм. Сероглазый, гладкий, барственный, он был похож на пресыщенного кота. Дитя успеха, он был исполнен уверенности в

победе на президентских выборах, куда его влекли могущественные, неборимые силы внутри страны и за ее пределами. Он согласился на этот ужин втроем, чтобы насладиться превосходством над врагом, еще не поверженным, но уже обреченным. Взирает на Есаула с легким снисхождением, как на человека, которому было невозможно помочь.

– Аркаша большой мастер на всяческие развлечения, – продолжал Малютка. – Раз в месяц у себя в Успенском устраивает скачки, на манер лондонских дерби. Это надо видеть, я вам скажу. Полсотни лошадей, каждая стоимостью в миллион долларов. Лучшие жокеи Европы. Смотреть – загляденье! Чубайс вскакивает и в трансе бьет по голове Немцова. Хакамада, как бандитка, свистит в два пальца. Дедушка Ельцин в азарте хватает своего зятя Юмашева и скидывает с трибуны. Деньгами все сыпят, проигрываются в пух и прах. Вижу среди них женщину – блеск. От страсти кончает и стонет. Из сумочки вынимает пачки по десять тысяч зеленых. «Кто такая?» – спрашиваю у Потанина.

«Не знаешь? Это же Луиза Кипчак. Дочка петербургского мэра, который на спор с принцем Чарльзом проглотил яйцо Фаберже и умер. Патологоанатомы после вскрытия вернули яйцо в Эрмитаж. Дочь вся в него». Я ее тогда засек и подумал, Аркаша меня познакомит. – Он легонько ткнул Куприянова локтем, тот чуть поморщился от боли, но продолжал улыбаться, прощая фамильярную выходку. Малютка был главным спонсором его предвыборной кампании, и каждый подобный толчок приносил в предвыборный фонд несколько миллионов долларов.

– Понимаю вас, Франц. Луиза – настоящая светская львица, а вы, я знаю, охотились в Кении на львов. – Есаул выражал высшую степень заинтересованности, восхищаясь искусством рассказчика. При этом изучал состав кружка, который сложился вокруг Куприянова, продвигал его к власти. Олигархи «ельцинского призыва» и сам престарелый властитель желали видеть Куприянова Президентом, с его помощью восстановить свое пошатнувшееся могущество, вновь опрокинуть Россию. – И как же вы познакомились?

– Вечером Куприяныч устроил коктейль с демонстрацией стриптиза. Аркаша любит шашлык из молодого женского мяса, насаженного на штырь. Правильно я говорю, Аркан? Вокруг шеста увивалась стриптизерша из Нигерии, у которой груди как два черных арбуза. Классная девка из Швеции, гибкая, как рыжая кошка, с лобком в виде серпа и молота. Креолка из Коста-Рики, у которой в пупке горела лампочка, а из лобка торчала горящая золотая свеча. Женщина-змея из Японии обвивалась вокруг шеста тремя узлами, а потом уползала, оставив на подиуме светящуюся чешуйчатую кожу. Среди нас, мужиков, была Луиза. За ней ухаживал Дерипаска, с сальной рожей, все подносил коктейли. Она разогрелась на все сто, выскочила на подиум и стала танцевать у шеста. Это был танец, я вам скажу. – Малютка раздул красные ноздри своего сплющенного в боксе носа, и казалось, из них повалил розовый пар. – Сперва сбросила туфли и стала топотать босиком, и я от лапок ее обалдел. Потом нажала какую-то кнопку, и платье с нее слетело, как листья с клена. Такое тело я видел только раз в Голливуде, когда купил себе на ночь кинозвезду. Она увидела, что я смотрю на нее, как на НЛЮ, сняла лифчик и метнула мне прямо в лицо. Я чуть в обморок не грохнулся – в лифчике ее запах, тепло, духи, а она кружит вокруг шеста, и груди ее плещутся, как два дельфина. Трусы ее полетели куда-то в зал и упали на голову Дерипаски, который тут же их стал набивать купюрами. А я увидел, как она без трусов выгибает вперед бедра, крутит животом, раздвигает ноги, и ослеп натурально. Между ног у нее сияние, бриллиантовый блеск, как в Лас-Вегасе, когда ночью летишь над Невадой. Думаю, для пирсинга она использовала весь Алмазный фонд. У меня на пальце был перстень с тяжеленным алмазом, – купил в Амстердаме у еврейских ювелиров. Я этот перстень снял, кинул ей, и она, представляете, поймала его ртом, как собака кость, и показала мне зад обалденной красоты. Тут же решил – моя женщина, женюсь и все, чем владею, отдам.

Есаул восхищался этим порывом бычьей страсти, пасовал перед разгулом неандертальских чувств. Кутался в эти эмоции, как убийца кутается в плащ, пряча клинок. Понимал, что союз Малютки и Куприянова питает силу последнего, и надо рассечь союз, умным и точным ударом обессилить Куприянова.

За стеклом переливалось, бесшумно плескалось казино, словно огромный павлин распустил свой пышный, в золотых и зеленых звездах хвост. За другим стеклом прохаживалась горделивая птица с ворохом сложенных перьев, похожих на гаснущий в небе салют. Затрепетала, страстно задрожала, раздувая стоцветный сноп, и раскрылся громадный веер, великолепная радуга, из которой смотрели темно-синие очи с изумрудными и золотыми подглазьями, словно лик изумленного языческого божества.

Есаул чувствовал напряженное поле, которое создавали эти две великолепные стеклянные стены, окружая его бесчисленными переливами цвета. Он находился в реторте, где шла таинственная реакция, пролетали бесшумные разряды, вспыхивали стустки света. Дух, сжатый мощными силами, накалялся, струился под воздействием световых лучей, преобразался, был готов к восприятию огромной фантастической истины.

– И вот вы решили сыграть свадьбу? Отправиться на теплоходе по Волге? – Есаул ничем не выдавал происходящую в нем глубинную работу по сотворению чудесного кристалла. – Вы покорили самую недоступную красавицу России. Так альпинисты многолюдной командой отправляются покорять Монблан, но до вершины доходит единственный.

– Наоборот. Чтобы ею овладеть, я был вынужден спуститься в самую глубокую шахту, из тех, что принадлежат мне. Вы знаете, что она мне сказала, когда я сделал ей предложение и подарил бриллиантовое кольцо, не заплатив шахтерам месячный заработок? «Франц, я отдамся тебе на глубине двух тысяч метров. Поставь наше брачное ложе в своей самой глубокой шахте». Я выбрал воркутинскую шахту. Аварийная, глубина две тысячи метров. Угли выбраны, добираем остатки. Шахтеры спускаются, молятся, как перед смертью. Даю приказ: «Двухспальную итальянскую кровать поставить в самый дальний забой. Застелить лучшим французским бельем. Рядом торшер, обогрев, бар с лучшим вином». Все сделали, как приказал. Мы с Луизой надеваем робы и каски, берем шахтерские лампы. Опускают нас в ствол, отводят в тупиковый забой. Там стоит роскошная кровать, шелковое одеяло, розовые наволочки. Рядом торшер из сердолика, шампанское в серебряном ведерке со льдом. А кругом куски угля, свод чуть укреплен опалубкой, угольки шуршат с кровли. Раздеваемся. Она сняла пластмассовую каску, робу и осталась ни в чем, со своим Лас-Вегасом, как Хозяйка Медной горы. «Давай, говорит, милый, выпьем шампанского». Чокнулись с ней на глубине двух километров, легли в постель. В свете торшера ее бриллианты горят, как электросварка. Каменный уголь в кровле блестит, в нем всякие окаменелые папоротники, древние ящеры, первобытные слюдяные стрекозы. Я ее обнимаю, а сам думаю: «Да это же рай подземный!» Она такое со мной вытворяет, что у меня полный отпад. Вдруг по громкой связи сигнал тревоги. В соседней штольне авария. Метановый взрыв и обвал. Бригаду засыпало. «Срочно покинуть шахту!» «Надо, говорю, сматываться». – «Нет, говорит, самый кайф для любви». – «Засыплет обоих, и вся любовь!» – «Где нет смерти, там нет любви». Села на меня верхом, как ведьма, и понеслась. По громкой связи аварийные команды, пожар, люди гибнут. Кто Бога молит, кто проклинает, кто с родными прощается. А мы несемся по адским кругам, и она меня пятками прищпоривает. Угомонилась, когда у меня глаза на лоб вылезли. Поднялась, надела робу, каску, выпила шампанское и сказала: «Теперь пойдем, милый. Буду твоей женой». Нас вытащили, а потом мертвых шахтеров два дня поднимали. Она на похороны пошла, смотрела, как красные гробы несут, и под духовой оркестр кончала. Я понял, что второй такой женщины мне не найти.

– Ты, Франтик, породнился с великой фамилией, – многозначительно заметил Куприянов, как знаток сокровенных тайнств. – Ее папенька, прежде чем подавиться яйцом, любил с тазом горячей воды опускаться в склеп Петра Первого и часами перемывал косточки госу-

дарю императору. А его вдовица, великолепная госпожа Стеклярусова, сделала себе на живот пересадку кожи с мертвой принцессы Дианы, отчего раз в месяц, когда наступает урочное женское время, она начинает синеть, как болотный гриб. Ты, Франтик, приобщился к августейшим фамилиям. Не случайно твоё свадебное путешествие состоится в августе.

– Хочу, чтобы ты понял, Аркаша, мое свадебное путешествие – твоя первая предвыборная поездка. На теплоходе ты должен объявить себя будущим Президентом России. Это гигантский пиар. Вся элита окружит тебя, и ты проплывешь исконным русским путем, из одной столицы в другую. Я нанял лучшего телеоператора Шмультрихтера, который снимет фильм о нашем путешествии.

– Спасибо тебе, Франтик, – растроганно произнес Куприянов. – Стану Президентом, отблагодарю тебя стократ.

Есаул поглощал информацию, как индусский йог поглощает прану, как гренландский кит всасывает питательный планктон. Перед ним сидели враги, рвущиеся к власти, несущие неисчислимыя беды стране и ему, Есаулу. Его ум искал спасительный выход. Единственное в своей простоте и разящей силе решение, которое сможет повергнуть врага. Решение было рядом, он ощущал его близость. Так чуткие ноздри волка ловят близкий запах оленя, его парное тепло, дразнящие испарения. Не хватало последней искры, последней мерцающей частицы, чтобы пришло озарение, возникла ясность открытия. Он улыбался врагам, делая вид, что смиряется перед неизбежным поражением, заискивал, льстил.

За стеклом бесшумно кипело казино. У игровых столов сгрудились гении покера, усыпая зеленое сукно королями, валетами, дамами. Рулетки, как ядовитые цветы, переливались радужными лепестками. Крупье изящными лопатками передвигали разноцветные фишки. Здесь были известные на всю Москву шулера с пальцами чуткими, как морские актинии. Удачливые бандиты и киллеры – авторы «нераскрытых убийств».

Роскошные проститутки – отрада олигархов и министров. Солидные господа из корпораций, утомленные обилием нефтедолларов. Богемные артисты в шелковых бантах, с размытыми половыми признаками. Среди блеска, в аметистовом свете прожектора, на постаменте, напоминавшем алтарь, возвышался фиолетовый «бэнтли», похожий на перламутровую раковину. Как языческое божество, был вождельным кумиром людских страстей и пороков.

За другой стеклянной стеной павлины свесили пучки хвостов, собрали воедино золотые и зеленые звезды, выставили шеи в голубых и изумрудных кашне. Короны из рубинов и топазов венчали их маленькие горделивые головы.

Есаул чувствовал бесшумные ожоги цвета, словно огненные поцелуи незримого духа.

– Господа желают сделать заказ? – Официант в предупредительном поклоне, словно уличный фонарь, навис над столиком, раскладывая тяжеловесные карты. – Что будут пить господа?

Все трое отказались от вина, предпочитая свежесжатые соки. Куприянов выбрал блюдо французской кухни – мясо провансальского тельенка в вине. Малютка остановил свой выбор на японском блюде – королевские креветки, нагулявшие свою золотистую плоть в потоках Куро-сио. Есаул заказал средиземноморскую рыбу сибас, попросив приготовить ее на пару. Официант устремился выполнять заказ столь пылко и трепетно, словно речь шла о спасении собственного ребенка.

– Действительно, теплоход – великолепный повод начать предвыборную компанию. – Есаул, как мог, изображал восхищение, будто являлся страстным сторонником Куприянова. – Волга – великая русская река, откуда видна и слышна вся Россия. Сам теплоход – образ святого ковчега, где собрались избранные мира сего, уцелевшие от потопа. Две столицы – два извечных полюса, меж которых колеблются чаши русской истории. И, наконец, свадьба – образ грядущего расцвета, мистического бракосочетания, венчания на царство, символ плодоношения и продолжения рода, что столь актуально при нынешнем демографическом кризисе.

Куприянов с недоверием слушал.

– Действительно, я полагаю, у меня будет возможность объясниться с народом и элитами и нарисовать тот образ России, к которому я стану стремиться во время моего президентства, – заметил он, строго посмотрев на Есаула. – К тому же я укажу народу на врагов, которые мешают сделать Россию процветающей, обеспечить людям достойную жизнь.

В его барственным рокошущем голосе прозвучала угроза, из мягких кошачьих лап показались когти.

– Вы, Аркадий Трофимович, блестящий оратор. – Есаул верноподданно заглядывал в глаза Куприянова, изображая покаяние поверженного соперника. – Ваша речь предельно убедительна. К тому же природа наградила вас изумительным баритоном, с которым вас могли бы принять в театр Ла Скала. Мне говорили, вы замечательно исполняете арии Верди. Но кто же те враги, что посмеют встать у вас на пути? После того как Президент Порфирий отказался выдвигаться на третий срок, у вас больше нет врагов. Никто не сомневается в вашей победе.

– Конечно, те, кто еще недавно выступал против меня, позволяя грязные выпады в мой адрес, сейчас выглядят смехотворно, – торжествуя улыбнулся Куприянов. – Я не говорю о нынешнем премьере. Он потеет от страха и выглядит так, словно его мучает геморрой. Наверняка, у него в брюках скрываются бандаж и катетер, из которого во время заседаний правительства капает в бутылочку. – Он победно взглянул на Малютку, который с наслаждением раздувал бычьи ноздри, всасывая пропитанный иронией воздух. – Но вот господин прокурор Грустинов, эта чугунная баба, которой планомерно разрушалось здание демократической России, он уж у меня загрустит. Он еще позавидует своему предшественнику, которого в голом виде показали с двумя проститутками, так и не сумевшими превратить его из мертвой рыбы в мужика. И другому своему предшественнику, которого посадили в тюрьму за прокурорские взятки, и он стал легкой добычей тюремных гомосексуалистов. Обещаю, что эту свинью в прокурорском мундире увидят в клетке Басманного суда, где он расскажет, как поощрял беззаконие, изгоняя из России лучших ее бизнесменов – Березовского, Гусинского, Невзлина. Как посадил за решетку мужественного, жертвенного Ходорковского. Как разгромил лучшую в России компанию ЮКОС. Как утаивал от общественности ужасающую правду о «Норд-Осте» и Беслане. Как пугал меня тюрьмой, посылая землемеров обмеривать мою дачу в Петрово-Лыкове. Он еще будет стоять на коленях, целовать мне туфли, умолять о прощении! – Красивое, благодушное лицо Куприянова исказилось мщением, стало уродливым и зловещим, словно было обращено на врага, которого удушали деревянным винтом – хомут сдавливал жирную прокурорскую шею, тот хрипел, страшно выпучивал готовые лопнуть глаза.

Малютка побледнел, вобрал маленькую голову в массивные плечи, как делает улитка, когда прячется в раковину от внезапной опасности.

– Уверен, что придется ответить комсомольскому выкормышу, господину Попичу, превратившему телевидение в мусорный бак, который он вываливает на головы граждан. Чего стоит фильм, который он прокрутил месяц назад, когда стало ясно, что я участвую в выборах. Злодейский монтаж – Куприянов поддевает ложкой черную икру, и тут же нищие роются в помойках. Куприянов режет ножом фаршированного осетра, и тут же голодные дети побираются на улицах города. Куприянов поднимает бокал шампанского, и горит жилой дом, рушится в реку мост. В заключение этого мерзкого пасквиля показали меня на какой-то презентации, где у меня расстегнута ширинка. Камера долго рассматривала мои расстегнутые штаны, словно хотела заглянуть внутрь. Но Попич не знал, что я оставил ширинку проветриваться после того, как выеб его жену, и его дочь, и его престарелую маму. После этого моему увлажненному члену нужно было просохнуть. И пусть он готовится ответить за клевету по всей строгости демократического законодательства. И пусть готовится увидеть свою фотографию в «Московском комсомольце», на которой его трахает в зад грязный дворовый кобель!

Малютка радостно хохотнул, пригладив кудрявый чубчик и обнажив желтые клыки волкодава. Ему нравился друг, сбросивший личину респектабельности, необходимую в кругах западных финансистов и политиков, и обнаруживший грубый лик русского мужика, добывшего славу и состояние на большой дороге.

– Не увильнет от ответа министр экономики и развития Круцефикс, эта мерзкая двусторонняя свастика, которая вертится в ту сторону, куда дует ветер. Когда я был в силе, он клялся мне в вечной любви, а после моей отставки обвинял в разрушении экономики. Этот шизофреник и психопат раз в три месяца укладывается в психушку, где объявляет себя Адамом Смитом, Гринспеном, Джеффри Саксом. Всканивает нагишом на спинку кровати и безобразно орет, выщипывая себе бороду, пока его не скрутят санитары и не вколуют в жопу успокаивающее. Тогда он пускает слюни, бормочет про макроэкономику и мочится под себя. Когда я приду к власти, подвергну его психической экспертизе и помещу в одиночную палату с видом на живодерню. Пусть воет из-за решетки и цитирует Спенсера.

Малютка угрюмо сдвинул косматые брови и задумчиво посмотрел на друга, видимо разглядев в нем нечто, чего не видывал в глазах братков-компаньонов в период раннего накопления капитала и силового захвата шахт.

– Видит бог, выведу на чистую воду министра обороны Дезодорантова. Он артистически хромает, опираясь на трость с серебряным набалдашником, уверяя всех, что подвернул ногу во время прыжка с парашютом. Лицо его перекошено, с нашлепкой носа и вставными зубами, якобы потому, что получил контузию в Афганистане. Он заикается, не выговаривает «р» и «л», ибо терпел аварию на атомной подводной лодке. Но я опубликую данные, из которых видно, что он болен хроническим сифилисом. Генералы после коллегии министерства, те, с кем он здороваешься за руку, потом проходят тщательную дезинфекцию, делают обеззараживающие уколы. Последней жертвой, которая от него пострадала, была молоденькая официантка во Владивостокском гарнизоне, которая проходит сейчас принудительное лечение. Помещу его в лепрозорий, пусть тихонечко гниет под музыку Преображенского полка.

Малютка от отвращения сжал свои непомерные бицепсы, отчего английский костюм затрещал по швам.

– И наконец, спикер Думы Грязнов. При нем Дума превратилась в одну огромную липкую взятку, которую дают за любой принимаемый закон. За принятие таких шедевров, как «автогражданка» или лесной и водный кодексы, он имеет три процента от барыша страховых компаний, два процента от «лесной мафии» и скупщиков подмосковных водоемов. Сейчас в Думе рассматривается закон о приватизации Байкала, храма Покрова на Нерли и монумента «Родина-мать» на Мамаевом кургане. Он получит за протаскивание этих законов сорок миллионов долларов...

Малютка хохотнул, крутанув головой, отчего набрякшая жилистая шея громко хрустнула могучими хрящами.

Есаул погружался в медитативную прострацию, свертывая окружавшие его лепестки света. Сворачивал их в плотный бутон, погружал живую пульсирующую почку в свое потаенное око. Оно мягко перевернулось в лобной орбите, погрузилось в сердцевину сознания, в котором расцветал потаенный цветок сновидений. Куприянов утратил свой облик, стал раздваиваться, отекал, будто восковая фигура. Превратился в розовый эмбрион – лобастое личико, курносый носик, плотные губки, поджатые к подбородку кривые ножки, на которых виднелись крохотные пальчики с ноготками. Эмбрион обладал портретным сходством со взрослой особью. Из выпуклого живота струилась пуповина, как трубка стеклодува, на конце которой возникал прообраз будущего Куприянова. Эмбрион видоизменялся, проходя в обратном порядке стадии развития. Становился похожим на сморщенную обезьянку с загнутым хвостом. На общипанного птенца с зачатками крыльев и перепончатыми лапками. На рыбу с ядрышками выпученных глаз, костлявым носом и плавниками. Все они странным образом сохраняли сходство

с будущим Куприяновым. Развитие вспять привело к лягушонку со смешными тонкопалыми лапками и пятнистой шкуркой. К голубоватой медузе с колеблемой бахромой. К пучку зеленовато-синих водорослей, обитавших в первичном океане. И все они несли в себе отпечаток будущего Куприянова, будто природа имела изначальный эскиз, по которому творила предполагаемый образ, наполняя его рассолом, стустками молекул, слизью, цветными растворами, приближаясь к идеалу путем непрерывного совершенствования. Наконец, перед внутренним оком Есаула предстал огромный сперматозоид – наполненный водянистым студнем пузырь, от которого ответвлялся чуткий отросток. В глубине пузыря туманилось нечто, отдаленно напоминавшее Куприянова – та же барственная осанка, надменная стать, манера доброжелательно и вальяжно взирать. Оставалось облачить сперматозоид в дорогой английский костюм и поместить на предвыборном плакате.

Есаул прервал медитацию, еще раз убедившись, что, пребывая в настоящем, можно перемещаться во времени в обе стороны – как в область «первичного взрыва», когда Бог сотворил Мироздание, так и к завершающему «судному часу», когда схлопнется злополучный, неудавшийся Создателю мир.

– Но все перечисленные мною враги – ничто по сравнению с исчадием ада, которое проникло на вершину власти и совершило неслыханные злодеяния. За них придется держать ответ не только перед русским народом, но и перед всем человечеством. – Куприянов откинул красивую голову, взглянул на Есаула. – Я просто предвкушаю час суда. Злодея введут в зал скованного по рукам и ногам, в оранжевой хламиде, как узника Гуантанамо. Он будет греметь никелированной цепью, на него будут рычать овчарки, его будут держать под руки жилистые охранники. Поместят в клетку из нержавеющей стали, и все увидят его испуганное, жалкое лицо. – Куприянов торжествующе взирал на Есаула, ожидая увидеть тень страха. Но Есаул сидел, потупившись, изображая тихое повиновение и немощь. – Судья в шелковой мантии с серебряной цепью станет читать обвинение, которое тут же будут переводить на множество языков и рассылать по всем мировым агентствам. Подсудимый виновен в создании батальона чеченских головорезов «Восток», который участвует в карательных операциях против мирных граждан. Врываются в селенья, где проживают родственники бойцов за свободу. В масках, под покровом тьмы, выволакивают из домов женщин, стариков и детей отвозят в лес и расстреливают. Он лично повинен в том, что были взяты в заложники родственники президента Масхадова, и тот вынужден был сдать федеральным властям. Обвиняемый присутствовал при пытках президента, руководил допросами, выбивая из пленного данные о партизанском подполье, о финансовых потоках, о спонсорах чеченского сопротивления. Когда нужные сведения были добыты, сам застрелил Масхадова и подбросил труп в специально отрытый бункер. – Куприянов рокотал своим сочным баритоном, метал молнии, ожидая увидеть ужас в глазах врага. Но Есаул сидел словно околдованный, покорно ожидая любой для себя участи. – Это он, в угоду своему самовластию, разрушил хрупкую ткань российской демократии. Вернул многострадальную Россию к тоталитаризму, задумав институт «спецпредставителей», этих жестоких надсмотрщиков над свободно выбранными губернаторами. А потом отменил и сами свободные губернские выборы. Когда алтайский губернатор Евдокимов, весельчак, шутник, любимец народа, отказался подчиниться произволу, его просто убили, подрезав тормоза скоростной губернаторской машины. Ненавистник свободы, этот кремлевский сатрап задушил удавкой независимую российскую прессу, изгнав с телевидения свободомыслие, замалевал экран серой известкой унылой официальной пропаганды. Он закрывал НТВ, изнасиловал в кабинетах «Останкино» двух очаровательных телеведущих, русскую и еврейку, после чего их показали публике, растрепанных, в засосах, бессвязно лепетавших о своей согласии на реформу канала. Он же устроил дорожную аварию самому талантливому телеведущему, которого демократы любовно называли «наш Савик», после чего тот вынужден был закрыть свою программу «Свобода слова». – Куприянов раздвигал рот в туманной улыбке, и в этой

жестокой игре с поверженным врагом его круглая голова обрела очевидное сходство с котом, который забавлялся с пойманной птицей, подбрасывая ее, цепляя в воздухе лапами, и при этом странно, по-звериному улыбался. – Это он задумал арест Ходорковского, обставив этот арест с особой жестокостью – с избиением, кандалами, с последующими пытками в карцере, психотропными уколами, требуя от страдальца добровольного отказа от ЮКОСа. Разоренная компания пополнила казну мертвыми деньгами, а карманы злодея – кругленькой суммой в полтора миллиарда долларов, которые крутятся теперь в банке на Каймановых островах. Когда в Россию приехал талантливый журналист Хлебников, основал журнал «Русский Форбс», поставив целью вскрыть махинации кремлевской мафии, этот беспощадный злодей нанял чеченцев, которые расстреляли отважного журналиста.

Есаул был сломлен. Что-то жалкое и беспомощное сквозило в его согбенной спине, сжатых плечах, потускневших пепельных волосах. Он всем видом признавал свое поражение, робел взглянуть в глаза победителя. Куприянов же был неутомим в мучительстве.

– Его людоедский ум разработал вампирическую схему, по которой подорожание нефти на мировых рынках ведет к астрономическим ценам на российский бензин, разгоняет тарифы на электричество и тепло, разоряет сельское хозяйство, делает нищим народ, увеличивает смертность. Уже разорилось множество сельских ферм, крупных заводов, центров военно-промышленного комплекса. Кремлевские же разбойники тем временем скупают Лазурный берег во Франции, побережье Бискайского залива в Испании, курорты Сардинии и Сицилии, купаюсь в роскоши и разврате. На процессе прозвучат доказанные обвинения в том, что именно этот преступник в Беслане отдал приказ снайперу подорвать взрывное устройство, а потом по его приказу танки прямой наводкой превращали спортивный зал с заложниками в кровавое месиво. На нем лежит вина в убийстве трехсот детей. К тому же он, антисемит и фашист, спровоцировал известное письмо других русских фашистов, требующих разгона всех еврейских организаций, провоцируя тем самым погромы и всеобщую юдофобию. Он неуклонно подвигает Россию к диктатуре фашистского типа, возрождая гитлеризм в начале двадцать первого века. Перечисленные обвинения повторяют многие пункты Нюрнбергского процесса и требуют приговора, подобного тому, что был вынесен фашистским преступникам. То есть повешения...

Он висел под деревянной балкой, во исполнение таинственного, вынесенного судьбой приговора. В скрученных веревкой запястьях натянулись готовые порваться жилы. Из рассеченного ребра вяло сочилась кровь, и он чувствовал, как шевелятся у раны тяжелые теплые мухи. Впалый живот содрогался от приступов рвоты. Босые стопы свисали из камуфляжных брюк, и он видел свои огромные грязные ногти. Вдоль глинобитной стены, где мерцал голубой изразец, проплыли губастые головы усталых пыльных верблюдов, и унылый звон бубенца затихал среди знойных проулков. Глаза, слезящиеся, залитые потом, ослепшие от света высокого беспощадного солнца, смотрели в пустыню, в розовое тусклое пекло, вымаливая смерть, избавление от неизбежных мучений, когда в кишлак вернется отряд моджахедов и чернородый, с огненным взглядом главарь возьмется за ременную плетку, готовый нанести рассекающий кожу удар. Смотрел в пустыню, в пепельно-розовый жар, выкликая себе избавление. И в розовом облаке, в частицах песка и праха, из лучей и кристалликов света возникало видение – огромный сияющий ангел, колонны расставленных ног, белоснежные пышные перья, взирающее из солнца лицо. Одежда, как волны расплавленного серебра. Пряди волос, как текущее золото. Глаза, как огромные самоцветы. Голос из разъятых губ – гулы бессловесного грома. В рокошущих громогласных раскатах – послание, адресованное ему: «Ты – избранник! Ты – угоден Богу! Ты спасешь свой народ и поверженную, брошенную в погибель Россию! Живи, терпи, верь! В тебе Господь открывает прозорливое око. Им узришь».

Ангел из неба протянул могучую руку, приставил ко лбу огненный перст. Прожег лобную кость. Вкатил пылающий глаз. Замуровал в костяной глазнице. И внезапно открылась необъятная даль, бессчетные народы и страны, невиданные города и земли, неисчислимые армии,

непрестанные войны, и он, Есаул, исполненный благодати, был спасителем мира, избавителем Родины. Был готов превозмочь все мучения, свершить предначертанный подвиг.

– Быть может, его и не повесят, как Риббентропа или Кейтеля, – иронично произнес Куприянов, почти с состраданием рассматривая поникшего врага. – Но уж поездка в Гаагу в тюремном самолете ему обеспечена.

Есаул смыкал ясновидящее лобное око, медленно избавляясь от ослепительного видения. Неохотно всплывал в явь из бездонных глубин бытия.

– Я думаю, тот, кого вы изобразили, как исчадие ада, на самом деле им не является, – тусклым голосом произнес Есаул, все еще не поднимая лицо навстречу торжествующему неприятелю. – Теперь, когда Президент Порфирий отказывается идти на третий срок, у вас не остается реальных противников. Так или иначе, но вы станете главой государства. Вам понадобятся опытные управленцы. Тот, о ком вы только что говорили, обладает бесценным опытом, уникальными связями. Он готов вам служить на любых выдвинутых вами условиях. Тем более, что никто не сомневается в том, что вы любите Россию, желаете ей добра. Народ примет образ русского будущего таким, каким вы его начертаете.

– Да, у меня есть образ русского будущего, и он ничем не напоминает ту уродливую образину, которую лепил Президент Порфирий и его приспешники. – Куприянов надменно откинул красивую голову, как это делали цезари при выступлениях в сенате, и на его челе просиял золотой венец. – Моя высшая цель, моя, если угодно, священная миссия, – избавить Россию от тысячелетнего бремени имперскости. Русский народ изуродован имперскостью, искалечен бессмысленной мессианской идеей, которую нашептал какому-то безумному великому князю какой-то забытый юродивый. Вся наша русская злоба, нищета, дурная гордыня, все наше бескультурье и животное свинство проистекают из имперскости, на поддержание которой мы израсходовали впустую тысячу лет своей бессмысленной истории...

Куприянов пылко, с кафедральной проникновенностью, читал курс русской истории, уподобляясь Ключевскому или Костомарову, вдохновленных обожанием курсисток и влюбчивых студентов. Их роль выполнял сейчас Франц Малютка, с восхищением глядя на интеллектуального друга. От волнения гладил чубчик на костяной голове, шевелил могучими, полными волос ноздрями, вдыхая запах истинного интеллектуализма. Есаул сосредоточенно слушал – не рокочущий баритон ненавистного человека, а далекий шум таинственного ветра, который летел к земле из небесных пространств, нес благовую весть. Мир вокруг, в предчувствии откровения, менялся. В нем что-то собиралось, копилось, стекалось в потаенный центр, который помещался в его любящем и ненавидящем сердце.

– Когда стану Президентом, намерен и дальше колоть мертвую льдину российских пространств, – властно, царственно продолжал Куприянов. – Буду откалывать от нее, вслед за Украиной, Кавказом, Казахстаном и Средней Азией, другие ломти, вмороженные в мертвый монолит империи. На восемь, на двадцать, на шестьдесят ломтей расколю тупую льдину, и каждый осколок будет оттаивать, чудесно переливаясь на солнце. Как на талом леднике расцветают восхитительные тюльпаны, нарциссы, эдельвейсы, так на этих освободившихся территориях будут распускаться цветы истинной свободы. Конфедерация областей, республик, регионов, со своими столицами, центрами суверенных сил, раскрепощенных культур. Открытость внешнему миру, эфемерность границ. Дыхание великого Китая, объятия мужественных тюрок, рукопожатия родственной и близкой Германии. Россия перестанет быть тупым гигантским носорогом, упершимся бивнем в Северный полюс, а превратится в разноцветную бабочку, парящую среди трех океанов. Бремя русских пространств, задача их обороны, освоения, угрюмого воспевания будут сброшено. Вместо одной, тупо неделимой и мертвенной, возникнет много России, легких, подвижных, счастливых... Русский человек, защищая проклятые пространства, истреблял себя и других в войнах, замерзал во льдах, сторал в песках. Строил не удобные дома и квартиры, а живя в бараках, клепал подводные лодки и баллистические

ракеты. Изобретал не благовонные мази и упоительные духи, а штамповал в шарашках атомные бомбы. Русская наука открывала не средства наслаждений, не формулу вечной жизни, а средства убийств – лазерные пушки, атомные мины, геофизические взрывы, способные согнуть ось Земли. Зачем нам такая наука? Закрывать все изуверские НИИ и КБ, распустить ученых! Нам хватит нефти и газа, чтобы быть счастливым народом. А наукой пусть займется Америка. Русский человек должен расслабиться, пожить, наконец, для себя. На обломках империи построить радостный Диснейленд со множеством забав, развлечений...

Франц Малютка, о котором говорили, что он собственноручно застрелил пятерых конкурентов по угольной отрасли, этот громила с навороченной мускулатурой и головой, обработанной пневмомолотом, счастливо улыбался, будто катался на «американских горках», сладко повизгивая. Есаул чувствовал, как накаляется громадная реторта мира, как стискивается под страшным давлением земное вещество, теряя рыхлость и блеклость, сжимаясь в сверхтвердый сгусток, готовое превратиться в сияющий прозрачный кристалл.

– Моей главной заботой будет устранение из русского сознания имперской идеи, этой ужасной опухоли, поразившей ум русского человека. Нейрохирургией станет новая культура, которая сменит собой прежнюю, имперскую. «Слово о полку Игореве», «Полтава», «Война и мир», «Тихий Дон», «Последний солдат империи» – их нужно смыть, засветить, как ненужную пленку, вырезать из русского сознания эту тысячелетнюю гематому. Главным министром в моем будущем правительстве станет министр культуры. И знаете кому я предложу этот портфель? – Куприянов обратился к Малютке, обалдело, с раскрытым ртом, внимавшему пьянящим речам. – Я предложу этот пост твоей жене, Франтик, великолепной Луизе Кипчак. Красота, наслаждение, эротика, прельстительные улады, культ прекрасного тела, гедонизм, эллинское упоение каждым мгновением жизни. Луиза – образец нового русского человека. Я дам ей огромный бюджет, подчиню ее влиянию все телевизионные каналы. Она превратит русскую жизнь в непрерывный фестиваль, в нескончаемое бьеннале, в восхитительный оргазм, который ослепит, заставит забыть угрюмое прошлое, шизоидное мессианство – нравоучительного Толстого, чахоточно-морализирующего Чехова, постыло дидактического Проханова...

Ненависть и любовь вливались в сердце Есаула двумя жгучими потоками, смешивались, вскипали, рождали бесшумные взрывы. Сердце содрогалось, меняло цвет, от ослепительно-алого и нежно-золотого до черно-фиолетового и мрачно-синего. В этой цветомузыке созревало великое знание. Все рассеянные случайные мысли, прихотливые чувства, несовершенные идеи, несостоятельные замыслы сливались, твердели, образуя кристалл откровения.

– Операция, которую я замышляю, будет болезненна. Не скрою, удаление имперской опухоли обойдется недешево. Многие умрут прямо на операционном столе. Реформы, которые я проводил, будучи премьер-министром и которые были оборваны с воцарением Президента Порфирия, будут возобновлены и продолжены. Быть может, в конце реформ русских сохранится шестьдесят миллионов, остальные умрут вместе с имперским сознанием. Но оставшиеся образуют расу счастливых людей, напоминающих дельфинов, что плещутся в теплой лазури.

Куприянов обольстительно улыбнулся, упиваясь музыкальными рокотами собственного баритона и изысканными переливами мысли. Есаул испытывал невыносимую ненависть к этому сакральному врагу, убивающему страну и народ. И слепящую нежность, любовь к ненаглядной России, над которой нависла беда. Два эти чувства, сливаясь, сотворяли кристалл, в котором тайлось открытие – как воспрепятствовать враждебному замыслу.

У столика возник официант. В изящном полупоклоне нес перед собой деревянную доску, на которой, обложенная блестящими крупными льда, красовалась рыба.

– Господам недолго ждать, – сладкозвучно произнес он. – Телятина в красном вине уже на плите. Королевские креветки кипят в молоке. Вот, взгляните. – Он слегка приблизил деревянный поднос к Есаулу. – Ваш сибас. Вам нравится?

Есаул слышал, как приближается шумящий шар света, в котором что-то крутилось, взрывалось, выбрасывало протуберанцы энергии. Ударило, ослепило, накрыло с головой душным вихрем. За стеклянной стеной в казино взиграли фонтаны света, взлетели салюты огня, распушились букеты радуг. За другой стеной вещие птицы раскрыли громадные шелковистые веера с изумрудными и голубыми очами, ослепили переливами, волшебной игрой перламутра. Рыба на деревянной доске встрепенулась, ударила влажным хвостом, разбрызгивая блески льда. В голове счастливо и яростно крутанулся золотой глаз. Из бокала брызнула искра, перелетела стеклянный край, ужалила в разгоряченный лоб. Среди космических радуг и волшебных птиц сотворилось чудо. Вода в бокале преобразилась в вино, играла чудным рубином. Ожившая рыба трепетала на доске. Испуганный официант ловил ее на лету, уносил, прижимая к груди.

Есаул испытывал прилив могучей энергии, был счастлив, светел. Его посетило прозрение. Выход был найден. Он поднял на Куприянова просветленное лицо, на котором не было ни гнева, ни ненависти, а лишь свет прозрения.

– Вы абсолютно правы, Аркадий Трофимович. Нам всем предстоит сбросить бремя империи. Путешествие по рекам из Москвы в Петербург ознаменует начало вашей предвыборной кампании, где вы сможете обнародовать свой манифест. Рассматривайте меня как друга, который мог заблуждаться, но теперь готов искупить грех своего заблуждения. Кстати, – он обратился к Малютке, – я знаю, вы еще не зафрахтовали теплоход. И не надо. Администрация Президента предоставит в ваше распоряжение чудесный корабль, построенный на верфях Гамбурга. Он прибыл в Москву недавно, и теперь представляется случай употребить его по назначению. Если бы такой корабль был построен в Германии в тридцать седьмом году, он бы назывался «Адольф Гитлер». Но теперь, в благословенное время, мы дали ему имя «Иосиф Бродский» в честь великого космополита, всем творчеством отрицавшего империю.

– Отлично! – воскликнул Малютка. – Братцы, давайте жить дружно!

Глава пятая

Теплоход «Иосиф Бродский», созданный германским гением на верфях Гамбурга, поражал своей красотой и величием. Казался башней с зеркальными этажами. Сочетал эстетику Парфенона и марсианской ракеты. Нежность белого лебедя и тяжеловесную грациозность кита. Его каюты завораживали комфортом, драгоценными породами дерева, инкрустациями из золота и серебра, картинами великих художников, приобретенных на аукционе «Сотбис». Рестораны и бары, концертные залы и дансинги позволяли превратить плавание в непрерывный пир и нескончаемый праздник. В трюме, как стальной гигантский мускул, помещался двигатель, блистающий своей чистотой и мощностью. Из хрустальной рубки, напоминавшей кабину космического корабля, были видны дно и небо, окрестные берега и глубины. Приборы, сконструированные хитроумными немцами, сочетали корабль с орбитальными спутниками, мировыми столицами, помещали в ноосферу планеты, в прозрачный океан информационных потоков. На борту литерами из чистого золота, искусно сочетая графику готики, церковно-славянского и иврита, была выведена надпись «Иосиф Бродский». Белую трубу опоясывала алая полоса с золотым двуглавым орлом – символом президентской власти. Именно так выглядел теплоход вечером теплого августовского дня, пришвартованный к пристани Речного порта, в ожидании великосветских пассажиров.

Вездесущая пресса, пронюхав о свадебном странствии, оповестила публику об излишествах богачей, пересчитала золотые и серебряные сервизы, миллионные кольца и браслеты, обнародовала списки VIP-персон, среди которых были знаменитые политики, всемогущие олигархи, прославленные артисты, что вызвало нездоровый ажиотаж завистливой толпы. Родились непристойные анекдоты, поползли крамольные слухи, состоялись демонстрации неимущих – пенсионеры под красными знаменами у памятника Марксу требовали прекратить бесчинства развратной Луизы Кипчак. Особенно злобствовала газета «Завтра», изображая теплоход как «плавающий сад извращений», перед которыми меркли фантазии маркиза де Сада.

Все это заставляло принять самые строгие меры безопасности.

По приказу Есаула вдоль всего речного маршрута из пятикилометровой зоны были выселены жители прибрежных деревень и поселков. Вдоль берега, в рощах и кустах, были установлены секретные посты и засады. Над водами барражировали вертолеты. По всему водяному пути прошел тральщик, процеживая глубины на случай закладки подводных мин. На самом теплоходе были установлены аппараты, противодействующие водным и наземным диверсантам, вероятность появления которых была весьма велика. Эти меры безопасности перемежались с ухищрениями дизайнеров и организаторов празднеств – возводились на берегах беседки в китайском стиле для увеселений и чаепитий, оборудовались причалы в виде греческих амфитеатров, создавалась подсветка деревьев и кустарников, готовились лазерные представления на облаках и на стенах окрестных соборов. Повсюду, где проплывал теплоход, планировались маскарады, фейерверки, пикантные увеселения, развлекательные прогулки. В строжайшей тайне блюлось время и место прибытия на теплоход Президента Порфирия, который прямо с альпийского курорта обещал подлететь на вертолете к плывущему кораблю и принять участие в празднествах.

Есаул лично контролировал меры безопасности, общался с разведкой, глушил скандалы, отвлекал внимание прессы от одиозной поездки. С ней был связан его тайный замысел. Его он лелеял под сердцем, окружая кольцами защиты, непроницаемой немотой. Запрещал себе думать о нем, зная, что у противника существуют технологии, считывающие мысли.

Он приехал на Речной вокзал незадолго до прибытия гостей. У трапа Есаула встретил и изысканно козырнул капитан теплохода Яким, молодой голубоглазый атлет, облаченный в белую форму с золотыми позументами. Узкий в талии китель был схвачен парадным поясом,

на котором висел морской кортик, – узкий, спрятанный в ножны клинок с костяной инкрустированной ручкой. На ножнах извивалась золоченая змейка. Торец рукояти украшало золотое сердце.

– Обстановка? – спросил Есаул, поднимаясь на трап.

– Все готово, Василий Федорович. Вот ключ от вашей каюты, – Яким протянул хромированный ключ с набалдашником в виде резной головы Иосифа Бродского. Пока они шли по мягким коврам коридора, среди сверкающего лака и мягкого света плафонов, им попадались члены экипажа, молодые, спортивного вида люди в безукоризненно белых мундирах. Все состояли в молодежном движении «Нейшн», любимом детище Есаула. Все прошли школу корабельного искусства, были прикомандированы к теплоходу, владели языками, хорошими манерами, правилами светского тона.

Люкс, куда вошел Есаул, был лишен кричащей роскоши, свойственной остальным каютам. Напоминал деловой кабинет, где можно было работать, проводить совещания, связываться по многочисленным телефонам с Кремлем, Правительством, Государственной думой и Советом Федерации. Прямые телефоны соединяли каюту с Министерством обороны и МВД, штабами флота и армии. Телевизор с огромным плоским экраном позволял принимать несколько сотен телевизионных программ.

Есаул снял трубку голубого, без устройства для набора, телефона, услышал сдержанный голос: «Оперативный слушает». Удовлетворенно вернул трубку на место. Подошел к окну и стал смотреть на пирс, ожидая прибытия гостей.

Первыми явились новобрачные. Длинный, словно игла, перламутровый «линкольн» картинно выкатил на пирс в сопровождении тяжеловесных, как катафалки, джипов. Луиза Кипчак, обворожительная, в аметистовом платье, светясь жемчужным лицом, с полуобнаженной грудью, встала из автомобиля, царственно улыбаясь. Франц Малютка, тяжеловесный и мощный, с грациозностью гризли, протянул ей руку. Было видно, как чуткие белые пальцы Луизы опустились на могучую волосатую лапищу Малютки. Струнный квартет у трапа страстно заиграл «Маленькую серенаду» Моцарта. Бриллианты переливались на шее Луизы, ее локоны напоминали прическу загадочных женщин на картинах Борисова-Мусатова. Брачная пара под аплодисменты, сопровождаемая слугами с поклажей, проследовала на трап, где их встретил галантный капитан Яким. Отдал честь, верноподданно улыбался. Помощник капитана с поклоном протянул Малютке ключ от люкса с костяной головой Иосифа Бродского, проводил до дверей каюты.

Когда молодожены остались одни, Луиза оглядела роскошные комнаты, столы и кресла красного дерева, просторную кровать под шелковым балдахином, текинские ковры под ногами, приоткрытую дверь в туалет, где драгоценно мерцали фарфор унитаза и биде, зеркала и кафель, и сказала суженому:

– Как здесь мило, Франческа. Какой замечательный дом. Так давай же скорее впустим нашего домового, пускай обживает наше уютное гнездышко!

– Но не сейчас же, Лизок! – пробовал возразить Малютка.

– Именно сейчас. Нельзя нашего домового так долго держать взаперти!

Она положила свою чуткую аристократическую руку на пах Малютки, играючи расстегнула пуговицы брюк, нырнула в открывшуюся норку. Малютка воздел к потолку остановившиеся бычьи глаза. Некоторое время в глубине, где орудовала прелестная рука, раздавался стук бильярдных шаров, а затем разбуженный неосторожным вторжением божок стал подниматься, выгибая ткань дорогих брюк. Убедившись, что разбуженный идол не уснет, Луиза извлекла шаловливую ручку. Нажала невидимую кнопку у себя на спине. Сбросила аметистовый покров, оставшись в тончайших трусиках «танго». Переступила светящийся ворох, словно вышла из лесного озера.

– Наш домовый обожает путешествовать. Мы уже выпускали его глубоко под землей, когда занимались любовью в шахте. И в туалете «Боинга», куда я выманила тебя во время полета в Америку. И на дереве баобаба, когда ты взял меня на сафари в Кению. И ночью в фонтане «Треви», когда мы гостили в Риме. И в ложе Большого театра, где слушали оперу «Дети Розенталя». И в открытой могиле, когда прогуливались по Ваганьковскому кладбищу. И на асфальте перед «Матросской Тишиной», где мы выражали солидарность с нашим другом Ходорковским. Ну, давай же, Франтишек, выпускай домового!

Малютка сопел, вываливая из тесных тканей могучие волосатые мышцы. Скакал на одной ноге, сбрасывая туфлю. Превращался в гигантского примата с горбатой спиной, согнутыми коленями, достающими до земли руками, среди которых бушевал рассерженный краснофиолетовый детеныш.

– Масенький, холесенький, – лепетала Луиза Кипчак, стараясь ухватить не помещавшегося в ладони божка. Освободилась от шелковой нитки с треугольничком прозрачной материи. Предстала в блеске бриллиантов, усыпавших ее от шеи до лобка. Малютка, ослепленный, с видом восхищенной конголезской гориллы сгреб любимую женщину в мохнатые объятия. Швырнул под балдахин на кровать.

Капитан теплохода Яким ощутил необычную вибрацию палубы, но догадался об источнике колебаний. Нервно погладил кортик.

К причалу из вечерней аллеи выскользнул зеркально-черный «мерседес» в сопровождении двух «хаммеров», из которых повалила охрана, охватила причал полукольцом. Здоровенные громилы оттопырили подмышки, где притаились скорострельные «беретты». Из «мерседеса» величественно вышел Куприянов.

Расправил статные плечи, красиво выгнул грудь. Огляделся вокруг, убеждаясь, что находится в окружении обожателей. Плавно двинулся к трапу, зная, что верные слуги несут за ним баулы с дорожной поклажей.

Капитан Яким вытянулся по-флотски, прикладывая ладонь к белоснежной фуражке. Помощник капитана подобострастно, споткнувшись о ковер, заторопился вперед, неся ключ с головой Иосифа Бродского, словно магический жезл. Куприянов милостиво ему улыбнулся. Отпустил носильщиков. Остался один в великолепном люксе с окнами на залив, по которому струились розово-зеленые переливы зари.

Куприянов приблизился к просторной кровати, застеленной шелковым покрывалом. Сильным взмахом сдернул японскую ткань, обнажив простыню и свежую подушку в чистой наволочке. Вспрыгнул на кровать, не снимая туфель. Некоторое время топтался на подушке, глядя, как черные туфли погрузились в девственную чистоту подушки.

Спрыгнул на пол. Подошел к одному из своих саквояжей, небольшому кожаному баулу с медным запором. Повернул колесики кода. Открыл дорожную суму. Извлек белое куриное яйцо. Ударил тупым концом о стол красного дерева с бронзовым позументом. Отколупнул красивыми ногтями ломтики скорлупы. Запрокинул голову, раскрыл широко рот и влил в него содержимое яйца. Сладострастно сглотнул. По мере того как желток проскальзывал по пищеводу, Куприянов тер свою бархатную холеную шею, массировал чувственный кадык. Когда сгусток упал на дно желудка, Куприянов выпрямился и рокочущим баритоном пропел: «О – а – у – э – о – а!»

Достал из того же баула чистый платок. Приблизился к зеркалу и, оскалив большой рот, тщательно протер платком крепкие зубы, убеждаясь, что они безупречно белы, отлично смотрятся в широко открытом зеве, где влажно шевелится розовый, как у молодого пса, язык.

Некоторое время наблюдал свое отражение. Чем дольше смотрел, тем туманнее и влажнее становились его глаза. Дыхание участилось, грудь высоко вздымалась. Он приблизил к серебряному стеклу покрасневшие, налитые соком губы и жадно, страстно приник. Поцеловал

себя долгим обморочным поцелуем, уста в уста, пока не пробежала по его сильному туловищу мелкая судорога. Ослабел, обмяк. Вяло отошел от зеркала, оставив на стекле влажный, тающий отпечаток.

К причалу вылетела игривая «альфа-ромео», напоминающая нарядную бабочку. За рулем восседал смуглый круглолицый тувинец, огромного роста, с серебряной серьгой в ухе, сын шамана, уроженец Саян. Рядом с ним откинулась очаровательная мадам Стеклярусова, мать невесты, вдова петербургского мэра. Ее нежное целлулоидное лицо было доведено в салонах красоты до молочно-восковой спелости. Недавно перенесенная очередная подтяжка придавала ей вид двадцатилетней барышни. Бирюзовые глаза светились наивным счастьем. Широкополая парижская шляпа делала ее похожей на садовый цветок. Розовое девичье платье открывало грудь настолько, что всякий желающий мог рассмотреть смуглые, натренированные соски. Вышли из машины, проследовали к трапу. Тувинец нес на плече громадный баул, как охотники Саян носят туши убитых медведей.

– Вы очень милы, – прошептала она капитану Якиме, потрепав шаловливой ручкой его мужественную, гладко выбритую щеку. – Мой бедный муж не дожил до счастливого дня, но там, на небесах, он радуется счастью Луизы. Очень милый кораблик, – бубенчиком звучал ее голос, а пальчики, усыпанные самоцветами, как бы невзначай бегали по гульфику капитанских брюк, как это делает пианист, играя Скрябина.

Оказавшись в номере, она тут же распустила тесемки платья, обнажила полную, с голубоватыми наплывами спину. Пала на кровать лицом вниз, пролепетав:

– Дорогой Тока, ты не забыл? Время приступать к процедурам.

Сын шамана был приставлен к неувядающей женщине, которая так много сделала для жителей горной страны, что те решили открыть ей секреты долголетия и вечной молодости. Они направили ей в услужение молодого колдуна, владеющего восточными практиками. Тока – так звали врача и целителя – сбросил покровы из тонко выделанных козьих шкур, обнажил бронзовую мускулатуру атлета, оставшись в набедренной перевязи.

– Давай же, Тока, – торопила мадам Стеклярусова.

Тувинец опустил на ее поясницу могучее бронзовое колено.

Надавил на чакру, так что затрещали и разошлись швы многочисленных подтяжек – за ушами, на шее, на животе, на боках, под лопатками, под языком, в глазницах, в матке, в правом полушарии, в селезенке, в двенадцатиперстной кишке. Стало легче дышать, словно сняли корсет. Тувинец мощными пальцами стал мять тучную спину, как месят тесто в квашне, погружая пятерни в податливую мякоть. Постепенно из раскрытых швов стал выступать синий жир. Лекарь соскабливал его ножом из медвежьей кости и складывал в старинную склянку.

– Теперь доставай «малых мира сего», – торопила его прекрасная пациентка.

Врачеватель извлек березовый туесок и высыпал на нее лесных муравьев, которые поползли по распаренной спине, покрывая ее укусами. Женщина повизгивала от наслаждения, выделяя в местах муравьиных укусов капельки желтого пота. Тувинец снимал их костяным лезвием и стряхивал в склянку.

– Теперь эликсир «Хозяин тайги» и мазь «Хозяйка ущелий», – требовала женщина.

Молчаливый лекарь извлек бутылку с желудочным соком медведя и флакончик с ядом горной гадюки. Лил на спину из обоих сосудов. Спина вскипала, покрывалась волдырями, сочилась ржавыми ручьями. Тувинец орудовал костяным ножом, стряхивал коричневатую жидкость в подставленную склянку.

– Теперь – «Удар милосердия». – Мадам Стеклярусова ловко стянула оставшиеся на ней покровы, обнажив две желтые продолговатые ягодицы, напоминавшие сросшиеся лежалые дыни. Тувинец сорвал с чресл повязку, освобождая заветный амулет, который оказался детородным отростком изюбря. Был украшен костями осетра, перьями орла, панцирем черепахи, кедровыми шишками и острыми иглами дикобраза.

С протяжным криком: «Уи-и-и уо-о-ол!» – нанес разящий удар, разделяя сросшиеся дыни. Стеглярсова возопила, оглашая ущелья победным криком оплодотворенной медведицы.

К пристани Речного вокзала – шедевра сталинской архитектуры, где итальянское причудливо сочеталось с неандертальским, вылетел кортеж автомобилей. Вереница представительских машин перемежалась тяжеловесными джипами охраны, пылко мерцающими машинами сопровождения. Раскаленная вереница остановилась у теплохода. Телохранители помогли выйти тем, кого в народе называли «могучая кучка» и кто составлял ближнее окружение Президента. То были генпрокурор Грустинов, председатель Госдумы Грязнов, министр экономики Круцефикс, телемагнат Попич и министр обороны Дезодорантов. Все держались вместе, были встревожены, недоверчиво поглядывали на белоснежный, окруженный пышными огнями корабль. Шли по трапу гуськом, осторожно ставя ноги, словно боялись, что трап может рухнуть, и они упадут в темную, с ртутным отливом воду.

– Василий Федорович прибыл? – спросил Грустинов у капитана Якима.

– Так точно, – по-военному отрапортовал капитан, называя номер каюты, в которой остановился Есаул.

Офицеры экипажа в белых мундирах с серебряными позументами, вооруженные кортиками, провожали вождей по каютам, передавая им ключи с костяной головой поэта, напоминавшие жреческие символы.

Прокурор Грустинов, как только оказался в каюте, запер на два оборота дверь. Осмотрел все углы, словно опасался засады. Постучал кулаком в стену, убеждаясь в ее прочности. Плотнее занавесил окно, чтобы чужой взгляд не проник с палубы в помещение. Извлек мобильный телефон, затрепетавший в его толстенной пятерне, как жемчужная раковина. Набрал номер отдаленной колонии, где за колючей проволокой с пулеметами, в тюремном бараке, на нарах, в серой робе зэка томился некогда могучий нефтемагнат. Узник давно уже отказался от своих либеральных воззрений. Миновал краткосрочную фазу увлечения социал-демократией. От «левого поворота» качнулся к национальной идее, призывая к национально-освободительной войне. Но и это осталось позади. Погруженный в мистику, исполненный видений, он принял православие и дал обет, выйдя на свободу, постричься в монахи. Генпрокурор внимательно следил за его эволюцией, с облегчением наблюдая, как в знаменитом узнике исчезает мстительность, он уже отказался от мщения своим мучителям и расхитителям нефтяной корпорации. Пел псалмы, призывал любить «врагов своих», особенно прокурора Грустинова. Однако грядущие в стране перемены, неизбежный уход Президента Порфирия и возвышение Куприянова, сулили прокурору неприятности. Набрав телефон начальника колонии, он сухо приказал:

– Так, полковник, слушай сюда. В прошлый раз ты докладывал, что заключенный «2769-7» назвал тебя «Брат мой», за что ты посадил его в карцер. Больше не сажай, понял? Пусть называет. Купи ему леденцов, скажи – я прислал. Пошей ему рясю, как он просил, скажи – я велел. Приведи к нему попа, скажи – я приказал. И вообще с ним помягче, помягче. Понял, полковник? Так-то, брат мой!

Остальные члены «могучей кучки» вели себя столь же встревоженно. Министр экономики Круцефикс, оказавшись в замкнутом пространстве каюты, испытал ужас клаустрофобии. Тихо взвыл, стал биться головой о стены, рвать клочковатый комок бороды, запел гнусным голосом романс на стихи Гейне: «Кенст ду дас ланд, во ди цитронен блюэн...»

Спикер Грязнов, как всегда, когда волновался, в том числе и на заседаниях Государственной думы, разулся, достал небольшие ножницы и стал подстригать на ногах когтистые желтоватые ногти, бормоча: «Фракция думского большинства – ведь, в сущности, там одни идиоты!»

Министр обороны Дезодорантов уронил трость в угол, отклеил перед зеркалом накладной нос, промыл его в формалине. С помощью крохотной клизмы закачал пахучий зеленова-

тый раствор в зияющую дыру над губой, предохраняя пораженную мякоть от дальнейшего разложения. Вновь приставил эластичный протез носа, побрызгав лицо из баллончика душистой аэрозолью.

Телевизионный магнат Попич, маленький, нервный, тряся хохолком, бегал по каюте, названивая в тысячи разных мест. Возмущался, почему опаздывает на теплоход знаменитый телеоператор Шмультрихтер, в чьи обязанности входило снимать свадебное путешествие. Интересовался у дежурного по кораблю, в какой каюте разместился Куприянов и не спрашивал ли он о нем, Попиче. Домогался у подчиненных в «Останкине», в каком архиве хранится кассета, на которой заснят случившийся с Есаулом конфуз, когда тот, проходя по кремлевскому залу, споткнулся и едва не упал.

– Подбери-ка мне все, что у тебя есть на Есаула, особенно его подвиги в Чечне, с батальоном «Восток», – приказывал он помощнику, бегая по каюте.

Из аллеи к причалу выкатила кавалькада. «Вольво», розовая, как фарфоровая ваза для омовения. Комфортабельный автобус «мерседес» с нарисованной экзотической птицей. Второй автобус, чуть меньших размеров, на борту которого рука скелета сжимала алый цветочек. Небольшая фура, зачехленная тканью с нарисованным оскаленным псом. Из розовой раковины, в пене одежд, прекрасный и женственный, как Афродита, вышел известный модельер Словозайцев. Вслед за ним показался маленький черноусый человек, похожий на энергичного пса, по фамилии Русак – губернатор древнерусского города, славного своими победами над Ливонией. Он нарочито изображал из себя европейца и поощрял в своем городе не игру на гуслях, не колокольный звон, а рок-концерты и фестивали высокой моды, что сближало его со Словозайцевым.

Из автобуса стали невесомо выпадать высокие тонконогие женщины, манекенщицы, все в великолепных нарядах, похожие на цветущие астры. Из третьего экипажа по одному спрыгивали на землю странные неуклюжие существа, облаченные в оранжевые балахоны, скрывающие тела и лица. Ступали кособоко, иные прихрамывая, иные задом наперед, и могло показаться, что под рыжими покрывалами прячутся приматы, – очередная затея падкого на выдумки Словозайцева.

Из фуры мускулистые служители стали выводить собак – в намордниках, на хромированных цепях. Казалось, что это боевые псы, предназначенные для смертельных схваток. На деле же Словозайцев хотел продемонстрировать великосветским пассажирам теплохода образцы экстравагантной собачьей моды.

Все двинулись на корабль. Собак отвели на корму, поместив в отдельный бункер, где приковали к крюкам. Животные крутились на цепях, нервно повизгивали, пялились розовыми от злобы глазами.

Существа в балахонах поселились в двухместных каютах на нижней палубе, под которой располагался двигатель. Служители заперли их в помещениях, а ключи унесли с собой. Длиноногих красавиц расселили по всему теплоходу, и они, едва оказавшись в каютах, принялись переодеваться, поправлять маникюр, делать массаж запястий и щиколоток, глотать питательные, не прибавлявшие веса таблетки.

Словозайцев, войдя в каюту, обнаружил, что в ней уже находятся несколько манекенщиц. Их искусственные безукоризненные зубы, улыбающиеся лисьи лица, протянутые к нему длинные коготки не предвещали ничего хорошего.

– Зи-зи, Ки-ки, То-то... Ну не надо, не сейчас... Я еще не переоделся, – жалобно умолял он, отступая от двери. Но красавицы только усмехались, поблескивая перламутровыми когтями, цокая отточенными каблуками, беспощадно сияя прекрасными глазами. – Ли-ли, Фи-Фи... Я прошу...

Красавицы кинулись на него, бросили на кровать, стали щекотать. Словозайцев извивался, хохотал, умолял оставить его:

– Фру-Фру, Мо-мо, я изнемогаю...

Проказницы щекотали его под мышками, теребили пятки, забирались тонкими шупальцами в пах, лезли в уши, под язык. Словозайцев орал, хохотал, обливался слезами, корчился. Обессиливший, с выпученными глазами, вываленным языком, в коме, остался лежать на кровати. Манекенщицы по-матерински заботливо раздели его, накрыли одеялом, поправили подушку. Оставили лежать, видя, как дергается под одеялом беспомощная пятка.

Губернатор Русак, напротив, сам был исполнителем увлекательной затеи. В просторной каюте к кровати был прикован белесый бультерьер в наморднике. Русак в гетрах, в безрукавке дрессировщика держал ременный хлыст. Наносил по собаке длинные разящие удары. Собака взвизгивала от боли. Отпрыгивала. Кидалась на мучителя. Рвалась на цепи. Снова отскакивала, пораженная ударом бича.

– Не любишь!.. – приговаривал Русак, награждая бультерьера очередным ударом хлыста. – Не любишь!..

Глаза собаки набрякли кровью. Намордник наполнился розовой пеной. На мускулистых, играющих ненавистью боках вздувались рубцы. Русак все бил и бил, пока, дрожа коленями, не упал на пол, изнемая от сладострастной муки.

Прикатил тяжеловесный «форд» с американским флажком. Два морских пехотинца растворили дверцу, выпуская посла США Александра Киршбоу. Доброжелательный и вальяжный, улыбаясь, он посмотрел на теплоход, как взрослые люди смотрят на детскую дорожную игрушку.

– Ер эксесенц!.. – козырнул ему у трапа Яким.

– Где-то я вас видел, не правда ли? – посол пожал капитану руку. – Вы не служили в «Нэйви энэлайзес»?

– Никак нет, я возглавляю организацию «Нейшн».

– Да, конечно. Ваших ветеранов хоронят на Арлингтонском кладбище.

С этими словами он принял ключ с костяной головкой поэта. Красивая мускулистая девушка в белой короткой юбке с серебряным кантом, по виду толкательница ядра, подхватила его баул и проводила в каюту. По коридору посол шагал ленивой походкой скупающего интеллектуала. Но, едва войдя в номер, обернулся и с необычным проворством залез барышне в трусы. Та не повела бровью. Улыбалась, держа саквояж, пока Киршбоу совершал экскурсию по кустистым дебрям. Когда он удовлетворил пытливость путешественника и вернул руку в пространство каюты, девушка поставила баул и спросила:

– Что-нибудь еще, господин посол?

– Немного позже, – ответил Киршбоу и подарил русской красавице стеклянные бусы, как когда-то колонисты одаривали диких туземцев.

Голубой «фольксваген» доставил к теплоходу председателя Союза предпринимателей и промышленников Добровольского. Жовиальный старик с горбатым склеротическим носом и красными веками улыбался во все стороны искусственными зубами. Приглаживая медного цвета парик, он направился к трапу расслабленной семенящей походкой, время от времени смыкая пятки и разводя носки, что делало его похожим на Чарли Чаплина. Всякий, кто знаком с масонскими символами, без труда мог определить в нем члена ложи, прибежавшего к особым приемам, чтобы его в толпе опознали другие братья. Пока он двигался к трапу шажками пингвина, ему откликнулось несколько находящихся на пирсе соратников. Мусорщик в оранжевой робе, подбиравший на асфальте бумажки, сделал несколько шажков, имитируя пингвина. Охранник, скрывавшийся в кустах, вышел из тени на свет фонаря, скрестив средний и указательный пальцы и послав приветствие магистру. Милицейский полковник с рацией показал ладонь, на которой светящейся краской был начертан мастерок – орудие вольных каменщиков.

– Не могли бы вы прислать мне в номер лед? – спросил Добровольский у капитана Якима, принимая ключ.

– Лед уже доставлен, – любезно ответил Яким.

– Спасибо, мой мальчик, – удовлетворенно заметил Добровольский, чувствуя себя окруженным тайными братьями, лишь на мгновение обнаружившими свое присутствие.

В номере на столе стояло ведро с мелко нарубленным льдом. Добровольский снял парик, который являл собой резиновую оболочку, усеянную рыжими синтетическими волосами. Обнажился бугристый, голубоватый череп с большой синей веной. Над раковиной он вылил из парика воду, как выливают ее из грелки. Натолкал в оболочку мелко нарубленный лед. С наслаждением нацепил парик, который действовал, как рефрижератор, остужая пылающий мозг, перегретый от постоянного крючкотворства и каверз. То же самое проделал с бандажом, окружавшим пах. Промежности нестерпимо горели, ибо недавно в секретной биологической лаборатории ему, вместо истлевших чресл, пересадили семенники молодого орангутанга. Семенники прижились, но иногда начиналось изнурительное жжение, хотелось в джунгли Нигерии, где обитало множество привлекательных самок.

Появился «лендровер», украшенный странным плюмажем, испещренный кабалистическими звездами, изображениями ящериц и гадюк. В нем прибыла известная гадалка и чаровница Толстова-Кац. Из автомобиля вытекла огромная рыхлая старуха, нарумяненная и набеленная, в розовом тюрбане, с живой совой на плече. Ее ноги распухли от «слоновой болезни», тела колыхались и хлюпали. Она напоминала огромный перезрелый гриб, пропитанный влагой, с почерневшей губкой, в которой завелись мокрицы и сороконожки. Поддерживая себя за бока, понесла свое тело к теплоходу, и казалось, вот-вот от нее отвалится рыхлый скользкий ломоть, и начнут разбегаться потревоженные обитатели водянистого гриба.

Тяжело взгромозилась на трап. Мельком взглянула на капитана Якима:

– Когда устанешь убивать, станешь садовником. Будешь сажать на могилах хризантемы.

Едва протискиваясь в коридоре, добралась до каюты. Пересадила сову с плеча на вешалку. Растворила баул и выложила магическую пирамиду, колоду карт, сушеную саламандру, сморщенную, с извлеченным черепом, головку эскимоса, кипу длинных булавок, свечу, китайский веер, а также том стихов Иосифа Бродского (издательство «Независимая газета», 2001 год). Прюделав эту работу, собралась было прилечь, но в ней что-то заурчало, забурило. Ахнув, она заторопилась в туалет, где накрыла своими пышными юбками лазурный унитаз, как накрывает чайник лоскутная баба. Из нее тотчас хлынуло, полилось, неудержимо, как водопад, как проливной дождь, что неутомимо хлюпает за окном, наполняя влагой яблоневый сад. Бульканье услышал вахтенный офицер, думая, что преждевременно заработал водяной винт. Но за кормой была гладь, на которой нежно трепетало отражение оранжевого фонаря.

На подержанном «ниссане» прикатил известный телеоператор Шмульрихтер, тот, что когда-то поразил общественность кадрами голого совокупляющегося прокурора. Маэстро был одет, как турок на старинной литографии – бирюзовые шаровары, малиновая безрукавка, на выющихся чернильных волосах белая феска с кисточкой. Длинный птичий нос вертелся во все стороны. Вслед за носом вращались пытливые всевидящие глаза – один красный, другой фиолетовый.

– Один для ночных съемок в инфракрасном спектре, – пояснял Шмульрихтер, – другой для дневных, в ультрафиолете.

Он то и дело облизывался, высовывая длинный язык, и слгатывал слюну, как собака, предвкушающая вкусную косточку. Прюшествовал к трапу, энергично переставляя ноги в загнутых чувяках.

– Изволите опаздывать, – сделал ему мягкий выговор капитан Яким.

– Изволю, изволю, – согласился оператор. – Обгонял Патриарха. Небось, тоже сюда намылился, «Ноев ковчег» освящать.

Попав в свою каюту, Шмультрихтер сразу направился к стене, что была задрапирована тканью. Отдернул занавес, и открылся вмонтированный в стену полиэкран. В большинстве кают были установлены скрытые камеры, которые вели непрерывную съемку. Эта съемка должна была лечь в основу телевизионного фильма, который заранее купил экстравагантный канал ТНТ, специализирующийся на случаях в прямом эфире.

– Тэкс, тэкс, позвольте взглянуть. – Шмультрихтер стал нажимать тумблеры, включая поочередно мониторы.

В каюте новобрачных обессилевший Франц Малютка опрокинулся навзничь, а неистовая Луиза Кипчак, словно обнаженная валькирия, сидела у него на лице и подпрыгивала. Губернатор Русак продолжал истязать собаку, приговаривая «Не любишь!», и у терзаемого животного из намордника падала пена. Посол Киришбоу достал звездно-полосатый американский флаг и учился его складывать, как складывают на гробах убитых в Ираке солдат. Куприянов позировал перед зеркалом, примеряя двенадцатый галстук, при этом был без брюк, прятал глубоко между ног гениталии, пытаясь изображать из себя женщину. Прокурор Грустинов возлежал на кровати, играя мобильным телефоном, пробуя своим небольшим, натренированным отростком набрать Генеральную прокуратуру, но попадал почему-то на квартиру проститутки.

– Конечно, я не Антониони, но все же Шмультрихтер, – засмеялся оператор, заморгал разноцветными глазами и облизнулся.

Из липовой аллеи у освещенной пристани появилась фигура, маленькая и нелепая. Когда она приблизилась к фонарю, можно было увидеть, что это горбун. Лицо его, болезненно-бледное, с запавшими щеками, тонкой переносицей, широко раскрытыми серыми глазами, было красиво и измучено, выражало кроткую мольбу и сострадание. Его появление среди роскошных автомобилей, рослых охранников и чванливых гостей было странным. Когда он взошел на трап, капитан Яким недоверчиво его оглядел:

– А вы, простите, кем будете? Присутствуете в списке гостей? – он стал просматривать листки, где значились вельможные имена, звания и титулы. – Должно быть, вы из группы Словозайцева? Показ экстремальной моды? – Яким чуть насмешливо, сверху вниз, заглянул на его горб.

– Да, да, Словозайцев, – смущенно ответил горбун, получая ключ, расточаясь в глубине коридора.

Есаул все это время из-за плотной шторы наблюдал прибытие гостей. Он нервничал, его раздражали помпезные мужчины и женщины, явившиеся на корабль праздновать – не столько счастливую свадьбу, сколько восхождение Куприянова, его неизбежную победу. Многие из гостей еще недавно боготворили Есаула, искали встречи, пользовались благодеяниями, славословили на всех углах. Но в миг, когда изменилась погода, и подули студеные ветры, вероломно от него отвернулись. Эта ветреная, эфемерная публика, изнеженная и развратная, именовалась «элитой», была правящим классом, разорявшим страну. Вызывала у Есаула глубинную ненависть, потаенное презрение, чуткую осторожность. Ибо из вороха драгоценных шелков, блеска бриллиантов, легкомысленного и веселого лепета в любой миг могла протянуться рука с пистолетом.

Есаул смотрел, как подкатывают автомобили и на борт теплохода следует нескончаемая вереница. Прибывали именитые актеры, забавные смехачи, расфранченные писатели, экзотические стилисты. Уже прошествовала черная шляпа, принадлежащая долговязому фату, вылитому артисту Боярскому. На чьем-то лице проплыли хохочущие усы Михалкова. На чьей-то

голове проблистала сальная лысинка Жванецкого. Кинозвезды и телеведущие, воротили шоу-бизнеса и пиар-агентств – все они были похожи на разноцветную легкую пену, шелестящую над кружкой пива. Рождали у Есаула отторжение, как прекрасный ядовитый цветок, насыщенный тлетворными соками.

Из-за темных деревьев взошла луна, вначале оранжевая и туманная, затем все белее и ярче, наливаясь млечным блеском, зеркальным свечением. Огромно и чисто пылала над теплоходом, отражаясь в заливе.

По золотой бахrome, пересекая ее тенями, скользили лодки, яхты, буксиры, вытягивая по воде дрожащие золотые нити.

Есаул встрепнулся, увидев, как подкатывает скромный, с зачехленными окнами, микроавтобус. Сразу несколько членов экипажа, мелькая под фонарями белыми сюртуками, кинулись к автобусу, отворяя задние двери. Через минуту от автобуса отделились носилки, подхваченные четырьмя молодцами. На носилках высилась кибитка без окон, в каких по улицам средневекового города странствовали прекрасные дамы, отправляясь на тайные порочные встречи. Бегом, в сопровождении нескольких членов команды, кибитку внесли на трап. Направили в самый отдаленный отсек корабля, в глухую, за железной дверью, каюту, перед которой была выставлена стража. Есаул впервые облегченно вздохнул и заметил, как прекрасна луна.

Оставались последние минуты перед отплытием, когда на пристань выскользнул торжественный кортеж – мотоциклы, лиловые вспышки, шумные вихри машин. То прибыли Святейший Патриарх Пий 45-й и мэр Москвы Юрий Долгоухий. В тяжелых золотых ризах, окутанный сладкими фимиамами, запалив высокие свечи, из автомобилей выплыл клир, начиная богослужение. Патриарх, поддерживаемый под локти, белобородый и немощный, в золотой митре, воздел руки, облаченные в золотые рукава, напоминая птицу, тщетно желавшую взлететь. Знакомый пастве дребезжащий, блеющий голос затянул псалом, обращая его к ковчегу, который, казалось, очнулся, ожил, одухотворился. На палубы из кают выходили набожные пассажиры, держа в руках запаленные свечи. Мэр Юрий Долгоухий стянул замшевое кепи, и его смуглые кудри рассыпались за спиной, придавая сходство с благородным рыцарем.

– Отправляясь в странствие по водам и потокам днесь, являя народу Израиля рекохом благолепие и стяжание алкающих, снизошел чадам градов сих и поселений, в назидание братии и восшедши, аки дочь низподаху, благословляю ковчег сей и немощных человеколюбце, аще на поприще благоволения и произрастание злаков и кормящих во утробу сию... – восклицал Пий 45-й, жалобно и слезно взирая на ковчег, где ему вторили нестройные голоса верующих и молящихся.

Свечи теплились золотыми огнями. Луиза Кипчак набожно крестилась, капая чистым воском на свою босую, чуть прикрытую бальным платьем ногу с сиреневым педикюром.

– Сочетаемые браком нераздельным, яко светила негасимые царствия опричь, благолепие чертогу и плодов земных, яко виноградников и во оскудение благодати, опричь ниспадаху и отрекоху, преумножая лета и во избавление и продление роду сего, всякого писанного и неписанного, в благодарение и снискание едиnorodных сих... – голосом, дрожащим, как хрусталь во время землетрясения, возглашал Патриарх.

Корабль, как огромный аналой, был дивен и великолепен под полной луной. Куприянов, в галстук на голом теле, крестился левой рукой, кладя знамение снизу вверх, слева направо, как учил его выкрест-священник, окормлявший кабинет министров.

– От града первопрестольной Москвы, чадам и святотатцам, опричь немощных и увечных, донельзя воинов и благодравных, дабы по водам и потокам в достижение столиц северных и богобоязнен, донельзя и сподвижникам сих человеколюбце... – возглашал Патриарх.

Служки поднесли Патриарху чашу святой воды и кропило. Тот немощной рукой посылал сверкающие под фонарями брызги в сторону корабля, благословляя ковчег и всех странству-

ющих на нем. Оператор Шмультрихтер, приклеив свечку к поручню палубы, ловил в окуляр патриаршьи ризы, облизываясь красным собачьим языком.

Луна отекала медом, вязкая медовая полоса пролегла по заливу. Медлительные лодки и яхты пересекали ее, вытягивая золотой клейкий след. Так оса, попадая в медовую сладость, неохотно ее покидает, оставляя за собой золотистую тягучую струйку.

Мэр Юрий Долгоухий, отбросив назад романтические темные кудри, воскликнул:

– Счастливого плавания, дорогие москвичи. Передайте моей незабвенной коллеге, мэру Санкт-Петербурга Валентине Воспален ко-Оскуден ко привет и послание, которое прошу вскрыть по прибытии в город на Неве, – с этими словами мэр протянул на борт конверт, скрепленный сургучными печатями, на которых был оттиснут герб Москвы – азербайджанский шашлык на шампуре высотой с Останкинскую телебашню – работа скульптора Церетели.

И тут случилось знамение. Луна вдруг окуталась пепельной дымкой, словно ее занавесили серым прозрачным батистом. Свет убавился, исчез медовый блеск. Потускнев, луна стала отсвечивать красной медью. След на воде из сусально-золотого превратился в грязно-желтый, какой бывает на обветренной, содранной с кровли латуни. Муть, летела к луне. Это было облако несметных тварей, летучих насекомых, гонимых ветром через моря и горы из песков африканской пустыни. Мириады существ с прозрачными крыльцами окутали луну, помещая ее в туманное облако. Каждая невесомая тварь действовала, как кристаллик стекла, преломляла свет в прозрачных крыльцах и стекловидных чешуйках. Желтую луну окружили зеленые и алые кольца, голубые и оранжевые оболочки. Лунный круг превратился в черный квадрат, по углам которого полыхали изумрудные и багровые вспышки. Рядом с квадратной луной образовались лазурный полумесяц, фиолетовое треугольное светило, шестиконечный спектральный крест. На заливе в багровом отражении струились черные змеи, словно плыли в кровавой реке. Черный квадрат набряк кровью. В его рубиновой глубине стали проявляться силуэты, как в театре теней. Вместо привычной библейской сцены, в которой Каин убивает Авеля, возник Грозный царь, убивающий сына Ивана. Его сменил царь Петр Первый, убивающий сына Алексея. Была явлена сцена, где Иосиф Сталин убивает сына Якова.

Люди на пристани с ужасом взирали на злое светило, являвшее сцены детоубийства, сулившее беды и пролитие крови. Гости теплохода немо запрокинули головы, глядя, как из луны в залив капает кровь, и от каждой капли расходятся багровые круги.

Облако слюдянистых тварей, прилетевших из африканских пустынь, пронеслось дальше, оставляя луну. Видение исчезало, ночное светило вновь наполнилось серебряной девственностью, медовым блеском, отражалось в заливе золотой бахромой.

– Тьма египетская, – пролепетал Патриарх Пий 45-й. – Знак Божий, ниспосланный Моисею в исходе иудейском, яко тварей творящий и рабов очищающий, донельзя бысть.

– Приказал же моим педерастам, – досадовал мэр Юрий Долгоухий. – «Поднимите самолеты, разгоните облака». Так нет же, суки, пропьянствовали.

Есаул, бледный и истовый, смотрел в небеса, пославшие ему загадочный, укрепляющий знак.

Глава шестая

В недрах корабля мягко зарокотало. Бархатно задышало железо палуб. Машина теплохода плавно отвалила от пристани, оставляя на берегу кортежи, слуг, охрану, благословляющего Патриарха, машущего исступленно мэра.

Два оркестра страстно и пылко взыграли, знаменуя отплытие. На носу бушевал новоорлеанский диксиленд – десяток негров в красных жилетках. Дули, сияли медью, выпучивали фарфоровые белки, раскрывали красные рты, оглашали залив музыкой Миссисипи. Случившийся рядом прокурор Грустинов не удержался, заколыхал тучным телом, задвигал локтями, как если бы тер себе спину махровым полотенцем. Здоровенный негр, выворачивая красные губы, игриво ему подмигнул, намекая на возможность близких отношений.

На корме играл струнный одесский джаз – в фиолетовых куртках, галстуках-бабочках, чернявые, глазастые, очаровательно-порочные музыканты. Взмахивали смычками, рвали струны, картинно изгибались, встряхивали кудрями. Губернатор Русак, услышав музыку милых сердцу местечек, не удержался и стал отплясывать «семь-сорок».

На воде разгорался праздник. По всему заливу из темных глянцевого вод вырывались салюты, взмывали огненные вихри, полыхали сгустки пламени. Продернутые под водой огненные жгуты взмывали фонтанами света, описывали вензеля, рисовали виньетки. На темной поверхности алмазной нитью загорелась вышивка – два имени: «Луиза» и «Франц», и рядом – рубиновое, всплывшее из глубин сердце.

– Франтик, это чудо какое-то! – обнимала суженого Луиза Кипчак. – Давай скорей прыгнем в воду. Наш домовый хочет поплавать среди такой красоты! – Франц Малютка начал было раздеваться, но потом опомнился, завороченно смотрел на пламенные письма.

Провожая теплоход, плыли яхты, моторные лодки, веселые кораблики, все в гирляндах, в цветных лампадах, как светящиеся алтари, плавающие часовни. Куприянов самодовольно улыбался, кланялся проплывавшим яхтам, послал воздушный поцелуй какой-то женщине, махавшей ему цветами.

На палубах слуги с подносов раздавали бокалы, в которых металась искра салюта. Казалось, вино было почерпнуто прямо за бортом, из рубиново-алых волн, из золотистых разливов, из шипящих огненных брызг.

Над заливом появились дельтапланы. Перепончатые драконы попадали в лучи прожекторов, вспыхивали орнаментом своих отточенных крыльев, как восхитительные исчадия ада. Пилоты в блестящих трико разбрасывали над водой термитные шарики. Мерцающие корпускулы, ударяясь о воду, превращались в кипящие кометы, ныряли в глубину, просвечивая полыханием. Казалось, в заливе отражается северное сияние, а в воде мечется огромный электрический скат, рассылая туманные молнии, розовые и зеленоватые отсветы.

Корабль проплывал под мостом. Автомобили брызгали аметистовыми фарами, посылали сигналы восторженных приветствий. Мост был украшен гирляндами, усыпан самоцветами, походил на великолепную радуго, пропускавшую корабль в волшебную страну. Был вратами в рай. На вершине моста горело пульсирующее алое сердце, из которого сыпались в воду парашютисты, похожие на купидонов. Проносились над палубами, осыпая пассажиров конфетти, серпантинами, блестками, бросая пригоршни конфет и золоченых орехов.

За мостом открывалась просторная большая вода, по которой теплоход плыл на золотых отражениях. В темноте возникали сияющие буруны, стеклянные вздутья. Лопались, словно прозрачные кувшины, и из них появлялись русалки. Их было множество, целая стая, явившаяся из теплых морей в прохладные подмосковные воды. Ныряли, резвились, взлетали в разноцветных фонтанах. Перевертывались и уходили в глубь, мелькая раздвоенными хвостами.

Плыли наперегонки, вырывая из воды белые руки, сгибая в локтях, как стремительные пловчихи, а потом исчезали, оставляя на поверхности серебряные круги, словно плеснувшие рыбы.

Среди русалок были блондинки с утонченными славянскими лицами и васильковыми глазами. Были чернокудрые смуглянки галльского или испанского типа, страстные, нетерпеливые. Были смуглые, с фиолетовым отливом мулатки, томные и ленивые, чьи волосы, переплетенные кувшинками, стеклянно прилипали к плечам. Были страстные негритянки с длинными козьими грудями и фиолетовыми сосками – их мокрые волосы были заплетены множеством блестящих косичек с раковинами и жемчужинами. Были монголоидные красавицы с луновидными лицами и узкими смеющимися глазами, чьи белые шеи украшали стеклянные бусы и костяные амулеты. Казалось, над их прическами работали в дорогих салонах красоты – завитые или распущенные, уложенные или схваченные в пучки, их волосы были ярко-зеленые, нежно-голубые, медно-алые. Русалки то и дело пленительным жестом перебрасывали их на спину. Грациозно ныряли, обнажая изумительные полукруглые ягодицы, из которых возникал упругий чешуйчатый хвост, утончался, змеино извивался, переходя в глянцевитый двулистник.

– Боже, посмотри чем они занимаются! – Спикер Грязнов схватил за локоть рассеянного и восторженного министра экономического развития Круцефикса. – Да ведь они лесбиянки!

И впрямь резвящиеся водяные создания, ведущие свой род от пленительной Сафо, сплетались в гибкие сладострастные узлы. Одна из них, родом из Карибского моря, перевернулась на спину, вздымая смуглые груди, напоминавшие экзотические плоды, томно плескала хвостом, открывая выпуклый, стеклянно блестящий живот. Другие извивались вокруг, ласкали легкими касаниями, целовали соски, оглаживали кувшинообразные бедра, погружая персты в густой, как водоросль, лобок, переливавшийся слюдяными блесками.

Другая наяда, беловолосая, чьи предки обитали в устье Даугавы, лежала на воде грудью вниз, выгибая гибкую спину, на которой ложбинка отливала изумрудной водой. Ее круглые, дивной красоты ягодицы были источником наслаждения для других наяд, что разгонялись в воде, взмывали, как летучие рыбы, проносились над подругой, целуя ее на лету, касаясь в полете ее прелестей, осыпая ворохом ярких брызг. Вода сверкала, кипела серебром, словно нерестилище с множеством сильных, страстных рыбин.

Третья русалка, с верховий Нигера, держала над водой глазастую голову, иногда выхватывая гибкую руку с браслетом из слоновой кости. Вода под ней волновалась, ходила ходунном от вьющихся ненасытных тел. Мелькали на мгновенья хвосты, возникали обезумевшие от наслаждений прекрасные лица. Волны от подводных совокуплений широко расходились, переливаясь, словно павлинье перо.

Тонкие вскрики, сладкие вздохи, пронзительные вопли неслись к кораблю. Оба оркестра, на носу и на корме, аранжировали эти сладострастные песнопения, создавая бесчисленные импровизации на тему русалочьей любви. Несколько манекенщиц из гарема Словозайцева принялись, было, высовывать чувственные язычки, шаловливо расстегивать бретельки платьев. Однако евнух в турецком халате, приставленный наблюдать за красотками, строго погрозил им нагайкой.

– Господа, кто желает принять участие в охоте на русалок? – возгласил в громкоговоритель капитан Яким, приглашая гостей перейти на верхнюю палубу, где у борта стояла гарпунная пушка. Вместо разящего острия в нее была заряжена сеть, упакованная в плотный ком.

Когда охочие до потехи гости собрались на палубе, Яким приник к пушке, направил ее на плывущую в отдалении русалку и выстрелил. Стремительный комок полетел, освещенный прожектором. Упал на воду, не попадая в русалку, раскрываясь шатром. Сеть сжалась, охватывая пустоту, на шелковой веревке потянулась обратно к теплоходу, оставляя искрящийся след. Русалка, увильнувшая от выстрела, сначала испуганно нырнула, а потом появилась над водой, с любопытством рассматривая уплывавшую сеть. Ее миловидное славянское личико с накрашенными губками и выщипанными бровями выражало неподдельный интерес.

– Дайте мне, – потребовал у Якима Куприянов, перенимая пушку. Приник к прицелу, направляя ствол на проплывавшую невдалеке китайку, – ее маленькие ладные грудки трепетали над волнами, изящные руки сверкающими кругами двигались в воде, а хвост оставлял ртутный бурун, от которого убегали две небольшие крепкие ягодицы. Выстрел ахнул, как хлоп-пушка. С красными искрами полетел комок сети, плюхнул рядом с русалкой, едва ее не накрыв. Китайка ушла в глубину, поднырнув под опасную снасть. Выскользнула в стороне, как нерпа, блестя лицом, стряхивая с бровей капли.

– А ну-ка, я попробую. – Министр обороны Дезодорантов молодцевато прохромал к гарпунной пушке. Откинул стек. Освободился от мешавшего монокля. Прижал воспаленный глаз к прицелу, наведя орудие на проплывавшую цель, – медлительная немолодая красавица плавно двигалась, выставив полную грудь, похожая на императрицу Анну Иоанновну в декольте. И впрямь, на ее высокой прическе красовалась небольшая алмазная корона. Раздался выстрел. Сеть перелетела русалку, распустилась в воде широким пологом, а потом быстро сжалась в том месте, где только что находилась матрона. Видавшая виды русалка продолжала спокойно плыть, помахав Дезодорантову пухлой ручкой, на которой виднелся золотой браслет от часов. Посмотрела на крохотный, окруженный бриллиантами циферблат, спохватилась, словно куда-то опаздывала, и ушла в глубину, показав незадачливому стрелку великолепный зад, похожий на две пышные округлые подушки.

– Дайте же мне! – Американский посол Киришбоу схватился за пушку, выцеливая плескавших в волнах русалок, переводя ствол с одной на другую, будто не мог выбрать одну-единственную среди белокожих, смуглоликих, темногрудых красавиц, резвившихся в пределах выстрела.

Есаул стоял у поручня рядом с председателем Промышленного союза Добровольским, наблюдая увлекательную охоту. Старческое горбоносое лицо масона пламенело молодым румянцем. Узкие панталоны взбухли там, где находились пересаженные семенники орангутанга. Из-под медно-рыжего парика сочился пот, ибо находящийся в резиновой оболочке лед растаял и больше не охлаждал воспаленный мозг, в котором предельно возбудился эротический центр, заставляя Добровольского тереться животом о поручень. Есаул пытался выведать у старого селадона настроения олигархов в связи с возможной победой Куприянова. Однако пожилой сластолюбец был так захвачен зрелищем молодых женских тел, так стремился в темные, с переливами волны, где плескались красавицы, что Есаул боялся, как бы тот не опрокинулся за борт.

– В прошлом году Абрамович предоставил мне свою средиземноморскую яхту, и я целую неделю плавал между Критом и Кипром, там, где когда-то была Атлантида. Мои молодые спутники ныряли в аквалангах, надеясь отыскать на дне затонувшую амфору или осколок коринфской капители. А я, грешным делом, забавлялся с русалками, которых мне на борт поставляли греки-киприоты. Я вообще, надо сказать, люблю рыбную кухню и знаю толк в дарах моря. – Добровольский с завистью следил за послом, который в оптический прицел мог разглядеть каждую чешуйку на зеленоватом хвосте русалки, каждый стеклянный волосок на ее плотном лобке, каждое золотое колечко в розовой мочке уха, чудесные углубления подмышек, выбритых наголо отточенной кромкой раковины. – Знаете, мой друг, русалка в постели требует особого обхождения. Во-первых, ее нужно поставить в особую позу, чтобы не мешал хвост и вы, в конце концов, не оконфузились. Во-вторых, она сначала покажется вам холодноватой, и ее следует разогреть, по крайней мере, до комнатной температуры. Она немножко пахнет тинной, но если вы любите морскую капусту, то этот запах покажется вам привлекательным. Попробуйте придать ей такую позицию, чтобы она стала похожа на греческую вазу, и тогда вы сможете опустить в нее свой букет. Но бойтесь оказаться не на высоте. Если вы будете не в форме и дадите слабинку, она может раззадориться и защекотать вас до смерти. Многие моряки Древней

Эллады поплатились жизнью, переоценив свои мужские возможности. Их находили на палубе полузатонувших кораблей, в чешуе, с ужасными засосами в области паха.

Между тем посол Киршбоу выбрал среди множества плещущих целей одну, что была ближе прочих. Молодая златокудрая русалка подплыла к кораблю и с любопытством разглядывала столпившихся на палубе гостей. Она чувствовала, что нравится, что ею любят. Шаловливо выскальзывала из воды, обнажая молодые чудные груди, поддерживая их ладонями, так что восхитительно заострялись розовые соски. Нырjala, играя ягодицами, шлепая по ним узкими ладонями. Вновь выскакивала в фонтане брызг, с хохотом, сверкая жемчужными зубами. Киршбоу выбрал момент, когда шалунья подплыла совсем близко. Раздался выстрел. Из жерла вырвался стремительный ком, накрыл русалку сетью. Сжался, охватывая ячеей, помещая добычу в тесный кошель. Русалка не испугалась, принимая случившееся за продолжение веселой игры. Плескалась в сети, просовывала сквозь ячейу прелестные пальчики с маникюром, грозя удачливому стрелку, который самодовольно распрямился. Улыбался, принимая поздравления.

Кошель с русалкой подтягивали на тросе к кораблю, поднимали на лебедке. Наяда мягко извивалась в воздухе, озаряемая прожектором, отекала серебристыми ручьями, осыпалась стеклянной капелью.

– Ах, ты, моя рыбка! – с нежностью воскликнул Добровольский, когда сеть с русалкой проплывала над его головой. Брызги падали ему на лицо, он жадно ловил их губами. Протянул к морскому диву свою склеротическую старческую руку, тронул сквозь сеть нежную грудь с целомудренным соском, на котором переливался бриллиантик пирсинга.

Русалку бережно опустили сквозь люк на нижнюю палубу, где ее должны были выпутать из сети и выпустить, как того требовала экологическая хартия, обратно в водную стихию.

– Да, так о чем мы говорили? – повернулся к Есаулу Добровольский, доставая батистовый платок и стряхивая с лица оставленные русалкой брызги. – Об этой странной особенности русских мыслить себя «мессианским народом». Об этой навязчивой идефикс, согласно которой русские считают свою историю «особым путем». Об этой вечной «исторической альтернативе», которая противопоставляет Россию всему остальному миру, искривляя нормальный ход времен, вставляя палки в колеса истории, отвлекая человечество от вселенской работы по объединению всех людей, по созданию единого, организованного человечества, управляемого единым просвещенным разумом...

Ни о чем подобном Есаул не разговаривал с Добровольским, но этот неожиданный поворот беседы показался Есаулу неслучайным. Хитроумный масон ничего не говорил и не делал случайно. Вот и теперь начало беседы сулило откровение, объяснявшее Есаулу скрытые пружины случившихся ужасных перемен.

– Мир всегда взирал на Россию как на огромного урода, зародившегося к востоку от просвещенной Европы, разраставшегося, словно гигантская опухоль, и заполонившего, в конце концов, континент между трех океанов. Просвещенная Европа думала, как обезвредить урод, как умертвить его в этой гигантской матке между Карпатами и Хинганом, как вернуть русских в семью народов. Европа посылала в Россию своих посланцев, которые проникали в княжеские терема и царские дворцы, входили в доверие к русским правителям, пытаясь изменить уродливый вывих истории. Большинство из этих замечательных, просвещенных людей осталось неведомо, лишь некоторые запечатлели себя во времени, ибо так пожелало тайное общество, к которому они принадлежали. Вся русская политика – это борьба тайных обществ, окружавших царский престол, с упорным безумием русских вождей, возвращавших Россию на «особый путь». Россия – это внematочная беременность мира, оплодотворенного сбесившимся, прилетевшим из Космоса сперматозоидом...

Есаул вслушивался в произносимые фразы, стараясь угадать заключенный в них тайный смысл. По палубе, где они стояли, двигались гуляющие пассажиры, наслаждаясь теп-

лотой чудесной бархатной ночи с уплывавшим заревом Москвы. К ним приближался посол Киришбоу, триумфатор, меткий стрелок, поймавший в ловчую сеть прелестную наяду. Вышагивал небрежной походкой баловня, которому нет равных. Приблизился, рассмотрел в сумерках носатое лицо Добровольского, его медно-красный парик. Изменил осанку. Вытянулся, как вытягивается солдат при виде офицера. Ноги его утратили вальяжную небрежность. Он сжал пятки, раздвинул носки, сделал несколько шагов, изображая пингвина. И Есаул тот час угадал в нем масона, посылавшего сокровенному брату опознавательный знак. Добровольский едва заметно кивнул, давая понять, что по тайному жесту брат опознан.

– Князь Курбский был послан к Ивану Четвертому в надежде образумить молодого царя, превратить из азиатского чудовища в просвещенного европейского монарха. Князь и его «тайные братья» преуспели во многом. Англичане, итальянцы, поляки были приняты при дворе. Музицировали, писали картины, возводили терема и дворцы. Однако демон русской истории возобладал. Курбский бежал в Литву, «братья» были схвачены опричниками и замучены до смерти в Александровской слободе – до сих пор над их могилами летают красные бабочки цвета кардинальской мантии. Началась великая смута, во время которой Россия вновь обрела черты чудовища, уповающего на «собственный путь». Храм Василия Блаженного – гигантское чучело, каменный скоморох, цветастый дракон «русского мессианства»...

По палубе приближался Куприянов. Его фигура породистого аристократа мелькала в свете окон. Он чему-то туманно улыбался, мечтательно щурился, как пресыщенный кот, заглядывая через поручень на темные маслянистые струи. Увидел Добровольского, преобразился. Вытянул руки по швам, склонил почтительно голову. Сделал ногами «пингвина» и прошлепал мимо, через несколько шагов возвращая себе поступь властелина. Добровольский лишь двинул бровью, откликаясь на знак.

Есаул вдруг прозрел – теплоход наводнен членами тайной ложи. Перед ним в красном парике стоит магистр. И если быть наблюдательным, то по жестам, походке и мимике можно выявить членов ложи, участников тайного заговора, направленного против России.

– Патриарх Никон внимал кружку просвещенных людей, приехавших к нему из Европы. Они убедили его исправить православные книги, чтобы Россия стала частью мирового христианства. Не отторгала себя во имя особой «богоизбранности», согласно которой Христос якобы выбрал ее как место Второго Пришествия. Никон внимал «тайным братьям». Но потом мессианство одолело, и «братья» были, кто изгнан, кто умерщвлен. Патриарх стал бредить скорым Пришествием, построил под Москвой Новый Иерусалим, куда молитвами зывал Христа. Все кончилось крахом. Запылали костры старообрядцев. Патриарх был развенчан. Россию поразил ужасный раскол. Ново-Иерусалимский монастырь в своей гордыни и фанаберии являет образ безумной архитектуры, предназначенной для безумного замысла. В окрестностях Истры есть безвестные могилы замученных «братьев», на которых в солнечные дни появляются пятнистые красно-зеленые саламандры...

Вдоль поручня палубы шествовал губернатор Русак, топорщил редкие собачьи усы, думал о чем-то легкомысленном и приятном. Увидел Добровольского, замер. Поднял правую руку ладонью вперед, словно клялся на библии. Скрестил большой и средний пальцы и мягко, на цыпочках, проследовал мимо, так и не успев изобразить Чарли Чаплина. Добровольский повторил крест, сплетя неловкие склеротические персты.

– Петр Первый разрывался между европейским клавесином и русской дыбой. Просвещенные «братья» учили его быть «человеком мира», звали в клуб европейских монархов, в «восьмерку» просвещенной Европы. Он внимал, учился европейским манерам, путешествовал по столицам мира, но, вернувшись в Россию, самобытно и богоносно рубил стрельцам головы, сам их кидал на плаху. После Полтавской победы славил пленных шведских генералов, среди которых было много «друзей просвещения», обнимал, называл их «братьями», наливал шампанское. Но потом велел заковать в кандалы и отправить в Сибирь. Он с обожанием относился

к Лефорту, одному из «братьев», и вновь возвращался под влияние лукавого Алексашки Меншикова, внушавшего царю мысль о «неповторимом русском величии». Царь то пытал староевров, требуя отречения от «русской идеи», то живьем закапывал «братьев» на невских болотах. По сей день на этих безвестных могилах в осенние ночи загораются огоньки болотного газа.

По палубе двигался Франц Малютка. Есаул смотрел на угольного магната, чьими деньгами питалась избирательная компания Куприянова. Ожидал, что его большие стопы сложатся углом, и он проковыляет мимо, как стреноженный медведь. Но Малютка не содеял ничего необычного со своими ногами и пальцами. Протопал, едва втиснувшись между стеной и Добровольским, в котором видел не посвященного магистра, а лишь влиятельного крючкотворца, управлявшего олигархами. Есаул испытал к нему внезапную теплоту, беспричинную благодарность, какую испытывают к утесу за то, что тот не падает на голову.

– Александр Первый стоял на пороге Европы. Россия заговорила вдруг по-французски. Повсюду расцветал парижский амбир. «Тайные братья» наводнили Зимний дворец. Великий Сперанский писал царю Конституцию. Просвещенный Магницкий учил молодежь братству, свободе и равенству. Наполеон называл Александра «братом». Все испортили Кутузов и «русская партия» при дворе. Посланцы Европы были, кто убит, кто сослан в Сибирь, а царь, желавший походить на Юлия Цезаря, постригся в монахи. Стал каким-то дремучим Кузмичом, молился намалеванной русской доске. В его землянке сегодня живет барсук, а на могиле Сперанского раз в десять лет вырастает лиловая орхидея...

На палубе колыхалась Толстова-Кац, переполненная влагой, в сырых одеждах, огромная, волнообразная, как медуза. Увидев Добровольского, старая колдунья пригласила височки, заюлила тучными бедрами. Ее чувяки сошлись в пятках и раздвинулись в носах, и она, как пингвин на ластах, пропыхла мимо, наградив Добровольского очаровательной улыбкой. Он же чуть хлопнул ее по ягодицам, сложив при этом пальцы крестом.

– Николай Первый повесил семерых «тайных братьев», полагая, что удержит Россию в рамках «православия, самодержавия и народности», – пресловутая триада неповторимой русской дикости. Однако другие «тайные братья» продолжили сокровенное дело. Уже не проповедью гуманных идей, а бомбами разрушали «святую триаду», направленными взрывами возвращали Россию в мир. Николай Второй был отлучен Шульгиным и Гучковым, которых послала в Псков «тайная ложа», насчитывающая шестьсот человек. В ней были министры, депутаты Государственной думы, профессора, генералы, члены августейшего семейства и даже иерархи церкви. Лишь неистовый Иоанн Кронштадский пытался противодействовать «братьям». За что его кости, как и кости последнего царя, будут вырывать и закапывать, подвергать экспертизе и выставлять на обозрение толпы, покуда они ни превратятся в костную муку и из них ни сварят дегтярное мыло. На могилах же Шульгина и Гучкова весной поют соловьи...

В свете окон, о чем-то испуганно переговариваясь, приближались прокурор Грустинов и спикер Грязнов. Есаул мучительно следил за их приближением, страхась разочароваться в соратниках, обнаружить в них «тайных братьев», коварных соглядатаев, перевербованных отвратительным старцем, от которого разило потом похотливого орангутанга и тлетворной могильной плесенью. Есаул, едва сдерживая пробежавшую в скулах судорогу, смотрел на соратников. Но те, поравнявшись, лишь неловко посторонились, не насилуя своих ног, не подавая скрытых масонских сигналов.

– Большевики сплошь состояли из «братьев». Троцкий, Зиновьев и Радек почти вовлекли доверчивого и хворого Ленина в «тайную ложу», подчинили своему влиянию. Их «идея мировой революции» состояла в том, что Россия, с ее упорной дремучей самобытностью, должна быть израсходована в «великом походе». Сознательным «певцам самобытности» – дворянам, священникам, профессорам и художникам расшибали их заблудшие патриотические головы. Бессознательную массу народа одевали в военную форму и миллионами гнали в Европу на пулеметы и штурм европейских столиц. На полях революционных сражений, под Варшавой,

Парижем, Берлином, должна была улечься «русская идея». Мавзолей в своей вавилонской архитектуре изображает «призму познания», где усопшее тело «брата» транслируется через тысячелетия будущим поколениям. Все карты спутал Иосиф Сталин. Он уничтожил «братьев», пытая их огнем и железом в подвалах Лубянки. Выбил «интернационалистов» в партии и вновь вернул России мессианскую идею неповторимой Красной империи, противопоставив ее остальному миру. Руины рейхстага в сорок пятом году – неудача, постигшая «тайных братьев». Университет на Ленинских горах – символ сталинского «особого пути». Тела расстрелянных Зиновьева, Бухарина, Каменева, Радека были похищены «братьями» из безымянных могил на чекистских кладбищах и тайно свезены на озерный остров рядом с монастырской обителью, мимо которой мы будем проплывать. Туда же из Мексики был тайно доставлен прах Троцкого. В этой «братской могиле» они покоятся под другими именами и фамилиями. К могиле «пяти братьев» каждый год под видом богомольцев стекаются их тайные единомышленники и служат поминальную мессу. В огромном факеле, который возжигается ночью, звучит голос Мирового Демиурга, передающего людям свои заветы...

Их отвлекло костяное постукивание. Это приближался министр обороны Дезодорантов, опираясь на трость, дергая изувеченным телом. Есаул пристально следил, не сплетет ли министр свои лимфатические пальцы в нелепый узел, не перекрестится ли слева направо масонским крестом, не вывернет ли уродливо ноги, уподобляясь еврейскому комику. Но ничего подобного не случилось. Поравнявшись, Дезодорантов, изображая дурковатого, шелкнул каблуками, отдал честь, приложив ладонь к непокрытой голове. У Есаула отлегло от сердца. Министр оставался верным товарищем. Масонский заговор его не коснулся.

– Юрий Андропов был тем человеком, кто помог отыскать на чекистских кладбищах безымянные могилы «пяти братьев». Перевез их прах на озерный остров и первый в осеннюю ночь отслужил поминальную мессу. Из огненного факела Мировой Демиург благословил его на великое деяние, имя которому «перестройка» – перестройка ветхой «русской идеи» в идеологию «общечеловеческих ценностей». Юрий Владимирович проделал огромную работу. Он наводнил «братьями» органы КГБ, правительство, Госплан, армию, газеты, внешнюю торговлю. Его стараниями были вытеснены из партии сторонники Сталина, и подверглась осмеянию доктрина «суверенной России». Многих «братьев», арестованных КГБ за проповедь свободы, братства и равенства, он не расстрелял, не заточил в лагерях, а выслал за границу, где они прошли курс оздоровления, чтобы позже снова вернуться в Россию. Андропов слишком рано ушел в созвездие Рака, но успел оставить нам на земле своих последователей – Горбачева и Ельцина, которые вместе в 1988 году побывали на могиле «пяти братьев» и совершили тайную мессу. Заметьте, в день рождения Юрия Андропова на Лубянской площади, на Соловецком камне появляется множество желтых божьих коровок – знак благоволения Мирового Демиурга...

Есаул отступил в тень, ибо заметил, как вдоль палубы ступает министр экономического развития Круцефикс. Тайным вероломством веяло от Круцефикса – от его бородки, истерических телефонных звонков. Есаулу стало известно, что он ищет с Куприяновым встречи, переводит за границу активы своего тайного бизнеса. Все внушало недоверие, все сулило измену. И вправду, едва Круцефикс приблизился, вдруг подобострастно поклонился Добровольскому, скорчил гримасу, отчего на его лице образовалась свастика, сначала правосторонняя, а потом – с левым вращением. Ноги сложились «ижицей», и он неловко пропрыгал мимо, как спеленатый кузнечик, так и не заметив Есаула.

– Горбачев преуспел в деле возвращения России в лоно всемирной истории. Он отдернул «железный занавес», разрушил Берлинскую стену. Реабилитировал многих из расстрелянных Сталиным «братьев». Вернул сателлитов «красной империи» в объятия благодарной Европы, вывел оттуда войска советской империи, а в Россию ввел множество организаций и фондов, в недрах которых удобно устроились наши «тайные братья». Однако силы реванша,

духи «суверенной России», адепты «уникального русского пути» организовали путч. Провозгласили ГКЧП, едва не погубивший всю многотрудную работу «братьев». Благо, среди ГКЧП находился внедренный «брат». Крючков сорвал опасный замысел, выдал гэкачепистов в руки Ельцина. Однако Горбачеву, зазевавшемуся в Форосе, пришлось уйти в тень, довольствоваться ролью отставного магистра. Ему оставалось играть на флейте под аккомпанемент Раисы Максимовны, которая изумительно музицировала на арфе, исполняя сонеты Нострадамуса на музыку Калиостро. Знаете ли вы, что на могиле Раисы Максимовны время от времени выступают «розовые слезы любви»?

Приближался Попич, маленький, на высоких каблуках. Хохолок на его голове шевелился от речного ветра. Есаул направил беспощадный взор на каблуки, готовые вот-вот сомкнуться. Попич увидел Есаула, гордо вскинул голову, изображая Наполеона при Ватерлоо, прошествовал, едва кивнув обоим. На что Добровольский хмыкнул, оскалив фарфоровые зубы. Есаул так и не понял, является ли Попич предателем.

– Величие Ельцина уже зафиксировано в сакральных книгах всемирного «братства». Он развеял миф о единой и неделимой России, об уникальном континенте Евразии, он обошелся с Россией как с кочаном капусты, отламывая от него один за другим самые сочные листья, раздевая ее, вплоть до твердой несъедобной кочерыжки. При нем множество «братьев» заняли высшие посты в государстве. Гайдар, Чубайс, Немцов – энергичные, самозабвенные, выбивали из России дух старообрядства, дух имперской гордыни, идиотическое самомнение, в котором тысячелетие прозябали смешные ксенофобы и тупоголовые славянофилы. Когда они попытались взять реванш, завладев парламентом, великий Ельцин со словами «Свобода, равенство, братство» направил танки к парламенту. Пылающий в центре Москвы парламент – пример живой архитектуры, дающей приют очистительному огню. Жаль, что Ельцин преждевременно умер, сделав себе пересадку бычьего сердца, отчего во лбу его начали расти рога, остриями внутрь, пронзили мозг и вышли в затылке. На могилу Ельцина в ночь накануне Крещения приходит красный теленок, у которого страусиные ноги, змеиный хвост и крылья летучей мыши. «Вавилонский телец» – так он значится в магической книге, символизируя могущество «братства». Кстати, именно Ельцин ввел в обращение масонский опознавательный знак – мочиться на шасси самолета. Многие VIP-персоны, перед тем как отправиться в полет с государственным визитом, подходят к шасси самолета и справляют на колесо малую нужду...

К ним приближался кутюрье Словозайцев, рассеянный, милый, в шитой золотом иранской жилетке, в русских лаптях и в кожаных галифе с пустой кобурой от «стечкина». Он что-то лепетал, хихикал, не видел беседующих. Приблизился к борту, расстегнул галифе и помочился в канал Москва – Волга игривой светящейся струйкой. Есаул подумал, что вряд ли это был масонский знак, – нигде поблизости не было аэропорта и шасси от «Боинга». Просто непосредственный, похожий на дитя, Словозайцев не стал заходить в каюту и облегчил, где придется, переполненный пузырь.

– Мы долго искали «брата», который мог бы стать достойным преемником Ельцина. Наконец, подобрали. Милый, обаятельный, знаком с Европой, офицер КГБ и страстный поклонник Андропова, хранящий на теле медальон с локоном Юрия Владимировича. Любитель горных лыж и породистых сук. Ненавистник СССР и друг великой Америки. Мы привели к власти Президента Порфирия и наделялись, что он расчленит Россию на десять независимых территорий, уничтожит последний оплот «сверхдержавности» – ядерные ракеты, сольет православие с католичеством, поставит в центре Москвы памятник Папе Павлу Иоанну Второму высотой с Останкинскую телевышку работы Зураба Церетели и переименует Красную площадь в Площадь Равенства, Братства, Свободы. Вначале все шло отлично. Славянофилов не стало видно. Курилы собирались отдать Японии, а Калининград уступить Германии. Но вот появились вы, Василий Федорович. – На этих словах Добровольский умолк и впери в Есаула горящие, окруженные красными веками, яростные глаза.

Стало слышно, как играет на носу новоорлеанский джаз и отплясывает артист Боярский, топоча ботфортами д'Артаньяна. На корме томно заливались одесские скрипки, и юморист Жванецкий подпрыгивал круглым пузиком вперед.

– Но появились вы, Василий Федорович, и скомкали наш план. Вы овладели мыслями и волей Президента Порфирия. Ввергли его в соблазн «великодержавия, православия и народности». Поселили в его нестойкой головке мечту о «Великой русской империи». Опять повсеместно подняли головы славянофилы. Нет дома в России, где бы открыто ни бранили евреев. Вынашиваются планы по строительству новых гиперзвуковых ракет, авианосцев и дальних бомбардировщиков, а Северный Казахстан, Абхазия, Приднестровье объявлены зоной российских интересов. Президент Порфирий стал позволять себе оскорбительные фразы в адрес еврейских журналистов, намекая на их обрезанную крайнюю плоть. Он назвал страны Прибалтики «ненасытными мандавошками», забыв всякую политкорректность. Грозил спровоцировать восстание негров Америки и свергнуть режим расистов. И все это вы, Василий Федорович. Вы – камень преткновения, остановивший наш твердый, размеренный шаг...

Шмульрихтер, уже подшофе, пестрый, как какаду, в красной свитке, зеленом колпачке, клетчатых штанах, прошел мимо, выделявая вензеля, которые никак нельзя было принять за тайные масонские знаки.

– Чтобы остановить катастрофу, мы вынуждены были собрать «ложу» на Мальте, вызвали на нее Президента Порфирия и воздействовали на него всей силой кабалистических методик, месопотамских и халдейских практик, приемами розенкрейцеров и тамплиеров. Мы влили ему в рот из чаши Грааля цитварное семя, действующее как сильное слабительное, отвар чертополоха с могилы висельника, расслабляющий суставы и кости, раствор пустырника на желчи гиены, просветляющий разум, когда в нем загорается черное потустороннее солнце. Мы заставили его проглотить туркменскую гюрзу, чтобы она искусила ему кишечник и яды ее, проникнув в печень, вызвали черное озарение, когда истины дневного света уступают истинам полуночи. Мы положили ему на глаза выкидышей эфиопской макаки, чтобы из глазных яблок истекли мнимые видения красоты и райской гармонии, и возникла хохочущая гримаса ада. Наконец, мы влили ему в уши черный гной истлевающего самоубийцы, чтобы умолкли искусительные райские звуки, и разверзлась истинная в своей космической мощи симфония ада. В итоге мы убедили его отказаться от «третьего президентского срока» и уступить свое место Куприянову, нашему «брату», который продолжит заветное дело...

Есаул чувствовал, как тело его начинает цепенеть, словно подул полярный холод, и они с Добровольским оказались одни на ледовой шапке, под сполохами сияний, среди голубых кристаллов вечной ночи. Старый масон оказался магом, был способен околдовывать, лишать рассудка и воли. Громадным усилием, вбрасывая в леденеющий мозг жаркую кровь из сердца, Есаул боролся с понижением температуры, приводящей к анабиозу.

– Но остаетесь вы, Василий Федорович. Вы с вашей проклятой «русской идеей», чудовищным имперским безумием, сумасшедшей мечтой снова вырвать Россию из лона мира, как была когда-то вырвана из лона Земли Луна. Вы хотите, чтобы Россия одиноко и мертвенно, лишенная атмосферы, в рывинах холодных вулканов, в котлованах засыпанных пылью морей, парила в безвоздушном пространстве? Вы этого хотите, Василий Федорович?

Губы Есаула посинели от лютой стужи. К ребрам примерзали легкие. Мозг превращался в тяжелую глыбу льда.

– Вас приговорили к смерти члены «ложи», и вы бы уже были мертвы, если бы не я. Я помню добро, которое вы сделали для меня. Добились моего назначения на пост председателя Союза промышленников и предпринимателей, хотя отчаянно возражали Чубайс и Потанин. Помирили меня с Дерипаской, когда он оскорбительно упрекнул меня в том, что я злоупотребляю финансами его «Базового элемента». И, наконец, порекомендовали хирурга Акчурина, который сделал мне опасную пересадку семенников, после чего я стал лазать по деревьям,

разгрызать кокосы и ездить в часы пик в метро, чтобы в давке оплодотворить какую-нибудь очередную московскую самочку. Я настоял, чтобы вам сохранили жизнь. Понимаете ли вы, Василий Федорович, в каком положении вы оказались?..

Есаул находился один в ледяном жутком Космосе. На него, одинокого, были направлены силы ада, могущественные духи преисподней, великие мудрецы, творящие мировую историю по тайным заветам и заповедям. Бесчисленные разведки и армии, хитроумные политологи и витии, миллиардные состояния и информационные центры. Против него был Голливуд, вручающий «Оскары» блудницам и педофилам. Диснейленд, превращенный в миниатюрную столицу мира, где московский Кремль из пластмассы соседствует с Эйфелевой башней из пенопласта, с пирамидой Хеопса из пластилина. Он был распят на огромном ледяном кресте, головой вниз, и внизу, сквозь звездную пыль, виднелась земля, русская ночная равнина, слюдяная струйка канала в районе Икши, и на ней – жемчужина теплохода среди золотых отражений.

– У вас есть выбор, Василий Федорович. Или вы отказываетесь от своего реваншистского плана, признаете победу Куприянова и уходите навсегда из политики, куда-нибудь в лесной, богом забытый уголок, где повторите судьбу Меньшикова в Березове. Или вы будете убиты, и на вашу могилу тысячу лет подряд будут сползаться змеи на свои весенние свадьбы. Что выбираете, Василий Федорович?..

Мимо шел капитан теплохода Яким, статный, молодой, с чудесной открытой улыбкой. Его мундир казался серебряным. Его кортик золотился впотьмах. Проходя мимо, он поклонился:

- Не правда ли, чудесный вечер, господа? – и прошел, оставляя запах свежего одеколона.
- Что выбираете, Василий Федорович? – злоеще повторил Добровольский.

Последней стружкой горячей крови Есаул разморозил мозг. Собрал в него всю стойкость, веру и ненависть. Окружил непроницаемой молитвенной защитой сокровенный план, хранимый под сердцем. Потупил глаза, сузил плечи, покорно поклонился Добровольскому:

- Кому не хочется жить? В Березове тоже жизнь. Считайте, что я вас услышал.

Их общение прервал металлический голос, которым капитан Яким извещал гостей теплохода:

– Уважаемые дамы и господа, через пятнадцать минут в музыкальном салоне на верхней палубе состоится церемония вручения подарков!.. Просим всех пожаловать в музыкальный салон!..

Добровольский и Есаул раскланялись и разошлись.

В каютах возбужденные гости примеряли перед зеркалами наряды, вешали на шеи колье, повязывали дорогие галстуки. В то же время на нижней палубе, в закутке, недалеко от кухни, матросы, закатав рукава, били головой о стену русалку. Ее рот был залеплен скотчем, васильковые глаза побелели от боли и ужаса, золотистые волосы слиплись от крови. Дюжие парни раскачивали ее, подхватив под руки, с гулом ударяли о железную стену. У русалки изо рта и из маленьких жабр за ушами брызгала кровь. Оглушенную наяду потащили на кухню, волоча по палубе липкий бессильный хвост. Шмякнули на черный противень, грудью вверх, так что виден был нежный дрожащий сосочек с бриллиантовым пирсингом. Повар в белоснежном колпаке и фартуке взял острый нож. Сделал русалке надрез от пупка до основания лобка. Надавил – в подставленное блюдо жирно, густо потекла красная зернистая икра, переполняя сосуд.

Глава седьмая

В музыкальный салон, сверкающий дорогими породами дерева, в стеклянные двери входили гости. Жених и невеста встречали их у лакированного столика для подарков. Луиза Кипчак была в полупрозрачном аметистовом платье, лучистом, как хризантема. Ее матовые великолепные плечи, едва прикрытая грудь с бриллиантовым колье дышали силой и свежестью, пленяя взоры восхищенных мужчин. Франц Малютка блаженно улыбался, словно до сих пор не мог поверить, что ему досталась эта великолепная женщина, чья голая спина, обнаженные сильные ноги, несравненный живот с дорогим алмазом в пупке не раз украшали страницы гламурных журналов. Он стоял огромный, как истукан, на который натянули костюм дорогого шелка, расставленные ноги обули в остроконечные итальянские туфли, на каменную голову прилепили кудрявый чубчик, а в петлицу вставили пунцовую розу.

Подле них, чуть отступив, приветливо и властно улыбался Куприянов, комильфо, безупречно элегантен, одетый так, словно рекламировал лучшие дома моды, лучшие мужские одеколоны, светские манеры, высокий стиль, на который следует равняться всем, кто причисляет себя к элите и претендует на богатство и власть.

Есаул вместе с соратниками появился в салоне, оказавшись среди толпы, где мужчины и женщины с дорогими футлярами, затейливыми свертками наполнили обширный зал.

Вначале Есаул был окружен оживленными лицами, дорогими туалетами, ароматами тончайших духов и дорогих Табаков. Но постепенно стал чувствовать, что толпа вокруг него редет. Люди, заметив его соседство, начинали отступать, теснились прочь, протискивались в сторону, ближе к Куприянову. Между ним и другими гостями проявлялись отталкивающие силы. Так, под воздействием тока, заряженные частицы перетекают от одного электрода к другому, обнажая и оголяя один, покрывая плотным слоем другой.

Он чувствовал на себе язвительные взгляды, ловил презрительные улыбки, слышал злобные реплики.

– А он плохо выглядит, – заметил тощий, прокуренный господин в черной шляпе артиста Боярского. – Не сравнить с Куприяновым.

– По-моему, ему жмут ботинки, – хихикнул толстячок с лысиной Жванецкого.

– И воротничок, – хохотнул долговязый балагур с усами Михалкова.

– Как приговоренному к повешенью, – громко, чтобы слышал Есаул, произнесла надменная дама, артистка Театра сатиры.

– Да, попил он нашей кровушки. Как только не захлебнулся! – вторила ей увядшая кинодива.

– Вот погодите, выйдет из тюрьмы Ходорковский, он ему припомнит, – громким, на весь салон, шепотом прошипела дикторша телевидения.

– Ему бы лучше здесь не появляться! Глаза бесстыжие! – возмущенно воскликнул редактор интеллектуального журнала.

– «Последний нонешний денечек гуляю с вами я, друзья!..» – кривляясь, псевдонародным голосом пропел юморист, изображавший на сцене русских алкоголиков.

– «Есаул, есаул, ты оставил страну, и твой конь под седлом чужака...» – вторил ему эстрадный певец, энергичный и уродливый, как обезьянка.

Вокруг Есаула разверзалась пустота. Скоро рядом с ним оставалось лишь пять соратников. Причем Круцефикс отдалился на два шага, чтобы выглядеть неподвластной Есаулу персоной, и все время, малыми шажками, увеличивал расстояние.

Есаул мучился, испытывал отвращение, страдал от унижения, ненавидел.

Эти легкомысленные, вероломные особи во все века окружали властителей, восторженно роились вокруг престола фараона, трона царя, алтаря первосвященника. Мгновенно, едва

кумир начинал слабеть, и возникало новое светило, они летели на его свет, окружали легковесной, мельтешащей массой, славословили, льстили, заискивали, тая в себе очередное предательство и вероломство. Это была та самая «светская чернь», которая на балах и раутах язвила Пушкина, мучила Лермонтова, распространяла гнусные сплетни, кидала подметные письма, клеветала, чернила, доводя до самоубийства. Эта была мошकारа, легкокрылая, эфемерная, переносимая ветром, но эта мошकारа была способна закусать и зажалить до смерти.

Здесь, на теплоходе, проявлялась феноменология власти, двигавшей людскими страстями, похотями, вожделениями, перемещавшая их от слабеющего полюса к тому, что наливался силой и крепостью. Точно так же возникала смертельная пустота вокруг последнего царя Николая, от которого отвернулись недавние придворные, камергеры, генералы, советники, оставив его одного на заклание, подсовывая «Акт отречения», равнодушно провожая на эшафот. Также предали Сталина его сподвижники и клеветы, бросив обессиленного вождя корчиться на полу своей подмосковной дачи, торопясь поскорей его схоронить, чтобы на могилу навалить ту самую «гору хлама и мусора», о которой провидчески говорил престарелый слабеющий вождь. Та же участь постигла жовиального Хрущева, любимца интеллигенции, обреченного после опалы на унижительное одиночество, тщетно взывавшего к прежним друзьям, – вмиг отпрыгнули бессчетные подхалимы, сонмы льстецов, торопящиеся кинуть в него ком грязи.

То же самое испытывал сейчас Есаул, слыша насмешки, ловя ядовитые взгляды, наблюдая, как очередная актриса или политолог перебегают к Куприянову, брезгливо стряхивая с себя сам воздух, зараженный дыханием Есаула.

Был еще один человек, на которого сыпались насмешки, щипки, шаловливые и злобные выходки. Горбун, маленький, облаченный во фрак, с бабочкой-галстуком, тоже явился на церемонию и сразу же стал мишенью толпы. На него стали указывать пальцем, якобы невзначай толкали. Эстрадный пересмешник пригнулся, ссутулил спину, изображая горбуна, на согнутых ногах пристроился сзади калеки. Молодые певички из «Фабрики звезд» окружили его и стали водить хоровод. Синие печальные глаза калеки умоляюще смотрели на обидчиков. Худое лицо покрылось болезненным румянцем. Челядь, видя поведение господ, копировала их, желая угодить хозяевам. Прислужник, разносивший шампанское, с наглой усмешкой, присвистнув, пронес поднос с бокалами над головой горбуна, заставив его испуганно присесть, что вызвало хохот толпы. Женщина-мажордом, управлявшая церемонией, наклонилась к нему, как к малому ребенку, что-то жеманно сюсюкала, поглаживала по голове, одновременно навалив на него свои сдобные груди. Эстрадный певец, игривый, как макака, стал скакать вокруг убогого, фальшиво запел романс: «Мой Лизочик так уж мал, так уж мал, что, сорвавши одуванчик, заказал себе диванчик, тут и спал, тут и спал...» Горбун уклонялся от обидчиков, смотрел на них укоряющими, полными слез глазами. Удалился, исчезнув в стеклянных дверях.

Есаулу было жаль горбуна. У них была общая доля. Их обоих ненавидели и мучили. Относились, как к убогим и неполноценным. Дразнили и оскорбляли.

– Господа, – торжественно и жеманно, раскрывая зев, жирно обведенный губной помадой, возгласила дама-мажордом. – Приступаем к церемонии преподнесения даров. Нет ничего чудесней, чем дарить от всего сердца, особенно таким счастливым и красивым людям, как наши молодожены. Сейчас несколько слов хотела бы сказать наша неповторимая красавица и любимица, несравненная Луиза. Прошу, моя дорогая! – благостно сочась подобострастием, пригласила дама-мажордом Луизу Кипчак.

Та ослепительно улыбнулась, озаряя почитателей и друзей лучезарным обаянием. Ее лучистое аметистовое платье напоминало свежую хризантему. А сама она, с полуоткрытой грудью, матово-жемчужными плечами, белокурыми волосами, уложенными в античную прическу, казалась сказочным цветком, женщиной-звездой, источавшей аметистовое сверканье.

– Любимые мои, – задумчиво обратилась она к гостям. – В этот счастливый час мне хочется вспомнить моего дорогого, незабвенного папочку, который сейчас смотрит на меня с небес и радуется моему счастью. Он сделал все, чтобы я была счастлива. – Луиза посмотрела сначала на Франца Малютку, чье лицо было блаженным и просветленным, а потом на Куприянова, с мужским интересом внимавшего сладостному голосу. Казалось, и тот и другой были ее женихами, и втроем они составляли чудесную пару. – Папочка говорил: «Помни, Луиза, что ты – лучшая, ты – элита. Ты самая умная, достойная, дорогая. Мы выстрадали свою элитарность, сбросив оковы тяжкого тоталитаризма, где все были равны в своей серости, бедности и униженности. Ты должна блистать как звезда и светить людям. Не помогай бедным, пусть они видят твое богатство и захотят разбогатеть. Не сострадай убогим и некрасивым, пусть они увидят, как ты хороша и совершенна, и стремятся походить на тебя. Не отказывай себе ни в чем, и люди, подражая тебе, не будут ни в чем себе отказывать». Я выполняю завет моего милого папочки. Поэтому все меня любят, все мной любят, все хотят быть рядом со мной. – Луиза умолкла, поводя плечами, на которых переливалось бриллиантовое кольцо, позволяя мужчинам мысленно целовать эти бриллианты, щекотать усами благоухающие теплые плечи, скользить губами по дышащей груди, погружая чувственные носы в матовую ложбинку. – Хочу, чтобы наше плавание было сплошным увеселением, сплошным «праздником на воде». Не отказывайте себе ни в чем, наслаждайтесь, любите, вкушайте сладость свободной любви. Здесь все дозволено, все предрассудки остались на берегу. Здесь свобода, любовь, красота! – Она вытянула свои голые плавные руки, усыпанные золотом и сапфирами. Малютка и Куприянов бережно подхватили ее протянутые длани, проникновенно целовали прелестные пальцы. – Уверена, все, кто взошел на борт этого корабля, насладятся плаванием. А те, кто остался на берегу, увидят, как мы веселимся, посмотрев фильм, который я буду снимать в пути. Мы должны помнить, что канал, по которому сейчас плывем, строили рабы Сталина, берега усеяны безвестными могилами, усыпаны безымянными костями. И мы, живые, должны наслаждаться и за тех, кто не увидел счастья в жизни. Чем счастливее мы будем на этом корабле, тем лучше будет тем миллионам несчастных, которые с небес следят за нами. Эту мысль тоже высказывал мой незабвенный папочка. Веселитесь, дорогие, я люблю вас! – Луиза Кипчак одарила всех обворожительной улыбкой, обводя гостей бирюзовыми очами.

– Я тоже хочу сказать, – вперед просочилась мадам Стеклярусова, матушка невесты. Сделала несколько шагов вперед, и Есаул с удивлением заметил, что ее толстенькие, похожие на бутылочки ноги сдвинулись пятками, носы туфель разошлись в стороны, и она совершила несколько небольших прыжков, как кенгуру, что выдавало в ней масона. Есаулу многое стало понятно, – безвольный, сладкоречивый Кипчак, пребывавший в сексуальной зависимости от своей обольстительной жены, находился также в плену ее масонских интриг. Именно под ее воздействием он инициировал расследование «тбилисских событий», когда русские десантники вышли с саперными лопатками, чтобы возделывать газоны на площади Руставели, окопать старинные платаны, взрыхлить клумбы с цветами, а Кипчак обвинил их в человекоубийстве. Именно она в постели под балдахин, нашептывая сладострастные речи своему возбудимому супругу, убедила его переименовать Ленинград в Санкт-Петербург и пустить в фонтане «Самсон», что в Петергофе, газированную воду нарзан. Именно она заставила его заняться скупкой недвижимости по довоенным ценам, что сделало ее обладательницей нескольких великолепных квартир с видом на Неву, где собирались члены петербургской масонской ложи. И именно она уговорила мужа взять на службу молодого, обаятельного чекиста, связанного с дрезденскими масонами, который, благодаря протекции «тайных братьев», превратился в Президента Порфирия. Это открытие поразило Есаула, обнажало скрытую грибницу масонских связей, пронизывающих мир.

– Я хочу вам сказать, – продолжала мадам Стеклярусова, – что мой незабвенный муж дал Луизе поистине европейское воспитание. Иногда он бил ее плеточкой за рукоблудие на уроках

французского. Иногда ставил «на горох», когда заставлял в объятиях учителя немецкого. Иногда выгонял голую зимой на балкон, когда находил в ее детской постельке банан, или стеариновую свечу, или свою электробритву, или набалдашник от трости. Не верьте тем, кто утверждает, что мой муж умер, якобы подавившись яйцом Фаберже, или задохнулся пухом, нюхая одуванчик. Он погиб смертью героя, пав жертвой недобитого советского подполья, которое не могло ему простить переименование Ленинграда в Санкт-Петербург. Террорист, занимавшийся в лаборатории КГБ медленно действующими ядами, проник в ложу Кипчака во время оперы «Сказка о царе Салтане» и посадил ему на голову ядовитого шмеля, обитающего в дельте Амазонки. Этот шмель был запрограммирован на музыку Римского-Корсакова. Когда зазвучала мелодия «Полет шмеля», зловерное насекомое вонзило свое жало, и Кипчак умер от инсульта спустя два года в момент посещения синагоги...

Во время всей речи за спиной красавицы возвышалась молчаливая фигура тувинца. Тока, сын шамана, похожий на бронзовое литье, время от времени трогал голую спину госпожи. Тело красавицы, во многих местах обнаженное, пережившее множество пластических операций, «подтяжек», парафиновых вливаний, напоминало дорогую сырокопченую колбасу, перетянутую бечевой. Иногда швы ослабевали, и тело начинало вздуться. В эти моменты преданный тувинец крутил небольшой винтик, вживленный между лопаток красотки. Бечева натягивалась, возвращая мадам Стеклярусовой былую стройность и пластику.

Следующим, не в силах скрыть волнения, слово взял Франц Малютка.

– Дамы и мужики... Я так счастлив... Луиза сделала из меня человека... Кто я был? Бандит, умевший просверлить дырочку в черепе конкурента... А кем я стал? Элитой, родственником великого Кипчака... Мне с ней везде хорошо... В шахте, в «Боинге», на дне морском, на шпигеле Адмиралтейства, у подножья памятника Тимирязеву, в ложе Мариинского театра, в жерле царь-пушки, у подножья памятника Линкольну, у пирамиды Хеопса, у фонтана ресторана «Метрополь», на концерте Паваротти, в фонтане «Треви» в Риме, у подножья памятника Петру Первому работы Церетели, у подножья самого Церетели, на клумбе перед зданием ФСБ, в могиле Ваганьковского кладбища, в петергофском фонтане «Самсунг», где шипит чистейший нарзан... Где еще, Луизочка, я забыл?

– Всего два раза в постели, – подсказала невеста.

– Всего два раза, но какие! – воскликнул Малютка.

Толпа не выдержала, закричала: «Горько!.. Горько!» Луиза Кипчак кинулась к суженому, подпрыгнула, обхватив его сильными коленями. Поцеловала Малютку долгим, высасывающим жизнь поцелуем, от которого силач едва ни лишился чувств.

– А теперь, дамы и господа, – вмешалась мажордомша. – Начинаем дарить подарки. Не бойтесь нанайцев, дары приносящих, – пошутила она, став похожей на Регину Дубовицкую.

Первым одаривал Куприянов. Красивым жестом погрузил руку во внутренний карман пиджака. Извлек футляр красного дерева. Раскрыл, и на черной сафьяновой подкладке всплыл, драгоценно воссиял, нежно и восхитительно замерцал огромный изумруд, исполненный блеска, средоточие лучей, от которых стало светлее в зале. Протягивая подарок, как протягивают сорванную с неба звезду, Куприянов произнес:

– Этот изумруд зовется: «Слеза изумленного Бога». До этого он принадлежал шейху Катара. А раньше – индийскому магарадже. Говорят, он хранился в сокровищнице царя кушан и был захвачен войсками Александра Македонского. Владейте им, и пусть ночью, когда в вашей спальне погаснет свет, он освещает ложе вашей любви, – с этими словами Куприянов передал драгоценный камень Малютке. Все заплодировали.

Затем выступил губернатор Русак. Заговорщически топорща собачьи усы, таинственно улыбаясь, поставил на столик шкатулку карельской березы. Извлек крохотный золотой ключик. Вставил в скважину крохотного замочка и несколько раз повернул. Шкатулка оказалась музыкальной. Хрустальными переливами зазвучал «Свадебный марш» Мендельсона. Шкатулка

приоткрылась. В ней обнаружилось золотое свечение. Из этого чарующего зарева, под звуки священного гимна, стал подниматься, как поднимается ствол зенитного орудия, орган мужской любви, золотой, в натуральную величину, с поразительным сходством, как если бы золотая отливка была сделана по эскизам Микеланджело. Устремив золотой ствол в зенит, любовный фетиш остановился, окруженный священным жаром. Луиза Кипчак, истинная жрица любви, припала к нему, хватая пламенными устами самую культовую часть фетиша. Ее голубые глаза наполнились золотыми слезами счастья.

Все восторженно аплодировали. Оператор Шмультрихтер почти въехал камерой в зев жрицы, стараясь запечатлеть поведение золотого бога в его новой обители.

Председатель Союза предпринимателей и промышленников Добровольский созерцал сцену глазами библейского старца, подсматривающего за Сюзанной. Приблизился к столику и выложил на него роскошный фолиант. Эта была Камасутра, выполненная на старинном пергаменте, с рисунками культового художника Сальникова, который умел самые непристойные сцены и виртуозные извращения облечь в форму высокого искусства. Работая над книгой, он проводил время в залах художественной гимнастики, наблюдая, как прелестные гимнастки делают шпагаты, стоят на руках, свиваются в узел, смыкаются в колесо, изгибаются в «мостики», садятся в «позу лотоса», помещают шею среди ягодич, заносят правую пятку за левое ухо.

При этом их молодой тренер умудряется каждую спортивную позу использовать для соития.

Добровольский перелистал несколько негнущихся страниц, показывая Луизе Кипчак и Францу Малютки нечто такое, что их страшно заинтересовало. Они начали было копировать экзотические позиции, но Добровольский мягким жестом остановил их:

– Хочу заметить, что переплет этой изумительной книги сделан из кожи кенийского козла. Одна часть кожи пошла на переплет Конституции Российской Федерации, на которой клялся наш дорогой Президент Порфирий. Другая часть была использована для обрамления этой мистической книги, на которой вы, дорогой Франц, поклянетесь своей возлюбленной в вечной любви и верности. Если у вас что-то не будет получаться, зовите меня. Я помогу вам исполнить эти сложные, но, поверьте, увлекательные упражнения.

Франц Малютка положил волосатую лапищу на кожаный переплет Камасутры и, взирая на драгоценную супругу, произнес:

– Клянусь, блин. Однако теперь я пропал.

Гости рукоплескали в неописуемом восторге. Выступила ведьма Толстова-Кац, напоминавшая огромный бурдюк с водой. Приподняла ворох шелковых юбок и извлекла из-под них женскую статуэтку, выточенную из голубой яшмы. Статуэтка изображала женщину, по виду египтянку, которая широко раздвинула ноги, растворила лоно, приглашая животворный дух посетить его. Это могла быть Нефертити, призывающая Тутанхамона, но могла быть и Клеопатра, поджидающая в опочивальне Цезаря. Дух, витавший над Нилом, над зарослями белоснежных лотосов принимал образы прекрасных, благородных мужчин, бесчисленных воплощений Озириса. Соответственно женщина, выточенная из лазурной яшмы, была вечной Изидой. Обо всем этом колдунья поведала молодоженам, передавая подарок.

– Берите амулет в свою постель. Он стократ увеличивает наслаждение, перенося в ваш оргазм оргазмы сотен живших до вас любовников. Однако бойтесь умереть от пресыщения, время от времени прерывайте ласки и становитесь под охлаждающий душ.

Луиза Кипчак поцеловала нарумяненную старуху, которую почитала своей наставницей. У той от нежности к своей воспитаннице из-под юбок потекла шумная струйка.

Мадам Стеклярусова протянула дочери тонкий, стертый до блеска кожаный ремешок, вырезанный из хобота африканского слона.

– Это тебе, моя доченька. Ты помнишь этот ремешок, который висел в папином кабинете. Ты в детстве все спрашивала, зачем этот ремешок. Но я стеснялась тебе сказать. Теперь же открою тайну ремешка. Когда твой папа возвращался из Смольного, где он боролся с остатками тоталитаризма, то бывал так измучен, что терял часть своих мужских достоинств. Чтобы вернуть их себе, ложась в постель, просил меня отстегать его ремешком. Я никогда не отказывала своему мужу и крупному общественному деятелю и стегала до тех пор, пока у него не выросал хоботок. Тогда мы сливались в объятьях. Но этот ремешок, будучи источником его возрождений, стал, в конце концов, причиной его гибели. В тот день, когда я не ночевала дома и поддалась на уговоры принца Чарльза покататься с ним по Неве, твой бедный ревнивый отец не выдержал краткосрочной разлуки и удавился на этом ремешке, привязав его к итальянской люстре, которую перенес к себе из запасников Эрмитажа. Дарю тебе этот памятный ремешок, призывая не забывать, что в каждом предмете таится как оживляющая, так и умертвляющая сила.

Луиза Кипчак бережно приняла ремешок, целуя его, как герои целуют саблю. А потом внезапно размахнулась и стегнула Франца Малютку, который от неожиданности взревел слонем, и в паху у него стало жутко взбухать.

Конфузу не дал разразиться кутюрье Словозайцев.

– Вы оба очаровательны, – умиленно произнес модельер, скользя через зал. Он был облачен в белую тунику с золотым меандром. На босых ногах были легкие греческие сандалии. На перевязи висел небольшой бронзовый меч, каким Ахилл поразил Гектора. Словозайцев являл собой эллина, явившегося под стены Трои. Нес в руках дары, бояться которых предостерегала Регина Дубовицкая. – Эти одеяния – часть моей новой коллекции, которую я назвал «Одиссей и Пенелопа». Когда вы удалитесь к себе после торжественной церемонии, попробуйте примерить эти простые, подчеркивающие пластику тела туалеты.

Он протянул Луизе Кипчак длинную жемчужную нить, которую следовало набросить на шею, свободно пропустить под обнаженной грудью, обвить живот, продернуть в пах, погрузить в глубину ягодиц и вновь протянуть вверх, к шее, по ложбинке спины. В том месте, где нить ниспадала с живота и погружалась в таинственные прелести, – находилась небольшая морская звезда. Она стыдливо прикрывала сокровенные дары, заслоняя ход дерзновенному герою. Но уж если герой, преодолевая множество преград, достигал желанного, то эта звезда служила источником непередаваемых усад, награждая героя истинным счастьем.

Францу Малютке достался галстук, столь же тонкий, как и жемчужная нить. На конце галстука качалась перламутровая, с отточенными кромками раковина. Во время любовных игр, которым предавались древние греки, галстуком можно было душить строптивую подругу, а острой раковиной, если эллина постигала неудача, можно было вскрыть себе вены.

Принимая подарки, молодожены переглянулись, и можно было не сомневаться, что туалеты уже нынешней ночью будут примерены.

Посол Киршбоу никогда не был скуп на подарки, но сейчас превзошел самого себя. Он подарил жениху и невесте подлинный автограф Джорджа Вашингтона, – расписку в том, что тот купил у еврея-торговца семьдесят четыре черных раба из Либерии.

– Фокус в том, что среди купленных рабов была жрица негритянского племени, влюбившая в себя великого американца. От нее через два века произошли Кондолиза Райе и Майкл Джексон. И хоть одна осталась черной, а другой выбелил себе кожу, но оба считают Джорджа Вашингтона своим прапрапрадедом.

Дарения продолжались. Персона, похожая на Боярского, подарила молодоженам свою черную широкополую шляпу, тут же заменив ее на своей голове другой. В тот краткий миг, когда голова оставалась непокрытой, обнаружилось, что череп его срезан, над кромками костяной чаши вспучивается мозг, словно кипящее, готовое убежать молоко, и в этой белесой гуще дергается, мерцает, словно крохотная молния, единственная извилина.

Юморист, напоминая Жванецкого, подарил счастливой паре банку, полную живых мух. Стал смешно бегать по залу, жужжать, изображая муху. Передал гостинец Луизе, сказав:

– Я знаю, в Санкт-Петербурге, на могиле моего друга Кипчака состоится ритуал выпуска птиц. Кто-то будет выпускать голубей, кто-то горных орлов, а ты, моя дорогая, выпусти мух. Свободу любят все, – и мухи, и Ходорковский, – с этими словами, вибрируя руками, потряхивая толстым брюшком, он полетел на место.

Персона с усами Михалкова вручила Малютке шашку Деникина. Прах генерала был уже вырыт из вашингтонской земли, похоронен ненадолго в Париже. Через несколько дней его снова отроют, по Волге-матушке доставят в Москву. Теплоход «Иосиф Бродский» повстречается с сухогрузом «Генерал Деникин», везущим прах прославленного генерала и примкнувшего к нему философа Ивана Ильина.

– Тогда, брат, выходи на палубу, отсалютуй шашкой двум славным сынам России!

Малютка взыграл, обнажил клинок, свистнул в воздухе, так что лезвие отсекло михалковский ус.

Наступил черед дарений для отчужденных изгоев, к которым принадлежал и Есаул.

Первым, неуклюже, набычась, к молодоженам приблизился прокурор Грустинов, предложив Малютке свой подарок. Это был искусно сделанный, уменьшенный «автозак», с решетками на окнах, мышино цвета, с мигалкой, какие курсируют от «Бутырок» и «Матросской Тишины» к московским судам и обратно. Малютка опасливо принял дар. Нажал на фиолетовую кнопку, изображавшую «мигалку». Крышка «автозака» растворилась, и вылезла дорогая, с золотой каймой, кубинская сигара. Малютка облегченно загоготал, похлопав по плечу прокурора:

– Ну, блин, ты и шутник, прокурор!

Дрыгая парализованной ногой, опираясь на трость, прихромал министр обороны Дезодорантов. Протянул Малютке золотую пулю на цепочке:

– Это, милостивый государь, пуля для вас. Носите ее с собой, чтобы не досталась врагу.

Малютка благосклонно хмыкнул и тут же нацепил охранный амулет на жирную шею.

Спикер Грязнов подарил шахматы – искусный резчик выточил фигуры и пешки с лицами депутатов, причем сам Грязнов был изображен в виде белого короля, а вице-спикер Слиска оказалась симпатичной толстобочкой королевой.

– Appetitная бабенка, – сказал Малютка, вертя пальцами белую королеву, словно хотел рассмотреть, как устроены у нее под платьем ноги.

Телемагнат Попич преподнес серебряную клетку с золотым соловьем, намекая на то, что и сам он поет в неволе.

– Я, братан, тоже налетался. Луизка на цепь посадила. Ни одной бабы близко не подпускает, – вздохнул Малютка.

Настал черед Есаула нести свой подарок. Толпа воззрилась, сверкая ненавидящими глазами, издевательски указывая перстами. Между Есаулом и молодоженами оставалось пустое пространство, которое ему предстояло перейти. Оно было заминировано противопехотными минами, начинено фугасами, рассечено невидимыми «растяжками». Над ним носились злобные духи, которых выпускала из своего хлюпающего живота Толстова-Кац, страшая Есаула выпученными жабыми глазами, скользкими бородавками, раздутым зобом, из которого неслся квакающий звук переполненных слизью болот.

Есаул глубоко вздохнул. Держа у груди сверток с подарком, пошел, как идет сапер, чувствуя стопой начиненную взрывчаткой землю. Как идет знаменосец, пронся алое полотнище сквозь встречный, наполненный пулями ветер. Пересек пустое пространство, остановился перед молодоженами.

– Мой подарок символичен, – произнес он, извлекая из свертка просторную золотую чашу с серебряной каймой, на которой черной вязью был начертан стих Дельвига: «Когда еще

я не пил слез из чаши бытия...» – Я дарю это вам с надеждой и молитвой, чтобы чаша сия никогда не наполнилась до краев слезами, а только молодым благородным вином, которое вы вместе станете пить долгие годы.

Он протянул чашу Малютке. В глубине золотого сосуда плавало прозрачное дивное пламя. Стенки сосуда чуть слышно звучали, будто чей-то волшебный голос исполнял романс на стихи Дельвига: «Тогда зачем в венке из роз к теням не отбыл я...» Все замерли, зачарованные музыкой, озаренные нежным, излетающим из чаши светом.

Малютка принял подарок, бережно осматривал. Шевелил толстенными губами, сиюсь прочесть стих.

– всю жизнь башлял, а книг совсем не читал. Теперь начну.

– Ты, Франц, русский человек, в бараке родился, – Есаул в поклоне приблизил губы к твердому волосатому уху Малютки. – До всего дошел сам, без протекции. Выбирай путь правильно. Не ошибись. Старый друг лучше новых двух.

Малютка взглянул на него с удивлением. Луиза Кипчак, не позволяя продлиться беседе, отобрала чашу, громко, на весь зал произнесла:

– Вы, Василий Федорович, все-таки заходите к нам, когда уйдете в отставку. Мы с Франтиком добро помним.

Это ласковое обращение было исполнено язвительности, должно было причинить Есаулу боль. Так бросают собаке кусок лакомства, в который спрятан осколок стекла. В толпе засмеялись.

В это время Круцефикс с безумным лицом, нелепо подпрыгивая, делая странные выкрутасы, словно выпутывался из тенет, кинулся через зал к Куприянову. Стал хватать его за руку, норовя поцеловать, бессвязно выкрикивая:

– Не верьте ему!.. Он лжет!.. Он готовит какой-то план!.. Он хочет нас всех погубить!.. Велите повернуть теплоход обратно!.. Я с вами!.. Я всегда вас любил!..

Прокурор Грустинов кинулся вдогонку Круцефиксу, схватил за пиджак, оттягивая от Куприянова. Старец Добровольский, с необычной для своих лет прытью, ухватил Круцефикса за шиворот, не отдавал прокурору. Спикер Грязнов подоспел на подмогу Грустинову, вцепился в ногу Круцефикса, тянул, что было мочи. Колдунья Толстова-Кац припрыгала на помощь Добровольскому, впиалась Круцефиксу в бородку, тянула на себя. Министр обороны Дезодорантов подскочил на одной ноге, стал бить набалдашником трости по голове Круцефикса, желая лишить его чувств и в этом виде унести с поля боя. Но ему мешал губернатор Русак, умудрившийся засунуть пятерню в раскрытый зев Круцефикса, не отдавая назад перебежчика. Все смешалось, клубилось. Круцефикс то взлетал к потолку с оторванной бородкой и разодраным ртом, то рушился на пол, крича и умоляя, пока огромная, как переполненная лохань, Толстова-Кац не села ему на голову. Окатила шумным водопадом, в котором умолкли жалобные клики ренегата. Мокрого, без чувств, похожего на утопленника, с несколькими, вцепившимися в него раками, с улитками на лице, с лягушачьей икрой в глазах, Круцефикса уложили на полу. Персона в шляпе Боярского стала делать искусственное дыхание, выдавливая из его тщедушных легких зеленоватую воду.

Желая сгладить дурное впечатление от происшедшего, кто-то крикнул:

– Виват молодоженам!.. Горько!.. Все стали вторить:

– Горько!.. Горько!..

– Дамы и господа, – раздался в репродукторе бархатный, чарующий голос капитана Якима. – Просим всех в ресторацию на третьей палубе, где уважаемых гостей ожидает ужин из экзотических рыбных блюд и где можно отведать дары всех четырех океанов.

Гости, утомленные неразберихой, с радостью откликнулись на приглашение. Есаул испытывал тоску, разочарование, тревогу. Еще один из близких сподвижников оказался предате-

лем. План, который был спрятан под сердцем, по-прежнему был неведом врагам. Но те уже знали, что план существует.

Глава восьмая

Ресторанная зала сверкала хрустальными, фарфоровыми, серебряными ножами и вилками. На столах в литых подсвечниках горели свечи. На эстраде играл одесский джаз. Миловидные, с печальными глазами евреи исполняли музыку двадцатых годов. Певец Буйнов во всем белом, в облегающих брюках, эффектно подчеркивающих величину упругих семенников, напевал: «По улицам Милана шла девушка милая...»

Гости усаживались, где придется: Есаул оказался за столом, где по одну руку от него сидел Франц Малютка, по другую – посол Кишбоу. Напротив голодной улыбкой улыбался Добровольский, потирая венозные руки, приговаривая: «Ах, как я люблю рыбу! Рыбка – моя слабость!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.